

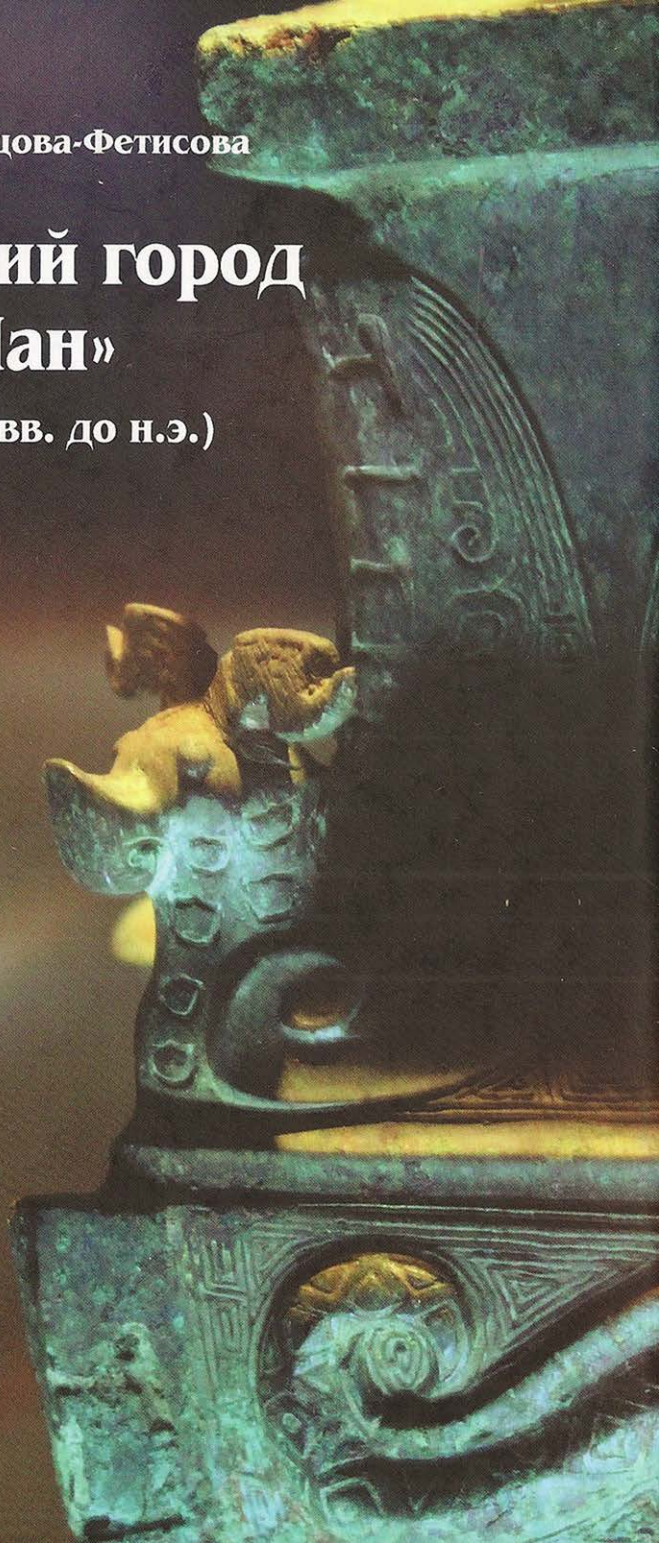
М.Е. Кузнецова-Фетисова

«Великий город Шан»

(XIV–XI вв. до н.э.)

«Великий город Шан»

М.Е. Кузнецова-Фетисова

Российская академия наук
Институт востоковедения

М.Е. Кузнецова-Фетисова

**«Великий город Шан»
(XIV–XI вв. до н.э.)
и его значение
в древней истории Китая**

Москва
Наука — Восточная литература
2015

УДК 94(31)
ББК 63.3(5Кит)
К89

Монография подготовлена
в рамках исследовательского проекта
РГНФ № 12-31-01268

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 15-01-16093*

На первой странице переплета:
Деталь бронзового сосуда из погребения М5 («Могила Фу Хао»)
На четвертой странице переплета:
Бронзовый артефакт с инкрустацией бирюзой

Кузнецова-Фетисова М.Е.

«Великий город Шан» (XIV–XI вв. до н.э.) и его значение в древней истории Китая / М.Е. Кузнецова-Фетисова ; Ин-т востоковедения РАН . — М. : Наука — Вост. лит. , 2015. — 190 с. : ил. — ISBN 978-5-02-039953-2

В книге на основе изучения археологических и письменных источников раскрывается история древней столицы государства Шан-Инь – «Великого города Шан» (XIV–XI вв. до н.э.). Рассматривается история археологического изучения древней столицы под Аньяном, в том числе дворцово-храмовых центров и «царского» некрополя; проводится исследование «архивов» гадательных костей, обнаруженных при раскопках; рассказывается о связи различных ремесел и искусства «Великого города Шан». В Приложении дается выполненный автором перевод главы 3 древнего памятника «Чжуншу цзинянь», или «Погодовых записей на бамбуковых планках».

© Кузнецова-Фетисова М.Е., 2015
© Редакционно-издательское
оформление. Наука — Восточная
литература, 2015

ISBN 978-5-02-039953-2

Моим учителям

Введение

История Китая – понятие многозначное. Под этим словосочетанием могут иметься в виду исторические процессы, протекавшие на территории Китайской Народной Республики. В этом случае основным принципом организации материала является освещение указанных явлений в определенном регионе Восточной Азии. Как следствие в историю Китая включается исследование развития ряда народностей и этносов помимо собственно китайцев – например, тибетцев, уйгуров, монголов и т.д. Принципиально иным является подход, связывающий словосочетание «история Китая» с историческим развитием китайцев – этнической группы *хань* 汉 (именуемых также *хуася* 华夏).

В данной работе термин «история Китая» употребляется чаще всего в значении «процесс формирования и развития китайского этноса». В свою очередь, этнос здесь понимается «как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [Бромлей, 2008, с. 57, 58]. Наиболее важными аспектами для данной работы являются следующие черты этноса:

- 1) общая территория;
- 2) население, связанное общностью происхождения и особенностей материальной культуры;
- 3) общность языка;
- 4) самосознание.

Исторический период развития в регионе Восточной Азии начинается с появлением письменности во второй половине второго тысячелетия до н.э. Древнейшие известные письменные памятники – надписи на гадательных костях – связаны с существовавшим в XIV–XI вв. до н.э. крупным городским центром государственного образования, известного как Шан-Инь. До рассматриваемого периода вопросы генезиса китайского этноса сводятся к работе с физическими объектами – предметами материальной культуры; в дальнейшем же все более важное место занимают письменные памятники.

Книга «„Великий город Шан“ (XIV–XI вв. до н.э.) и его значение в древней истории Китая» является результатом более чем 15-летней работы. Изучение истории Китая второй половины второго тысячелетия до н.э. ставит больше вопросов, чем дает ответов. К примеру, что такое «Великий город Шан»? Почему название династии обозначается двумя словами – Шан-Инь? Как функционировала столица в то время? Эти и многие другие вопросы рассматриваются в данной монографии.

Свою работу я посвящаю своим учителям. Прежде всего это мои родители, Вера Владимировна Кузнецова-Фетисова и недавно ушедший Евгений Львович Кузнецов-Фетисов (1954–2015). Моими наставниками были и являются Станислав Роберт Кучера и Павел Михайлович Кожин. Также я хотела бы поблагодарить свою семью, коллег и друзей, которые всегда поддерживали и вдохновляли меня.

История раскопок и изучения древней столицы под Аньяном

Свидетельства письменной традиции

Письменная традиция донесла до наших дней немало информации о времени правления династии Шан. Прежде чем давать характеристику источникам по отдельности, хотелось бы отметить, что время их составления на временной шкале отстоит достаточно далеко от периода правления этой династии. Однако это не ставит под сомнение высокую степень достоверности сведений, переданных в этих источниках, что было подтверждено археологическими раскопками и данными эпиграфики. Тем не менее при использовании данных, касающихся материальной культуры, нужно учитывать возможность изменения понятийного аппарата и жизненных реалий, что могло отражаться в деталях описания, которые в силу специфики данной работы являются наиболее значимыми.

Среди древнейших свидетельств – главы «Шан шу» 尚书 («Книга истории») и раздел «Шан-сун» («Гимны дома Шан») из «Ши цзина» 诗经 («Книга песен»).

«Шан шу», или «Шу цзин» 书经 («Книга истории» или «Книга документов»), – каноническая книга государствен-

ных документов и выступлений, по преданию, собранных и отредактированных Конфуцием (551–479 гг. до н.э.).

Пять глав «Книги истории», объединенные в раздел, относящийся к правлению династии Шан, посвящены ключевым политическим событиям, происходившим в течение всего этого периода. Сведений, касающихся материальной культуры, в этих главах достаточно мало; для ее изучения имеет важное значение глава «Юй гун» из раздела, относящегося к правлению мифического правителя Юя и династии Ся. Эта глава является одним из древнейших географических китайских трактатов. Окончательное ее редактирование относят ко второй половине III в. до н.э., но несомненно, что значительная часть информации описывает реалии гораздо более раннего времени, и некоторые из этих сведений могут относиться к периоду зарождения древнекитайской цивилизации. В частности, в этом тексте описываются 9 областей, на которые, по преданию, правитель Юй разделил Китай, указываются характеристики каждого района, размеры податей и дани. Анализ сведений, данных в этой главе, и сопоставление их с материальными остатками, обнаруженными на территории древнего городища Иньсуй, позволяет предположить, что шанцы получали некоторые виды сырья и, возможно, изделий из областей, отдаленных от них на многие десятки, если не более километров.

Пять гимнов дому Шан в составе «Ши цзина» предположительно являются древнейшими по времени составления и относятся к VIII в. до н.э. Местом их составления считается царство Сун, где жили потомки династии Шан после ее ниспровержения чжоуским У-ваном. Эти гимны воспевают добродетели наиболее выдающихся представителей дома Шан.

Исследователи предполагают, что многие описания гексаграмм древнейшего слоя «И цзина» 易经 («Книга перемен») также имеют отношение к событиям в конце царствования династии Шан.

Обширный материал по древнему производству и материальной культуре того времени представлен в трактате «Чжоули» 周礼 («Чжоуский ритуал»), время окончательной редакции которого приходится на период Чжаньго (Сражающихся царств, 475–221 гг. до н.э.). В нем присутствуют значительно более ранние фрагменты, в том числе касающиеся производства, а также многие детали, не претерпевшие существенных изменений с течением времени; но при исследовании материальной жизни общества периода Шан-Инь этот памятник может служить лишь вспомогательным источником, поскольку относится к значительно более позднему периоду.

Начиная с VI–V вв. до н.э. суждения о династии Шан-Инь и сопоставления династий Ся, Шан и Чжоу встречаются во многих литературных и исторических памятниках, в том числе в философских трактатах раннего конфуцианства.

В первом всеохватном историческом сочинении, посвященном древности, – труде Сыма Цяня 司马迁 «Ши цзи» 史记 («Исторические записки») описанию правления династии Шан полностью посвящена глава «Инь бэнцзы ди сань» 殷本纪第三 («Глава третья. Основные записи дома [Шан-]Инь»); кроме этого, в других разделах также немало повествуется о событиях и персоналиях, связанных с этим периодом.

Начиная с династии Западная Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.) на протяжении Средних веков в исторических сочинениях и энциклопедиях, касающихся древности, встречается масса интересных, но порой малообоснованных сведений о правлении дома Шан.

В 281 г. н.э., при династии Цзинь (265–420 гг. н.э.), в уезде Цзисянь провинции Хэнань при вскрытии могилы вана царства Вэй по имени Сан (годы правления 318–296 гг. до н.э.) было найдено множество бамбуковых планок, на которых было записано несколько книг. Одной из них оказалась хроника, описывающая историю Китая с времени

правления легендарного императора Хуан-ди до 20-го года царствования указанного Вэйского вана (299 г. до н.э.). Этому произведению дали название «Чжушу цзинянь» 竹书纪年 («Погодовые записи на бамбуковых планках»); традиционно при переводе на русский язык эту хронику называют «Бамбуковой летописью», также встречаются названия «Бамбуковые хроники» и «Бамбуковые анналы». Составитель хроники неизвестен.

Изначально в «Чжушу цзинянь» было 12 цзюаней (в тринадцатом рассматривались различия в тексте), но уже ко времени правления династии Сун (960–1279) из них сохранилось лишь три. В дальнейшем неизвестные авторы заново переписали текст хроники, который стал известен под названием «Цзинь-бэнь Чжушу цзинянь» 今本竹书纪年 («Погодовые записи на бамбуковых планках в новой редакции»).

Этот вариант текста вызывал у ученых сомнения в его подлинности, поскольку он не совпадал с цитатами в тех работах, которые были сделаны до того, как оригинальный памятник был утрачен. Чжу Юхуэй, ученый, живший уже во время правления династии Цин (1644–1911), собрал эти древние цитаты, сохранившиеся в других работах. На основании этого восстановленного текста известный исследователь Ван Говэй 王國維 (1877–1927) составил свой вариант памятника, назвав его «Губэнь Чжушу цзинянь» 古本竹书纪年 («Погодовые записи на бамбуковых планках в древней редакции»). В настоящее время ряд исследователей признает текст редакции Ван Говэя близким к подлиннику.

Особое значение для изучения имеет хронология древнейшего периода истории «Бамбуковых анналов», являющаяся единственной альтернативой летоисчислению, изложенному Сыма Цянем в «Ши цзи» («Исторических записках»). Надежность сведений хроники была подтверждена дешифрованными надписями на гадательных костях, относящихся к времени правления династии Шан-Инь (XVI–XI вв. до н.э.), архивы которых были найдены в первой половине

XX в. на территории «Великого города Шан» (см. ниже). Надписи на гадательных костях содержали информацию о посмертных именах членов правящего дома, которая в значительной степени совпадала с данными «Бамбуковых анналов».

Эти находки поставили вопрос об источниках сведений «Бамбуковых анналов» и других сочинений, затрагивающих вопросы существования династии Шан-Инь. Время составления этих источников отстояло на сотни и даже тысячи лет от времени правления Шан, но несомненно, что в этом процессе были использованы древние документы, не дошедшие до нашего времени. Вне зависимости от того, были ли это первоисточники, относящиеся к времени правления династии Шан-Инь, или авторы и составители пользовались более поздним переложением, сам факт фиксации важных событий XVI–XI вв. до н.э. не может ставиться под сомнение. До наших дней от шан-иньцев дошли надписи только на наиболее прочных материалах – металле, камне, кости и керамике, но по этим сохранившимся данным можно сделать заключение, что уже в это время существовали государственные архивы, где хранились записи на деревянных планках и других недолговечных материалах. Эти записи показывают интерес к измерению времени у шан-иньцев.

Археологические данные демонстрируют, что во время правления династии Шан очень активно и в тесной связи друг с другом развиваются такие отрасли ремесла, как гончарное дело, металлообработка, резьба по камню и кости. Для всех них, и в особенности для металлургии, должна была существовать развитая система мер и весов, позволявшая вплотную подгонять формы для литья металла, рассчитывать повторяемость орнаментации, расположение деталей изделий, количество необходимого металла. Наряду с выработкой мер измерения пространства появляются меры измерения времени, календарь, регулирующий сельское хозяйство – основу жизнеобеспечения древнекитайского об-

щества. Постепенно появляется заинтересованность в более долговременных стандартных мерах измерения времени, которые позволили бы расставить события на хронологической шкале. Записи, фиксирующие не только факт совершения события, но и время его совершения, становятся первыми историческими свидетельствами, демонстрирующими осознание и изучение времени обществом. Начинается письменная фиксация событий, определяющая шкалу времени, превосходящую продолжительность человеческой жизни. Вполне возможно, что это историческое явление также способствовало социальной консолидации и укреплению осознания единства общества.

Интерес к истории, свойственный китайской цивилизации начиная с древности, способствовал широкому развитию антикварного собирательства. Крупные коллекции бронзовых и каменных предметов, многие из которых содержали надписи, давали возможность сопоставления данных письменных источников с эпиграфическим материалом. Первые упоминания о надписях на бронзовых сосудах, относящихся ко времени правления дома Чжоу, датируются временем правления династии Западная Хань. При династии Сун (960–1279) Лю Чан 刘敞 (1019–1068), считающийся основателем китайской эпиграфики – науки о надписях на металле и камне 金石学 (*цзиньши сюэ*), велел снять копии с бронзовых сосудов, хранящихся в его доме, и вырезать их на стелах. В 1092 г. был завершен труд «Као-гу ту» 考古图 («Иллюстрации для изучения древности») ученого-палеографа Люй Далиня 吕大臨 (ок. 1042 – ок. 1090), где были описаны 234 предмета II–I тыс. до н.э. из нескольких дворцовых и частных коллекций. Кроме описания, в котором сообщались его размеры, вес и вместимость, место находки и хранения, в произведении были даны прорисовки предметов и надписей на них. Исследование древних изделий из камня и металла, начатое и продолженное при Сун и последующих династиях, дало жизнь обширной литературе,

которая, с одной стороны, заложила основы современной эпиграфики и, с другой стороны, донесла до нашего времени информацию о предметах, утерянных за прошедшие столетия. Следует отметить, что изучение эпиграфики и составление типологии древних предметов были вызваны необходимостью выработки принципов определения подлинности вещей из-за широкого развития производства подделок.

Благодаря усилиям многих поколений ученых к концу XIX в. на основе сопоставления эпиграфических и письменных материалов была доказана несомненная достоверность многих событий, имевших место при правителях династии Западная Чжоу. Тем не менее практически отсутствовали эпиграфические свидетельства, относящиеся ко времени правления династии Шан-Инь, за исключением некоторых надписей на бронзовых сосудах. В это время в Китае не существовало научной археологии, все раскопки производились с чисто грабительскими целями, и появлявшиеся на антикварном рынке предметы далеко не всегда сопровождались информацией, откуда они поступили. Все это позволило историку Цуй Шу 崔述 (1740–1816) и его последователям поставить под сомнение само существование династии Шан, как и весь предшествующий период, описанный в исторических сочинениях; эта точка зрения вполне соответствовала школе «гиперкритицизма», влиятельному направлению, существовавшему в то время на Западе.

История нового «открытия» династии Шан-Инь восходит к началу XX в. В 1899 г. исследователь Ван Ижун 王懿榮 (1845–1900), занимавшийся древней письменностью, обратил внимание на так называемые «кости дракона», которые продавались в аптеках как лекарственное средство. В действительности это были специальным образом подготовленные и обработанные панцири черепах и лопатки живот-

ных, использовавшиеся для гадания и затем захороненные в земле; на многих из них были вырезаны древние иероглифы. Благодаря усилиям исследователей, в первую очередь Ло Чжэньюя 羅振玉 (1866–1940) и Ван Говзя, было установлено, что эти надписи относятся к периоду правления династии Шан-Инь – так было заложено начало науки о гадательных надписях 甲骨学 (*цзягу сюэ*). За 25 лет изучения надписей на гадательных костях многие ученые и антиквары-любители составили крупные коллекции этих эпиграфических материалов, насчитывавшие по несколько тысяч фрагментов. Пополнение собраний шло через нескольких торговцев антиквариатом, которые фактически монополизировали торговлю этими артефактами и держали источник их происхождения в секрете. Помимо того что их цена увеличивалась в десятки раз по сравнению с начальными звеньями торговой цепи, на всех уровнях осуществлялось изготовление подделок, порой весьма искусных.

Обнаружение места находок гадательных костей

В 1908 г. цинский ученый Ло Чжэньюй 羅振玉 (1866–1940) установил, что место происхождения гадательных костей находится близ деревни Сяотунь недалеко от Аньяна, пров. Хэнань, и связал его со свидетельствами о расположении столицы династии Шан в этом районе. Однако систематические археологические работы начались здесь только в конце 1920-х годов, и связаны они с именами исследователя Дун Цзобиня 董作賓 (1895–1963) и директора Института истории и филологии Национальной академии Фу Синяня 傅斯年 (1896–1950). Многие исследователи гадательных надписей скептически относились к возможности обнаружения новых захоронений костей с надписями на этой территории, поскольку количество их, уже имеющихся в коллекциях, было очень велико.

В августе 1928 г. Дун Цзобинь посетил деревню Сяотунь в предместьях Аньяна и нашел подтверждение тому, что грабительские раскопки с целью обнаружения костей продолжались. Исследователь предположил, что, приступив к археологическим работам, здесь можно обнаружить нетронутые грабителями собрания гадательных костей [Li Chi, 1972, с. 51–52]. Таким образом, раскопки планировались для обнаружения гадательных костей *in situ*.

Первый период раскопок – 1928–1937 гг.

Осенью 1928 г. был проведен первый сезон организованных археологических работ под руководством Дун Цзобиня; были найдены более 780 фрагментов гадательных костей с надписями, что подтвердило его оптимистический прогноз и позволило говорить о необходимости продолжения раскопок [Li Chi, 1972, с. 57–58].

Зимой 1928/29 г. руководство археологической секцией Института истории и филологии по приглашению директора принял Ли Цзи (1896–1979), ученый, изучавший антропологию в Гарвардском университете и организовавший ряд научных раскопок на неолитических поселениях в Китае. Именно ему было поручено проведение археологических работ на Иньском городище¹ [Li Chi, 1972, с. 54–56]. Разделение полномочий учитывало интересы каждого из ученых: Дун Цзобинь занимался находками гадательных костей, все остальные артефакты относились к компетенции Ли Цзи. Благодаря его профессиональной подготовке и имевшемуся у него опыту археологических раскопок начиная со второго сезона (весна 1929 г.) фиксировалась стратиграфия залегающих слоев, систематически велась запись всех находок, включая время обнаружения и точное их расположение; также

¹ Финансирование раскопок осуществлялось за счет средств Галереи искусств Фрира (Вашингтон, США).

была составлена подробная топографическая карта окрестностей деревни Сяотунь² [Li Chi, 1972, с. 61], благодаря чему были выявлены районы, на несколько метров возвышающиеся над окружающей территорией; последующие работы были запланированы с учетом этой информации.

Находки подтвердили существование на этом месте городища периода Шан, был раскрыт ряд погребений, обнаружено большое количество керамики, бронзовых, каменных и костяных изделий [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 9]. Многочисленные находки гадательных костей позволили выдвинуть предположение, что здесь находился ритуальный центр династии.

В течение первых трех сезонов раскопок основным методом археологических работ было проведение траншей; сплошное раскрытие культурных слоев стало применяться с четвертого сезона, весной 1931 г.³. Общая площадь раскопок составила 1400 квадратных метров. Исследуемая территория на берегу р. Хуаньхэ к северо-востоку от деревни Сяотунь была разделена на пять районов. Также были проведены пробные раскопки в Хоугане и Сыпаньму; в Хоугане были раскрыты археологические горизонты культур Яншао и Луншань, непосредственно предшествовавшие иньскому слою [Li Chi, 1972, с. 68–72]. В это время к работе приступило новое поколение археологов, оказавшее впоследствии значительное влияние на ход раскопок; наиболее выдающимися фигурами среди них были Лян Сыюн 梁思永 (1904–1954) и Ши Чжанжу 石璋如 (1902–2004).

Пятый–девятый сезоны (осень 1931 – весна 1934 г.) были посвящены раскопкам близ деревни Сяотунь, в первую оче-

² Было установлено, что шанский слой залегает под пластом с многочисленными погребениями периодов Суй и Тан, который, в свою очередь, перекрывается поверхностным уровнем со следами современного использования.

³ Работы проводились на средства Института истории и филологии Академии Синика, по причине прекращения финансирования проекта Галерей искусств Фрира.

редь так называемых платформ из утрамбованной земли, которые представляли собой фундаменты строений [Li Chi, 1972, с. 72–73]. Территорию, где они были сконцентрированы, исследователи назвали «районом дворцов и храмов предков», поскольку крупные размеры многих фундаментов, а также система регулярно организованных погребений рядом с ними предположительно указывают на ритуальный характер существовавших зданий.

Находки в Аньяне освещались некоторыми иностранными периодическими изданиями, в частности *Illustrated London News* (21.06.1930, 08.08.1931), благодаря чему к ним было привлечено мировое внимание. Это, в свою очередь, послужило причиной резкой активизации грабительских раскопок. В 1933 г. близ деревни Хоуцзячжуан местными крестьянами были раскопаны несколько очень крупных бронзовых сосудов; об этом, в том числе и о месте находок, стало известно членам археологической экспедиции.

В начале десятого сезона (осень 1934 г.) продолжались раскопки Сяотуньского комплекса; кроме этого, археолог Лян Сыюн сконцентрировал усилия своего отряда исследователей в попытке локализовать «царские» могилы, что и удалось сделать. При проведении пробных раскопок были обнаружены несколько крупных погребений, благодаря чему в течение 1935 г. они преимущественно были посвящены Сибэйгану 西北岗 (Северо-западный холм), как называли эту местность жители деревни Хоуцзячжуан, которые обрабатывали эту землю⁴. Территория раскопок составила 3 тыс. кв. м [Li Chi, 1972, с. 76–78].

Одиннадцатый и двенадцатый сезоны весной и осенью 1935 г.⁵ были самыми крупными в первый период раскопок,

⁴ В литературе эта местность именуется Хоуцзячжуан 后家庄, Сибэйган, а также Угуаньцунь 武官村, по названию еще одной близлежащей деревни [Чжунго шэжуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 100].

⁵ Финансирование раскопок осуществлялось Академией Синика и Национальным Центральным музеем.

как по объемам финансовых вливаний, так и по их общей территории (8000 и 9600 кв. м соответственно) [Li Chi, 1972, с. 79–81]. Все усилия были сконцентрированы на «царском» некрополе; было раскрыто семь крупных могил с траншеями с четырех сторон и более 800 мелких погребений [Li Chi, 1972, с. 82].

После 12-го сезона осенью 1935 г. раскопки «царского» некрополя были временно приостановлены: это было решение Лян Сыюна, инициатора и руководителя этих работ; паузу планировалось использовать для анализа уже имеющегося материала и выработки направления последующих усилий [Li Chi, 1972, с. 96].

Тринадцатый–пятнадцатый сезоны раскопок (1936–1937) были посвящены продолжению раскопок близ деревни Сяотунь; работы шли прежде всего в секторах В и С, наименее пострадавших от грабителей. Весной 1936 г. был обнаружен крупный архив гадательных костей H127, в котором было найдено более 17 тыс. фрагментов с надписями, из них около 300 целых черепаховых пластронов [Li Chi, 1972, с. 115–119].

С осени 1937 г. раскопки Иньсюя были прерваны из-за начавшейся войны с Японией. С 1939 по 1949 г. резко активизировались грабительские раскопки данной территории, результаты которых хранятся в некоторых крупных японских и западных музеях, а также в частных собраниях [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 15].

Наиболее важными результатами первого периода раскопок являются:

- 1) обширная общая площадь раскопок, составившая 46 000 кв. м (учитывается как сплошное раскрытие культурных слоев, так и проведение раскопок методом траншей) [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 13];

- 2) находки более 24 тыс. фрагментов гадательных костей *in situ* [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 13].

3) обнаружение ритуального комплекса близ дер. Сяотунь с фундаментами больших зданий, а также «царского» некрополя к северу от р. Хуаньхэ;

4) находки на территории окрестностей иньской столицы поселений неолитических культур, что позволило предположить преемственную связь культуры Шан-Инь;

5) обнаружение ряда принципиально новых данных, не имеющих отражения в письменной традиции, например, широкой практики человеческих жертвоприношений населением иньской столицы, что было отражено и в эпиграфике, и в археологических данных.

Второй период раскопок – с 1950 г. по настоящее время

Поскольку основные коллекции, найденные до 1939 г., были вывезены на Тайвань или разграблены во время военных действий, в ходе новых раскопок, возобновленных осенью 1950 г., стояла задача восполнить эти утраты. При этом произошла смена состава археологов, поскольку руководители первого периода раскопок, за немногим исключением, эмигрировали; это обстоятельство не могло не сказаться на результатах работы. На протяжении второго периода на территории иньской столицы и окрестностей работало несколько археологических экспедиций: рабочий отряд Хэбэйского музея; с 1958 г. Аньянский рабочий отряд, образованный в составе Института археологии АН КНР для интенсификации археологических раскопок иньской столицы [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 16]. Иногда раскопки этого периода провоцировались случайными находками в процессе земляных работ при сооружениях предприятий и т.п. Масштабы археологических работ во многих случаях значительно превосходили довоенные.

С 1950 г. и по сей день продолжают раскопки «царского» некрополя: были раскрыты несколько крупных могил с

траншеями, множество мелких погребений [Чжунго шэхуй кэсююань каогу яньцзюсо, 1994, с. 16]. В 1976 г. раскопано более 190 погребений с более 1100 человеческих останков [там же, с. 22].

В 1953–1954 гг. было раскрыто кладбище у деревни Дасыкунцунь: более 150 могил и одна колесничная яма с сохранившимися отпечатками деревянных частей колесницы; предположительно относятся к позднеиньскому времени или началу Западного Чжоу.

В 1957–1960 гг. был раскрыт бронзолитейный комплекс общей площадью более 10 тыс. кв. м, где были обнаружены более 19 тыс. остатков бронзолитейных форм и моделей [Чжунго шэхуй кэсююань каогу яньцзюсо, 1994, с. 17].

В 1958 г. было положено начало раскопок обводного канала, вместе с р. Хуаньхэ образующего защитную преграду вокруг городища в излучине этой реки, где располагаются основания дворцов и храмов предков; его обнаружили в ходе раскопок к западу от деревни Сяотунь. Средняя ширина канала – 10 м, глубина – около 5 м; длина 1100 м с севера на юг и 650 м с запада на восток [Чжунго шэхуй кэсююань каогу яньцзюсо, 1994, с. 17, 77–78]. В том же году к югу от деревни Гоцзячжуан и к западу от деревни Сяоминьтунь были найдены остатки бронзолитейных мастерских, к югу от деревень Дасыкунцунь и Бэйсиньчжуан – остатки двух косторезных мастерских.

В 1961 г. на территориях вокруг деревни Сяотунь был основан культурный заповедник общей площадью 24 кв. км; ему был присвоен статус памятника культурного наследия Китая, охраняемого государством [Чжунго шэхуй кэсююань каогу яньцзюсо, 1994, с. 16–17].

В 1966–1969 гг., во время «культурной революции», раскопки не проводились.

В 1969 г. начались археологические раскопки крупного кладбища Западного сектора близ деревни Сяоминьтунь; наиболее интенсивно раскопки велись до 1977 г.; было рас-

крыто более 1000 погребений, в том числе пять колесничных ям.

В 1973 г. был раскрыт крупный архив гадательных костей близ деревни Сяотунь: найдено более 5000 фрагментов с надписями [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 19].

В 1975–1985 гг. проводились крупномасштабные раскопки к северу от дер. Сяотунь. В 1978 г. была найдена могила № 5 (так называемая «могила Фу-Хао»⁶), что вызвало взрыв интереса к периоду Шан и вскоре ознаменовалось основанием музея и крупного парка.

В 1982–1992 гг. проводились раскопки кладбища близ деревни Гоцзячжуан, обнаружено более 190 погребений, в том числе четыре колесничные ямы.

В 1987 г. был построен Музей Иньсюя.

В 1980–1990-е годы велось большое количество раскопок, иногда достаточно крупномасштабных, но в ряде случаев малорезультативных, что продемонстрировало острую необходимость привлечения современных методов.

В 1997–1999 гг. было принято решение провести крупномасштабные раскопки выше излучины Хуаньхэ, к западу и востоку от дер. Хуаюаньчжуан. Эта местность была выбрана, поскольку находки керамики в этом районе отличались от находок на других шанских городищах, предположительно представляя собой более ранний этап. Это был совместный проект с Миннесотским университетом по исследованию городищ в течении р. Хуаньхэ, в них принимал участие глава археометрической лаборатории этого университета (г. Дулут), Дж. Р. Рапп.

В 1999–2000 гг. было раскрыто семь фрагментов стен шанского города. Реконструируемые масштабы городища: общая площадь – 4,7 кв. км, протяженность стен: с севера на юг – 2200 м, с запада на восток – 2150 [Чжунго шэхуй

⁶ Предположительно захоронение одной из жен правившего в то время вана У-дина (XIII в. до н.э.).

кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 2004, с. 3, 14]. По мнению археологов, сооружение города относится к среднешанскому периоду.

В начале 2000-х годов проводились раскопки на западной окраине Иньсюя, на территории деревни Сяоминьтунь, и к югу от нее общей площадью 225 000 кв. м. Были раскрыты несколько жилых кварталов с полуземлянками, два бронзолитейных комплекса, несколько сот погребений.

В 2005 г. была проведена реорганизация Музея Иньсюя в связи с присвоением местности статуса памятника культурного наследия ЮНЕСКО. Площадь нового музея – более 3500 кв. м; вокруг него разбиты сады и установлены мемориальные знаки на местах важнейших находок.

Наиболее важными результатами второго периода раскопок являются:

- 1) ряд производственных комплексов;
- 2) остатки защитных сооружений вокруг Сяотуньского комплекса и стен города к северу от Хуаньхэ;
- 3) крупные кладбища с типичными погребениями;
- 4) поселенческие структуры с землянками и наземными жилищами.

Второй период раскопок характеризуется в большей степени расширением и углублением археологического исследования местности, нежели обнаружением принципиально новых данных. В определенной степени это было результатом того, что значительная часть ритуального комплекса у деревни Сяотунь с архивами гадательных костей, а также наиболее крупные «царские» погребения уже были раскопаны. С другой стороны, разработка концепции «рабовладельческого общества» этого периода истории Древнего Китая привлекала внимание археологов к жизни средних и низших слоев общества, производственной деятельности и условиям проживания местного населения.

Историография

По мере первичного накопления археологических и эпиграфических данных возрастала необходимость в их систематизации.

Многие из ученых, принимавших участие в раскопках Иньсюя, в 1930–1940-х годах наряду с публикацией полевых отчетов производили разработку абсолютной и относительной хронологии периода правления Шан, а также составляли периодизацию археологических материалов и надписей на гадательных костях. Так, Дун Цзобинь на основе изучения надписей на гадательных костях по восьми признакам выделил пять основных периодов их развития, начиная от времени правления У-дина и до Ди-синя (XIII–XI вв. до н.э.); его перу также принадлежит труд «Инь липу» 殷历谱 («Иньский календарь»).

Благодаря усилиям историка и археолога Ли Цзи при археологических работах на территории Иньсюя впервые в Китае раскопки производились в соответствии со стратиграфическими уровнями. Ли Цзи составил подробный каталог керамики, обнаруженной на территории всего раскопанного комплекса; в дальнейшем он работал над классификацией бронзовых предметов, а также созданием реконструкции многих аспектов материальной жизни иньцев. Чэнь Мэнцзя 陳夢家 (1911–1966) работал над сопоставлением данных гадательных надписей и письменных источников, исследуя все аспекты жизни шан-иньцев, от политической системы до сельского хозяйства. Го Можо 郭沫若 (1892–1978) занимался вопросами общественного строя и социальной организации древних китайцев, исследуя надписи на гадательных костях и бронзовых изделиях.

Многотомное издание серии, посвященной раскопкам «царского» некрополя в 1934–1935 гг. и издающейся под редакцией Лян Сыюна 梁思永, Гао Цюсюня 高去尋 и других с 1962 года и по сей день, открывается описанием мо-

гилы № 1001 близ Хоуцзячжуана. В нем дана общая информация о находках на данной территории на тот момент; погребения находятся на кладбище, разделенном на две крупные секции (западная и восточная), между которыми пролегает современная дорога. На западном участке находятся семь крупнейших погребений с четырьмя дромосами (M1001–M1004, M1500, M1550, M1217), ориентированными по странам света и ведущими вниз, к погребальной камере в центре, одна крупная квадратная яма (M1567) и более 100 небольших могил; на восточном участке – одно погребение с четырьмя дромосами (M1400), три – с двумя, одно – с одним дромосом и около 2000 мелких погребений. Все крупные могилы были многократно разграблены.

Обобщающий труд Института археологии АОН КНР «Обнаружение и исследование Иньсюя» (殷墟的发掘与研究) 1994 года издания дает характеристику истории раскопок близ Аньяна и изучения надписей на гадательных костях, описывает обнаруженные археологические комплексы: поселения и некрополи, приводит описание артефактов по категориям и сведения о предшествующих археологических культурах неолита и энеолита Китая [Чжунго шэжуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 2004]. В целом это систематический труд, который дает представление об объемах работ и раскопанных материалов на территории столицы Шан под Аньяном и близлежащей территории; среди недостатков следует указать на эмпиричность изложения и отсутствие обоснования излагаемых концепций, начиная от вопроса о времени перенесения столицы в данную местность и кончая размерами города.

За пределами Китая систематическими исследованиями бронзовых изделий эпох Шан-Инь и Чжоу занимался выдающийся шведский ученый Б. Карлгрен; в Великобритании вышло описание Аньянского городища, принадлежащее перу У.П. Йетса, специалиста по ранней истории Китая (см. [Кучера, 2002, с. 239]). У. Уайт, долгое время прожи-

вавший в Китае, издал в Торонто свои работы, посвященные косторезной и бронзолитейной индустриям Древнего Китая [White, 1945]. В СССР проблемами этого периода занимался Ю.В. Бунаков (1908–1942), который издал труд, посвященный коллекции гадательных костей, хранящейся в Эрмитаже [Бунаков, 1935]; из других специалистов по Древнему Китаю следует выделить Л.И. Думана (см. [Кучера, 2002, с. 290–291]).

Среди китайских исследователей, кроме вышеперечисленных ученых, большинство из которых переехало на Тайвань и продолжало работу там, следует отметить труды Ху Хоусюаня (1911–1995), посвятившего большинство своих исследований эпиграфике периода Шан-Инь; Цзоу Хэна, занимавшегося проблемой древнего города, в том числе столицами династии Шан; Ся Ная, археолога с широким кругом интересов, изучавшего, в частности, нефритовые изделия периода Шан-Инь. Следует отметить, что исследователи из КНР крайне скудно использовали объем археологических материалов. Помимо описанных выше серьезнейших пробелов в публикациях отчетов по Иньсюю существуют и малоудовлетворительные издания материалов раскопок 1950–1970-х годов. Еще одним досадным нюансом является то, что в современных исследованиях, как правило, фигурируют лишь уже опубликованные данные, но не даются новые описания и прорисовки предметов. Следует предположить, что практически отсутствует работа с коллекциями в хранилищах.

Другим существенным минусом многих работ ученых КНР зачастую является отсутствие внимания к материалам, опубликованным до 1949 г., а также, по понятным причинам, к работам тайваньских ученых. Это, несомненно, сужает исследовательский кругозор и негативно сказывается на обоснованности суждений.

Среди западных исследователей следует отметить следующие важные исследования: Г. Дабс на основании сопос-

тавления календаря лунных затмений в районе Аньяна с упоминаниями о них на гадательных костях смог датировать некоторые периоды [Dubs, 1948]; Н. Барнард посвятил свою работу истории обработки металла в Китае [Barnard, 1961].

Второй том кембриджского издания «Археология в Китае», посвященный периоду Шан, был написан Чжэн Дэкунем 郑德坤 (1908–2001) [Cheng Te-kun, 1960]. Работа представляет собой обобщение основных достижений китайской археологии, а именно находок, относящихся к второй половине второго тысячелетия до н.э., и освещает и сравнивает обнаруженные памятники этого периода. Для конца 1950-х годов это был значительный научный прорыв, поскольку впервые данные по периоду Шан были освещены на английском языке в сравнительно полном виде.

Монография дает краткую историю археологических раскопок в Китае в первой половине – середине XX в., описание важнейших памятников (поселенческих структур и кладбищ, с подробной классификацией различных категорий), обзор находок по категориям (камень, поделочный камень, кость и раковины, керамика, бронза). Далее идут обзоры письменности, материальной культуры, политической и социальной организации, религии и искусства. Благодаря высокому качеству проделанной работы и широкому охвату материала в течение длительного времени этот труд представлял собой основной источник по археологическим материалам периода Шан, изданный на Западе.

Среди периодических изданий немало лет лидирующие позиции по исследованиям периода Шан-Инь занимал журнал Early China, среди постоянно сотрудничавших с этим журналом ученых – Д. Китли, Эд. Шонесси, Р. Торп и др.

Монография одного из ведущих специалистов КНР по надписям на гадательных костях Ху Хоусюаня 胡厚宣 и его сына Ху Чжэньюя 胡振宇 «История периода Инь-Шан» 殷商史 2003 г. представляет собой объемный труд

(более 600 страниц), который явился результатом многолетней работы [Ху Хоусюань, Ху Чжэньюй, 2003]. Ху Хоусюань принимал участие в археологических раскопках поздней столицы Шан под Аньяном в конце 1930-х годов и впоследствии посвятил многие годы описанию и подготовке собрания надписей на гадательных костях, разбросанных по всему миру, в том числе в музейных и частных коллекциях Китая. Работа ставит целью систематизацию сведений об историческом периоде правления династии Шан-Инь. В значительной степени внимание авторов фокусируется на городище под Аньяном. Монография служит важным источником сведений о распределении гадательных костей с надписями в музейных и библиотечных собраниях в настоящее время. Согласно Ху Хоусюаню, по всему миру насчитывается около 150 тыс. фрагментов и более 216 тыс. прорисовок гадательных костей с надписями.

Методологически книга представляется довольно неравной: археологические данные напрямую берутся для подтверждения спорных построений, основанных на эпиграфике, не освещаются противоречия, в которые вступают письменные сведения с другими видами источников, а также между собой. Основное внимание уделено надписям на гадательных костях, и исследование множества феноменов материальной жизни периода Шан-Инь основано именно на эпиграфике, а не на имеющихся археологических данных.

Одна из наиболее интересных работ, посвященных духовной культуре Древнего Китая, и в частности династии Шан, – монография Сары Аллан «The shape of the turtle» [Allan, 1991]. С научной точки зрения, методология данного автора зачастую сомнительна, поскольку Сара Аллан ищет отражения позднейшей мифологической традиции в ремесле, искусстве и письменности более ранних эпох. Тем не менее многие наблюдения этой исследовательницы по зрелом размышлении являются вполне обоснованными.

В частности, она была одной из первых, кто обратил внимание на значимость крестообразной формы в духовных представлениях династии Шан: панцири черепахи, служащие для записи бесчисленных гаданий, и крестообразная форма погребальных камер «царских» могил, 𠄎 – и такой же символ, окружающий записи на бронзовых сосудах. Особенно интересна связь этой фигуры с дальнейшими представлениями о форме Земли – крестообразной, с четырьмя основными направлениями, и ведущей роли Центра, который являл собой нечто совершенное, лучшее. Именно эти представления, по мнению Сары Аллан, послужили основой для формирования самоназвания Китая как Срединного, или Центрального, государства – 中國 (Чжунго).

Монография американского специалиста Дэвида Китли «Sources of Shang History» вплоть до сегодняшнего дня является классическим пособием для ознакомления с обширной категорией источников – надписями на гадательных костях [Keightley, 1985]. Помимо фундаментально изложенных базовых сведений (краткая история обнаружения, основные находки на территории городища, существующие датировки и периодизация надписей на гадательных костях и т.д.) автор во многом задал новое направление исследований благодаря попыткам реконструкции обрядов, в ходе которых черепаший панцири и лопатки крупного рогатого скота использовались в качестве своего рода медиумов; он также поставил ряд вопросов, связанных с выяснением целей нанесения надписей. Особый интерес представляют подсчеты автора, пытающегося определить объем гадательных костей с надписями, существовавший в эпоху Шан. На основании ряда различных методик он приходит к выводу, что находившиеся на момент написания исследования в коллекциях всего мира более 100 тыс. фрагментов гадательных костей с надписями составляют не более 5% от общего числа артефактов, имевшихся при правлении династии Шан. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что гадательные

кости с надписями представляют собой гигантский массив эпиграфических данных, в производстве которых были задействованы широкие круги населения – от скотоводов до жрецов.

Монография «Anyang» 1972 г. написана археологом Ли Цзи, имя которого прежде всего связано с раскопками «Великого города Шан» [Li Chi, 1972]. Ли Цзи приступил к раскопкам зимой 1928/29 г., и его участие в археологических работах невозможно переоценить – именно он начал внедрение европейского опыта фиксации археологических находок, подготовки к публикации найденных материалов и т.д.

Описание раскопок конца 1920-х – начала 1930-х годов имеет важнейшее значение для изучения данного городища, поскольку выявляет множество неожиданных явлений. Например, в течение первых сезонов археологи никак не фиксировали платформы из утрамбованной земли, поскольку не связывали их с деятельностью человека, предположив, что это является свидетельством аллювиальных отложений (особенно странно, что находились они на вершине холма, одной из высочайших точек окружающей местности). Обнаружение «царского» некрополя было напрямую связано с грабительскими раскопками в этом районе: неожиданно крупные размеры сосудов навели археологов на мысль, что там находился важнейший центр шанского периода.

В целом указанная монография довольно фрагментарна и не дает подробного и последовательного описания городища. Тем не менее живое и пристальное внимание к повседневным особенностям работы на городище принесло свои плоды и в корне поменяло представление о процессе раскопок в 1920–1930-х годах.

Среди советских и российских исследователей вопросами зарождения китайской цивилизации занимались М.В. Крюков и Л.С. Васильев – в частности, вопросами социальной организации древних китайцев, С. Кучера – проблемами археологии и переводами литературных памятни-

ков, П.М. Кожин – древним производством, материальной и духовной жизнью общества, А.А. Серкина – надписями на гадательных костях, А.В. Варенов – реконструкцией военной организации по данным археологии, В.М. Крюков – ритуальной жизнью, Е.И. Лубо-Лесниченко – текстильным производством, Д.Е. Куликов – гадательными надписями и т.д. (перечень специалистов и ученых, разумеется, далеко не полон).

* * *

Археологические раскопки иньской столицы имели и имеют важное значение как для китайского общества, так и всего мира. В значительной степени благодаря им подтверждена глубокая древность китайской цивилизации, обнаружена наиболее ранняя из известных ступень иероглифики – надписи на гадательных костях. Был дан толчок для сравнительного изучения раннего периода древних цивилизаций.

Обнаружение местоположения иньской столицы стало возможным благодаря высочайшим достижениям китайских ученых-палеографов, на протяжении многих веков исследовавших ранние периоды развития иероглифики, а также исторической традиции, сохранившей память о существовании столицы в этой местности.

В процессе первого периода раскопок (1928–1937) были обнаружены поселенческие и ритуально-бытовые комплексы, кладбища и большое количество отдельных погребений, найдены архивы с гадательными костями. Изучение надписей подтвердило сделанные ранее выводы о том, что здесь находилась столица правителей династии Шан-Инь⁷. Отче-

⁷ До настоящего времени в Иньсюе не найдено гадательных надписей, относящихся к периоду до правления У-дина (предположительно 1238–1179 гг. до н.э.). Это, впрочем, не исключает возможность того, что правитель Пань-гэн несколько ранее действительно перенес столицу в местность Инь, как это зафиксировано в письменной традиции. Как уже говорилось, к настоящему моменту, по оценкам специалистов, обнаружено лишь 5–10% от общего количества гадательных костей [Keightley, 1985].

ты о проделанных раскопках и публикации археологических материалов и надписей на гадательных костях, хотя и не в полном объеме, появлялись в периодической литературе незамедлительно, что позволяло вводить в научный оборот все новые находки.

Раскопки иньской столицы, изначально планируемые лишь ради получения новых эпиграфических данных, имели гораздо более широкое значение как для научного сообщества, так и общественности в целом. Начиная с первых сезонов раскопок стало очевидно, что данные китайской исторической традиции, хотя и отстояли по времени написания от времени правления династии Шан на много столетий, сохранили достоверную информацию о последней столице этого дома, а также о преемственности правления царей. Другим результатом стало подтверждение научного потенциала археологии, способной обнаруживать древние городища; значение этого факта трудно переоценить для последующего развития этой отрасли знания в Китае. Благодаря находкам эпиграфики в неразграбленных архивах были подтверждены сделанные ранее выводы палеографов о многих сторонах жизни шан-иньского общества, а также критерии определения подлинности гадательных костей. Также было положено начало изучению бронзового века Китая и династии Шан-Инь на основании археологических данных, которые в значительной степени отличались от литературной традиции – например, стало известно о практике человеческих жертвоприношений, широко распространенной при династии Шан.

Что касается широких слоев общественности, благодаря обнаружению древнего города Инь археология стала восприниматься в качестве инструмента подтверждения данных письменной традиции, что, с одной стороны, служило популяризации этой отрасли исторической науки, однако с другой – стало одной из причин искажения и подтасовки результатов. Находки бронзовых и нефритовых сокровищ

в этой местности, многократно «проработанной» грабителями «царских» могил, также принесли широкую известность раскопам иньской столицы, о которой до этого знали только специалисты.

Второй период раскопок характеризуется в большей степени расширением и углублением археологического исследования местности, нежели обнаружением принципиально новых данных. В определенной степени это было результатом того, что значительная часть ритуального комплекса у деревни Сяотунь с архивами гадательных костей, а также наиболее крупные «царские» погребения уже были раскопаны. С другой стороны, разработка концепции «рабовладельческого общества» этого периода истории Древнего Китая привлекала внимание археологов к жизни средних и низших слоев общества, их производственной деятельности и условиям проживания.

Одной из существенных трудностей, с которыми столкнулись и продолжают сталкиваться археологи при раскопках иньской столицы, является активность грабителей. Грабительские раскопки иньской столицы начались еще при династии Западная Чжоу; на протяжении всех последующих династий район Аньяна был хорошо известен как источник антиквариата; но особенно активная фаза наступила при появившемся в начале XX в. интересе к надписям на гадательных костях. Несмотря на государственный запрет грабительских раскопок (июнь 1930 г.), они вовсе не исчезли: копали и одиночки, и группы из местных крестьян [Li Chi, 1972, с. 15–17, 63].

После 1949 г. ситуация значительно изменилась – при собственности государства на землю и значительно ужесточившемся контроле над рынком древностей грабительские раскопки стали гораздо более опасным занятием, особенно в 1960–1980-е годы, чем это было в предшествующий период. Большинство крестьян, сталкивавшихся с находками культурных остатков в ходе своей деятельности, ставили в

известность местные власти; тем не менее отдельные случаи грабительских раскопок даже на территории культурного заповедника иньской столицы происходят и в наши дни. Также следует отметить, что любое строительство на данной территории предваряется археологическими изысканиями.

Династия Шан-Инь: что обозначают термины Шан и Инь

Изучая древнюю историю Китая, исследователь неизбежно сталкивается с целым рядом двойных названий для государственных образований, и названия эти зачастую отличаются сферой употребления. Одним из ярких примеров тому – двойное название династии Шан-Инь.

Происхождение названия династии Шан, согласно письменным данным, восходит к топониму области, которую получил во владение предок шан-иньского правящего дома по имени Се 契. Иероглиф *шан* 商 встречается в эпиграфических гадательных надписях как наименование местности – «Великий город Шан», «Средний Шан», «Холмы Шан», и в ряде случаев как имя собственное [Чэнь Мэнцзя, 1956, с. 255].

Второе название династии – Инь 殷 – согласно некоторым письменным источникам, обозначало местность, куда, по данным письменной традиции, правитель Пань-гэн в XIV в. до н.э. перенес столицу⁸.

В настоящее время наиболее распространена точка зрения, согласно которой термином Инь может называться по-

⁸ По сообщениям некоторых из них, он перенес столицу к югу от р. Хуанхэ, что исключает возможность того, что она располагалась под Аньяном.

следний период правления династии Шан, когда столица располагалась в местности Инь (ок. XIV – XI в. до н.э.). Основным источником, на основании которого делают данное заключение, – комментарий к труду Сыма Цяня *Ши цзи* («Исторические записки»), являющийся цитатой из утраченного в Средние века древнего текста *Чжуншю цзинянь* («Погодовые записи на бамбуковых планках»); в нем указывается, что от переезда Пань-гэна в Инь до падения династии прошло 273 года (согласно другим спискам – 473, или 773 года) (竹书纪年曰自盘庚至纣之灭，七百七十三年，更不徙都) [Чэнь Мэн-цзя, с. 208].

Следует отметить, что в древности существовала и принципиально иная точка зрения на соотношение терминов Шан и Инь.

Происхождение названия династии Шан, согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, восходит к топониму области, которую получил во владение предок шан-иньского правящего дома по имени Се.

«Император Шунь тогда приказал Се: „Среди байсинов нет согласия, [они] не наставляются в пяти отношениях, ты будешь блюстителем нравов, почтительно распространяй пять правил поведения, [помни, что] пять правил поведения основываются на снисходительности“. [После чего] пожаловал ему владение в Шан и даровал родовую фамилию Цзы».

帝舜乃命契曰：「百姓不親，五品不訓，汝為司徒而敬敷五教，五教在寬。」封于商，賜姓子氏。

Что касается употребления терминов Шан и Инь, в тексте памятника мы встречаем прямое объяснение того, как автор понимал их:

1. Шан и Инь в «Исторических записках» – взаимозаменяемые термины (商者質，殷號也 «Шан, по существу, это прозвище Инь» [Сыма Цянь, 1984, т. 3, с. 47]). Подобное словупотребление прослеживается во всем тексте «Исторических записок»; в частности, глава, посвященная периоду

правления династии Шан, называется *Инь бэньцзи* («Основные записи [о деяниях дома] Инь»).

2. Пань-гэн перенес столицу не в Инь, а в местность к югу от р. Хэ (Хуанхэ).

Ко времени императора Пань-гэна столица Инь находилась к северу от Хуанхэ. Пань-гэн переправился на юг от Хуанхэ и вновь обосновался в древнем поселении Чэн-тана. Так [произошло] пять переездов.

帝盤庚之時，殷已都河北，盤庚渡河南，復居成湯之故居，乃五遷

Итак, в «Исторических записках» довольно последовательно проводится мысль о равенстве терминов Шан и Инь, таким образом, Инь не соотносится с конкретной местностью или определенным периодом, когда столица якобы находилась там. Следовательно, Иньской в тексте *Ши цзи* не следует отождествлять с местностью Инь, поскольку употребление этого термина в тексте не имеет географической привязки, а является названием династии. Как показывает анализ текста, термин Иньской нужно понимать не как «Развалины [в местности] Инь», а «Развалины [столицы династии] Инь».

Таким образом, повторимся, начиная с древнейших письменных памятников, существуют две основные версии объяснения соотношения названий Шан и Инь:

1. Версия тождественности: термины Шан и Инь являлись синонимами на всем протяжении существования династии и даже в додинастический период.

2. Версия локализации: употребление термина Инь правомерно лишь по отношению к последнему периоду существования династии Шан, когда столица находилась в местности Инь.

Даже в пределах одного письменного памятника термин Инь употребляется и в том, и в другом значении⁹ (*Шаншу*, *Чжусу цзинянь*), что затрудняет выявление принципиаль-

⁹ За исключением «Исторических записок» Сыма Цяня.

ной разницы в употреблении Шан и Инь. В связи с этим ниже я планирую рассмотреть данные эпиграфики с целью выявления характера и употребления терминов.

При работе с эпиграфическими памятниками бронзового века Китая рядом исследователей было отмечено, что в надписях на гадательных костях (далее – НГК), основном эпиграфическом источнике, относящемся к периоду правления династии Шан, в качестве самоназвания этноса использовался исключительно иероглиф *шан* 商; термин *инь* 殷 как альтернативное название династии появляется в надписях на бронзовых сосудах (далее – НБС) периода династии Западная Чжоу, которая разгромила династию Шан и установила свою власть в Центральном Китае [Го Можо, 1954, с. 19]. Го Можо предположил, что употребление термина *инь* 殷 было обусловлено враждебностью, которую питали чжоусцы к разгромленному ими дому Шан, а значит, и к самому названию.

При исследовании древнего пласта иероглифики ученые широко применяют следующий метод выявления значения иероглифов: иероглиф разделяют на базовые графические компоненты, и интерпретация его значения базируется на них [Го Можо, 1952; Юй Шэнью, 1981]. Данная методика строится на логическом допущении о том, что все базовые графические компоненты в составе иероглифа являются смысловыми, а не фонетическими. При рассмотрении иероглифов Шан и Инь, помимо разделения их на составные компоненты, представляется необходимым выявить, в каких значениях эти элементы употребляются в составе других иероглифов.

Илл. 1. Формы иероглифа *Инь* 殷
в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах

В надписях на гадательных костях иероглиф *инь* 殷 встречается три раза (из примерно 700 тыс. знаков) [Сюй Чжуншу, 1988, с. 931–932]; в надписях на бронзовых сосудах – более 25 раз. В НГК значение иероглифа не установлено; в НБС в значительном количестве случаев иероглиф 殷 употребляется как имя собственное.

Исследователь Юй Шэнью на основании составных элементов иероглифа 殷 – тело с выпяченным животом и руки с палкой или орудием, высказывает предположение, что это изображение лечения массажем [Юй Шэнью, 1981, с. 321–323].

Разберем по элементам этот иероглиф и употребление отдельных его элементов.

Илл. 2. Формы иероглифов «тело» 身
и «беременная женщина» 孕
в надписях на гадательных костях

Левый компонент представляет собой изображение человека с выступающим животом. В НГК данный знак встречался в значениях «быть беременной» или «быть больным» [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 557]. Исследователь Сюй Чжуншу (徐中舒) на основании ряда примеров утверждает, что иероглифы «тело» (совр. 身) и «беременная женщина» (совр. 孕) в надписях на костях не отличались друг от друга, поскольку представляли собой один и тот же знак – фигуру человека с явно выступающим животом [Сюй Чжуншу, 1988, с. 931, 1573; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 557]. Для детализации образа беременной женщины внутри живота могла стоять точка или обозначение ребенка.

Илл. 3. Формы иероглифа «отец» 父
в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах

Значение правого компонента также установлено – рука с орудием в ней. Это может быть палка или схематичное изображение другого орудия; исследователи НГК рассматривают их как единую категорию [Сюй Чжуншу, 1988, с. 282–340; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 116–138]. Этот знак встречается как отдельно – иероглиф 父 *фу* (отец), так и в составе ряда иных иероглифов [Сюй Чжуншу, 1988, с. 282]. Го Можо объяснял форму иероглифа 父 *фу* (отец) тем, что в древности необходимой принадлежностью мужчины были орудия труда – например, каменный топор. Сочетание этого знака с фигурами крупного или мелкого рогатого скота, птицы, оленя и т.д. обозначало различные виды жертвоприношений [Го Можо, 1952, с. 337].

Илл. 4. Формы иероглифов с элементом «рука с палкой»
в надписях на гадательных костях

В НГК также имеется знак *сяо* 孝 – рука с палкой рядом с ребенком, в дальнейшем имевший большое значение в китайской культуре в качестве термина «сыновняя почтительность» [Сюй Чжуншу, 1988, с. 347; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 146]. Большинство исследователей трактует этот знак как осознанную необходимость применения наказаний для обучения; однако в этом значении доказать его словоупотребление в НГК затруднительно.

Илл. 5. Форма иероглифа «сыновняя почтительность» 孝 с элементом «рука с палкой» в надписях на гадательных костях

Таким образом, значительное количество знаков на гадательных костях наглядно демонстрируют, что рука с орудием в ней – палкой или еще чем-либо – имеет значение применения этого орудия по отношению к различным объектам. В случае с иероглифом 殷 – по отношению к человеку с выступающим животом, что чаще всего соотносится с состоянием беременности.

Представляется, что сочетание этих элементов в иероглифе 殷 служило изображением угрозы либо прямого насилия по отношению к больному человеку или беременной женщине. Мнение Юй Шэнью о том, что изначально этот знак имел положительное значение помощи в болезни, представляется противоречащим употреблению компонента 父 父 (рука с палкой в знаках со значениями принесения жертвоприношений или применения наказаний).

Илл. 6. Формы иероглифа *Шан* 商 в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах

В надписях на гадательных костях иероглиф 商 встречается 395 раз (из приблизительно 700 тыс. знаков) [Сюй Чжуншу, 1988, с. 214–215]; в надписях на бронзовых сосудах – более 25 раз. В НГК иероглиф встречается в качестве названия местности, города, имени собственного; в НБС в значительном количестве случаев иероглиф употребляется как имя собственное.

Древняя форма иероглифа Шан может быть разобрана на компоненты верхней и нижней части.

Илл. 7. Форма иероглифа «внутренний» 内 в надписях на гадательных костях

Нижний компонент иероглифа представляет собой иероглиф 内 *нэй*. В НГК знак 内 *нэй* встречался в значениях «внутренний», а также имени собственного [Сюй Чжуншу, 1988, с. 578–579; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 240].

Илл. 8. Форма иероглифа, обозначающего 8-й знак 10-ричного цикла 辛 в надписях на гадательных костях

Верхняя часть иероглифа 商 (шан) представляет собой один или два знака, аналогичных иероглифу 辛 *синь*, 8-му знаку 10-ричного цикла [Сюй Чжуншу, 1988, с. 1561; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 553–554].

Этот же компонент встречается в ряде других иероглифов в качестве верхнего компонента (более полный список см. в [Го Можо, 1952, с. 87–88]):

Илл. 9. Форма иероглифа «ветер, божество ветра» 風 в надписях на гадательных костях

Иероглиф *фэн* 風, изображающий птицу с длинным хвостом, и с тем же компонентом 辛 *синь* на голове, обозначал

ветер, а также божество ветра *фэн* 风 [Сюй Чжуншу, 1988, с. 1429–1430; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 187–188].

Илл. 10. Форма иероглифа «дракон» 龍
в надписях на гадательных костях

Иероглиф *лун* 龍, изображающий змею с тем же компонентом *синь* 辛 на голове, обозначал дракона, божество и природную силу [Сюй Чжуншу, 1988, с. 240–241, 1659–1660; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 101–102].

Таким образом, иероглиф 商 состоит из элементов 内 *нэй* «внутренний» и одного или нескольких изображений 辛 *синь* (в верхней части), встречающихся в других иероглифах в качестве символа божественного статуса. Несомненно, что общий смысл был благим и подчеркивающим божественную природу этого автоэтнонима.

* * *

Поскольку данные письменных памятников Древнего Китая не дают основания для окончательного разрешения вопроса о двойном названии династии Шан-Инь, а этот вопрос является принципиальным для реконструкции хронологии бронзового века Китая, здесь был проделан анализ данных эпиграфики с разбором графической формы иероглифов. Самоназванием династии Шан в эпиграфических надписях на гадательных костях являлся термин Шан; древняя форма знака состояла из сочетания элементов *нэй* 内 «внутренний» и *синь* 辛, символа божественного статуса. Таким образом, термин *шан* 商 имел благой смысл, подчеркивал божественную сущность его носителей, что понятно и оправданно для эндонима.

Экзоэтноним *инь* 殷 начинают употреблять в эпиграфических надписях по отношению к династии Шан представители династии Западная Чжоу. Древняя форма знака состояла из сочетания элементов 父 *фу* «рука с орудием» – палкой или еще чем-либо, и изображением человека с выступающим животом (身 или 孕 в современном написании). Поскольку употребление элемента *фу* 父 в значительном количестве примеров имеет значение применения этого орудия по отношению к различным объектам, в рассматриваемом иероглифе *инь* 殷 можно видеть изображение угрозы либо прямого насилия по отношению к больному человеку или беременной женщине. Представляется, что употребление подобного знака в качестве самоназвания было бы маловероятным; он отражает враждебное отношение, что прекрасно сочетается с его употреблением в качестве экзоэтнонима.

Таким образом, эпиграфические данные свидетельствуют о том, что термин Шан являлся самоназванием, а термин Инь – экзонимом, полученным от враждебных по отношению к династии Шан представителей Западного Чжоу. Исследование не подтверждает «версию локализации» письменных памятников, согласно которой термин Инь имел отношение к определенной местности, в которой находилась столица в последний период правления династии Шан. В гораздо большей степени эти данные согласуются с «версией тождественности», поскольку Инь и Шан в таком случае обретают статус альтернативных названий одного и того же политического образования с двух различных позиций – внутренней и внешней.

«Великий город Шан»: два городища

Местность Инь располагается на берегах р. Хуаньхэ в северо-западном пригороде г. Аньян, на севере современной провинции Хэнань.

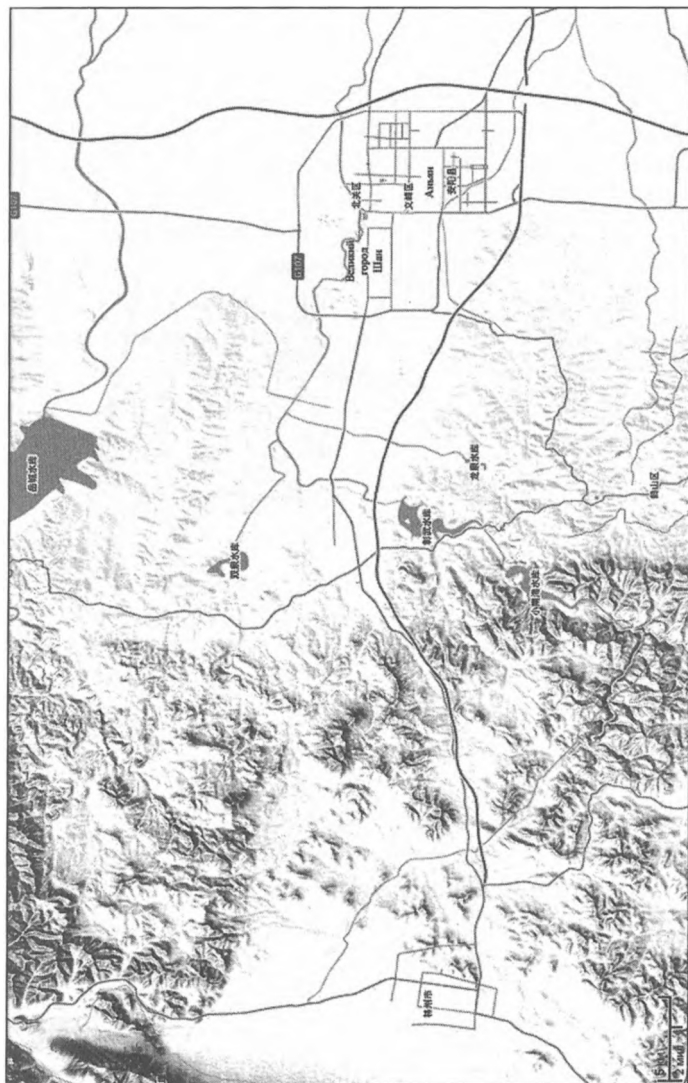
Организованные археологические раскопки в этой местности ведутся с 1928 г.; за это время получен и опубликован огромный объем информации¹⁰. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в XIV–XI вв. до н.э. здесь находилась столица правителей дома Шан, о которой упоминается в более поздних письменных источниках.

Два из раскопанных в данной местности поселенческих памятников имеют оборонительные сооружения: первый комплекс находится в излучине р. Хуаньхэ, близ дер. Сяотунь; второй представляет из себя городище с крепостными стенами к северу от реки (илл. 12¹¹).

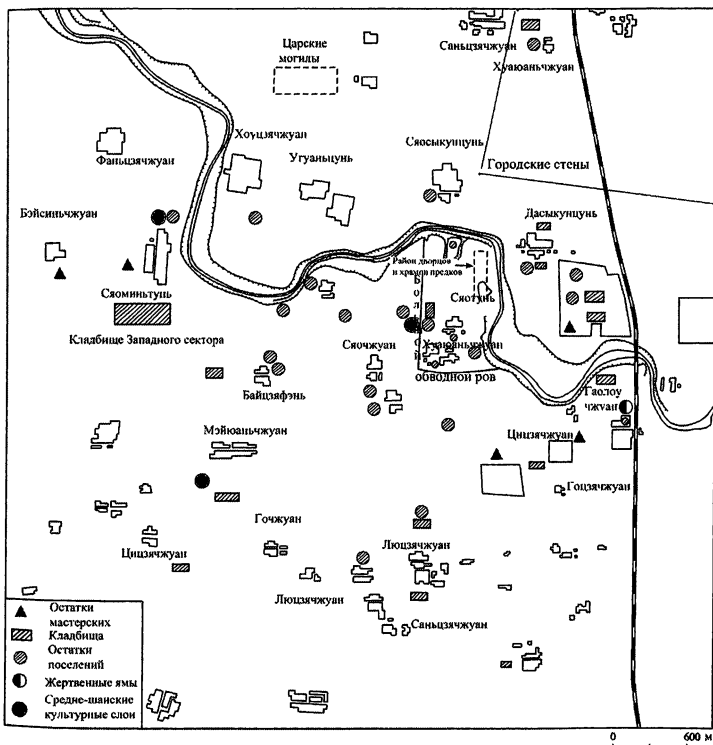
В этой главе я попытаюсь дать краткую характеристику археологических раскопок каждого из поселений с оборонительными сооружениями в местности Инь и в заключение приведу различные гипотезы о функционировании этих поселений при династии Шан.

¹⁰ Список археологических отчетов приведен в [Лю Имань, Хэ Юйлин, с. 395–398].

¹¹ Карта подготовлена на основе публикации археологического отчета «Сяотунь близ Аньяна» [Чжунго шэуэй кэсюэюань каогу яньцзюсю, 2004, с. 3]. На карте отмечено расположение крупнейших археологических комплексов, однако она не дает представления о размерах осуществленных раскопок.

Илл. 11. Рельеф местности близ Аньяна, пров. Хэнань, КНР

Илл. 12. Карта «Великого города Шан»

Городской комплекс близ дер. Сяотунь

Общая площадь городища составляет около 700 тыс. кв. м¹², это сравнительно небольшая территория, ограниченная обводным рвом и излучиной, она многослойна и хронологически неоднородна. Именно здесь были обнаружены архивы гадательных костей.

Раскопки городского комплекса близ дер. Сяотунь велись на протяжении всего периода организованных археологических работ; тем не менее он исследован далеко не полностью. Дополнительную сложность представляет то, что на этой территории находятся две деревни (Сяотунь и Хуаюаньчжуан), на территории которых раскопки затруднены.

Обводной ров. Работы по раскопкам обводного рва осуществлялись в 1958–1959, 1971 и 1986 гг.; отчеты о раскопках изгиба и южного участка рва 1971 и 1986 гг. не опубликованы. В 1958 г. с раскрытием сплошной площади был раскопан участок в 300 кв. м; на нем обнаружен западный берег рва протяженностью в 20 м [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1987, с. 94]. В 1958–1959 гг. методом шурфовки было исследовано 46 200 кв. м, разделенных на четыре района; таким образом был раскрыт участок рва длиной около 800 м; эти данные очень плохо документированы в публикациях, отсутствуют планы стратиграфии и информация о находках. В большинстве случаев глубина рва не указана, поскольку находилась ниже уровня грунтовых вод [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 78; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1987, с. 90, 94–95].

¹² В литературе отсутствуют цифры общей площади участка между излучиной Хуаньхэ и обводным рвом. Поскольку по форме эта территория представляет собой прямоугольник, примерные данные по площади были получены путем перемножения длины и ширины обводного рва.

Исследованные методом шурфовки 800 м обводного рва разделены на три участка (сумма длин участков составляет более 950 м; объяснения этому в тексте публикации не обнаружено): *южная часть* длиной 218 м, ширина 7–21 м, глубина 2–10 м, от поверхности на глубине 1,5–3,4 м; *центральная часть* длиной 140 м, ширина 4–16 м, глубина 6–7 м, от поверхности на глубине 3–4,5 м; *северная часть* длиной 608 м, упирается в южный берег р. Хуаньхэ, глубина около 8 м, от поверхности на глубине 3–5 м, ширина неизвестна, поскольку восточный берег рва, который находится на большом удалении от западного, обнаружить и раскопать не удалось [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1987, с. 94–95]. Перед расширением северного участка с двух сторон рва обнаружено два фундамента из утрамбованной земли: восточный крупнее, 6,22×7,20 м, толщина фундамента не ясна, поскольку он располагался ниже уровня почвенных вод; западный фундамент размером 4,20×3,30 м, толщина более 4 м (точных данных нет, поскольку он также располагался ниже уровня почвенных вод), расстояние между ними около 7,2 м; предположительно это были основы моста [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 78; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1987, с. 95–96; Ян Баочэн, 2003, с. 7–8]. Параллельно южному участку рва, с восточной стороны раскопан участок дороги длиной около 90 м, шириной 2,3–5,2 м, покрытый осколками керамики и гравием слоем 0,1–0,3 м [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1987, с. 96].

На основании отчета можно сделать вывод, что глубина рва измерялась не по глубине залегания максимально глубокого участка его дна, а давалась от самых мелких до самых глубоких мест: в описании раскрытого ковровым методом участка указывается, что глубина рва варьировалась от 4 м до уровня ниже грунтовых вод; на иллюстрации стратиграфии хорошо видно, что глубина 4 м – минимальная глубина рва, ближайшая к берегу [Чжунго шэхуй кэсюэ-

юань каогу яньцзюсо, 1987, с. 91, 94]. Данных о ширине и глубине р. Хуаньхэ в шанское время в работах специалистов не встречается; можно только предположить, что она была достаточно полноводна, чтобы заполнить обводной ров.

Исследователь Ян Баочэн предполагает, что у обводного канала существовало три основные функции: 1) оборонительная; 2) предотвращение затопления во время наводнений; 3) когда канал рыли, землю из него могли использовать для строительства фундаментов зданий [Ян Баочэн, 2003, с. 7]. Первые два положения представляются убедительными, однако использование земли для строительства крупных платформ маловероятно: район с крупнейшими основаниями зданий находится в 400 метрах от русла канала, причем на возвышении.

По сей день, несмотря на достаточно детальную проработку окружающей местности, остатков крепостных стен вокруг городища близ деревни Сяотунь обнаружено не было. Китайские археологи, работавшие над раскопками обводного рва, были крайне заинтересованы заявить о существовании оборонительной стены, поскольку в научном сообществе было широко распространено недоумение по поводу существования древней столицы без городских стен, тем более что многие неолитические поселения имеют большую площадь и городские стены (Чжэнчжоу, Эрлиган) [Ян Баочэн, 2003, с. 15]. В некоторых статьях даже теоретически обосновывалась необходимость существования подобных стен у шанской столицы – в частности, на основании частых вопросов о военных действиях в надписях на гадательных костях. Однако это поселение, в отличие от раскопанных к настоящему времени других древних китайских городищ II–I тыс. до н.э., не имело оборонительных стен.

Существует несколько тщательно проработанных археологами районов городского комплекса близ Сяотуня, характеристику которых следует дать в этом обзоре.

1. «Район дворцов и храмов предков»

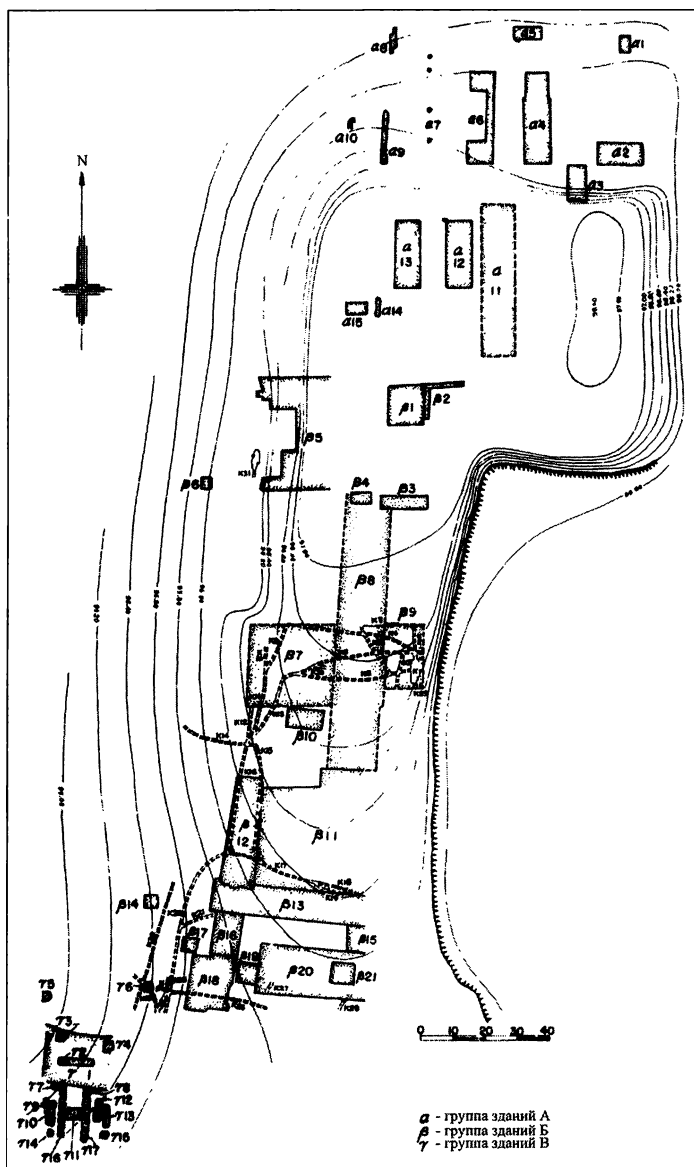
В северо-восточной части городища, прилегающей к берегу р. Хуаньхэ, на возвышенности располагается так называемый «район дворцов и храмов предков»¹³. Общая площадь составляет около 35 тыс. кв. м [Ян Баочэн, 2003, с. 28]. Результаты раскопок 1920–1930-х и 1980-х годов позволили выявить ряд оснований зданий, которые разделили на три группы¹⁴ (в китайских публикациях они обозначаются первыми знаками десятиричного цикла, 甲乙丙; в данной работе мы будем обозначать их как группы зданий А, Б и В; фундаменты имеют обозначения А1 и т.д.).

Публикация материалов по раскопкам этого района в серии Академии Синика крайне разобщена: описания оснований зданий, ям различного назначения, в том числе архивов гадательных костей, погребений и инвентаря, опубликованы в отдельных томах; не указывается местоположение материальных остатков. Это чрезвычайно затрудняет полноценное использование информации и делает практически невозможным выявление взаимосвязей различных археологических объектов.

Общая площадь участка с основаниями группы зданий А (в китайских публикациях 甲) составила 9 тыс. кв. м; длина участка с севера на юг 100 м, с запада на восток – 90 м [Ши Чжанжу, 1959, с. 26]. Работы осуществлялись траншейным методом. В публикации указывается, что было обнаружено 15 фундаментов, однако пять из них не являются основаниями зданий или представляют собой фрагменты фундаментов (А7 представляет собой четыре круглых опоры, выстроенные

¹³ Это название район получил из-за расположения ряда крупных фундаментов зданий, по мнению исследователей, связанных с проживанием правителя и/или осуществлением ритуальных практик.

¹⁴ Эти районы были выявлены на основании особенностей зданий каждой группы и не были связаны с первоначальным делением на участки археологических работ; таким образом, они отражают структурные особенности, а не районную принадлежность согласно отчетности.

Илл. 13. «Район дворцов и храмов предков» у дер. Сяотунь

в линию; А14 – участок, покрытый галькой, предположительно это фрагмент дороги [Ши Чжанжу, 1959, с. 41–42]).

Особенностью этой группы зданий является преимущественная ориентация по оси запад–восток, в отличие от группы зданий Б, где преобладает ориентация по оси север–юг [там же, с. 26]. Второй особенностью строений на этой территории является отсутствие перекрывающих друг друга фундаментов (в отличие от групп зданий Б и В). Таким образом, теоретически возможно, что в определенный период времени они представляли единый комплекс строений. Здесь обнаружено крайне мало погребений, и в большинстве случаев они имеют непосредственное отношение к фундаментам зданий, не разрушая их (А4, А6 [там же, с. 34–35, 39–40]).

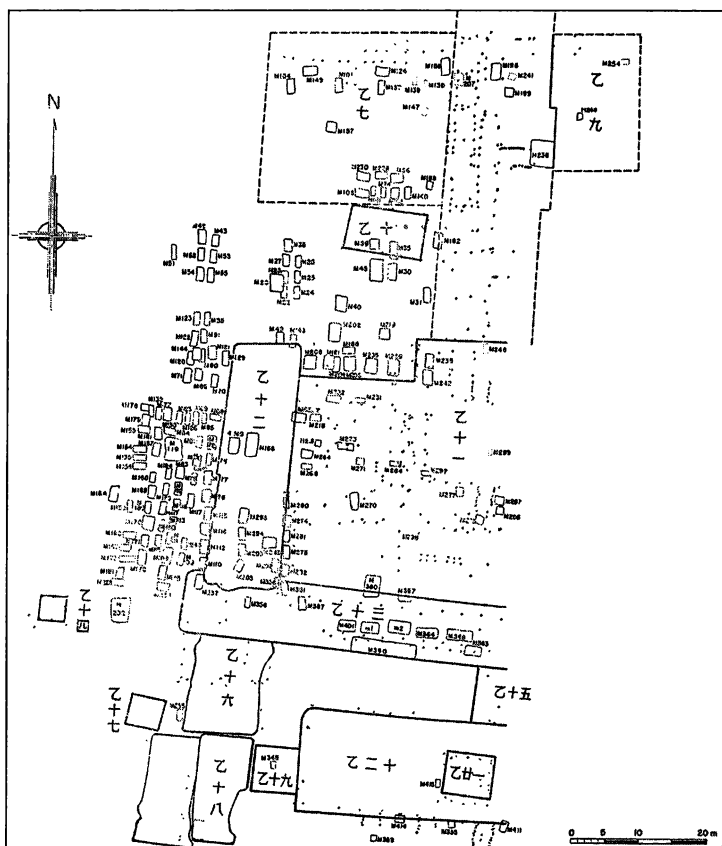
Фундаменты в основном прямоугольной формы, вытянуты с севера на юг; А6 – с внутренним двориком. По площади размеры зданий варьируются от 18 кв. м (А1) до свыше 500 кв. м (А11); четыре фундамента по 150–200 кв. м (А4, А6, А12, А13). Поскольку зачастую траншеи, с помощью которых производились раскопки данного участка, охватывали лишь часть фундаментов, информации о наличии очагов нет.

В археологическом отчете упоминается, что раскопки группы зданий А производились раньше других и раскрытие культурных слоев под основаниями зданий зачастую не производилось [Ши Чжанжу, 1959, с. 281]. Тем не менее был раскрыт ряд ям, относящихся к неолиту и шанскому периодам и располагающихся в нижележащих по отношению к основаниям зданий слоях¹⁵. Поскольку раскопки производились траншейным методом и слои под фундаментами зданий зачастую остались нераскрытыми, судить о толщине культурного слоя не представляется возможным.

Группа оснований зданий Б (в китайских публикациях 乙) располагается на участке площадью 200 на 100 м; раскопки

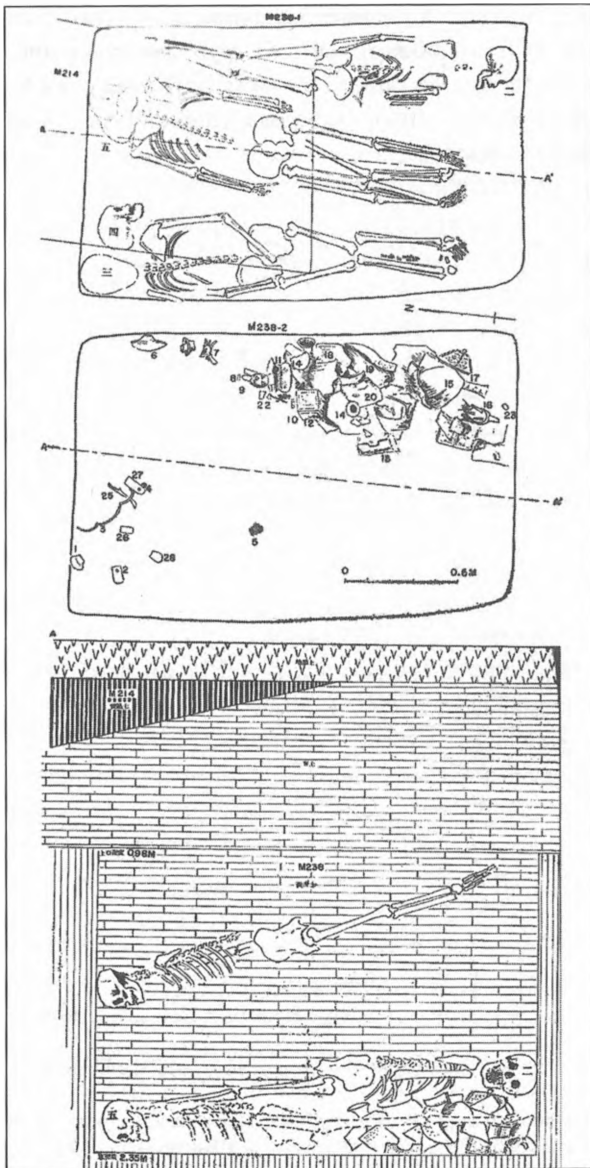
¹⁵ Чаще всего они располагались рядом с фундаментами, а не под ними: А1, А2, А4, А6, А8–А9–А14, А11, А12 [Ши Чжанжу, 1959, с. 29, 32, 36, 41, 43, 50, 53].

в основном велись ковровым методом раскрытия¹⁶. На этой территории были обнаружены 21 фундамент зданий, множество погребений и более 200 ям [Ши Чжанжу, 1959, с. 59, 162]. Часть фундаментов была разрушена из-за размывания берегов р. Хуанхэ.

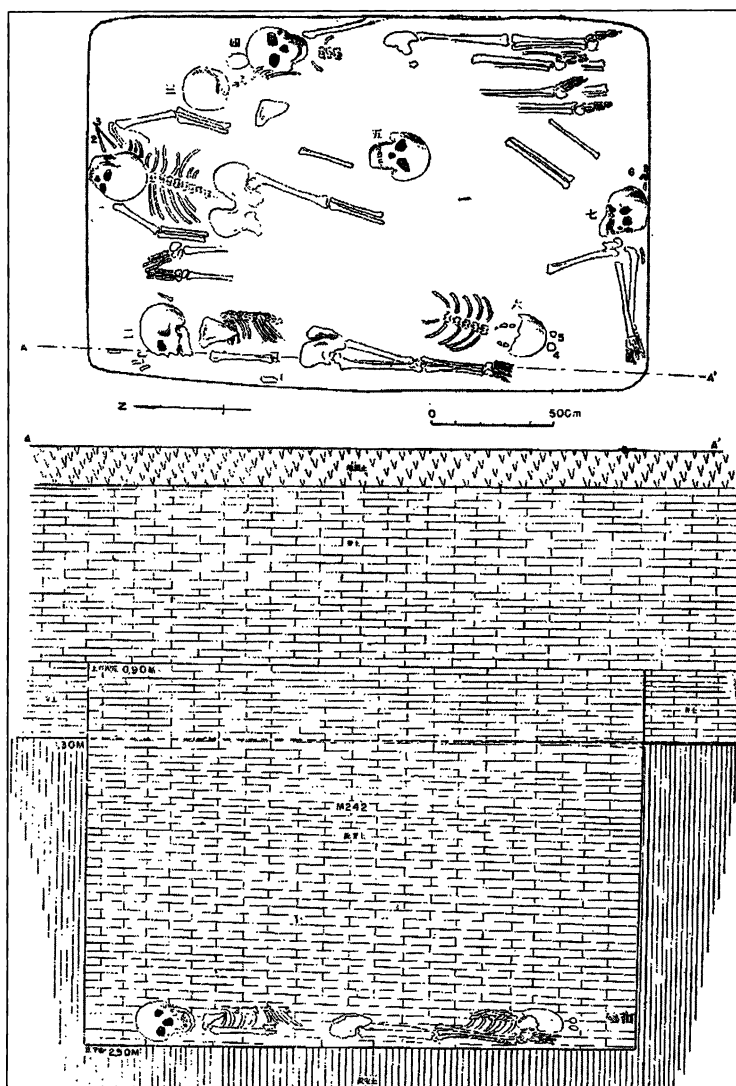

Илл. 14. Расположение погребений рядом с Б7-Б21

¹⁶ Сплошное раскрытие культурных слоев осуществлялось на двух крупных участках 120 на 80 и 100 на 40 м [Ши Чжанжу, 1959, с. 59–60]. Северо-восточную часть участка и промежуток между этими двумя секциями раскрывали траншейным методом.

Илл. 15. Стратиграфия погребения M238

Илл. 16. Стратиграфия погребения M242

Несмотря на несомненное взаимное наложение фундаментов, в публикации нет информации о последовательности

сооружения оснований зданий; на планах стратиграфии их взаимное расположение также не отображается (см. Б3, Б4 и Б8; Б11–Б13 и Б16), что не способствует построению относительной хронологии сооружения строений на этом участке.

Размеры фундаментов в группе оснований зданий Б значительно отличаются друг от друга: от 10–25 кв. м (Б4, Б14, Б17) до более чем 1200 кв. м (Б8 и Б11). Основания крупных строений Б11, Б12 и Б18, Б20 представляют собой не единый фундамент, а ряд близко расположенных или перекрывающих друг друга оснований [Ши Чжанжу, 1959, с. 105–129]. Нет информации, почему исследователи в этих случаях объединили их под одним номером, а в других случаях рассматривают как отдельные фундаменты.

Так называемая *дренажная система*, образующая плотную сеть на участке с группой зданий Б и частично присутствующая на участке с группой зданий В, представляет собой сложную систему взаимосвязанных канав и небольших водохранилищ с укрепленными стенками [Ши Чжанжу, 1959, с. 99, 118, 202–272]. В абсолютном большинстве случаев функционирование канав было заблокировано при сооружении зданий группы Б (см. табл. 1), они были засыпаны землей, поэтому не могли представлять собой дренаж этого комплекса зданий, а функционировали в период, предшествующий его строительству [Ши Чжанжу, 1959, с. 203].

Группа оснований зданий В располагается на участке размерами 50 на 35 м; раскопки велись ковровым методом раскрытия. На этой территории были обнаружены 17 фундаментов зданий, ряд погребений и более 50 ям [Ши Чжанжу, 1959, с. 165, 199–200].

Районы с группами зданий Б и В неоднократно перестраивались и меняли свой облик, в то время как район с группой фундаментов А¹⁷ имеет гораздо более простую стратиграфию.

¹⁷ Поскольку район с группой зданий А раскапывался ранее других, при помощи траншей, а не сплошного раскрытия, часть стратиграфической ситуации могла ускользнуть от внимания исследователей; тем не менее представляется, что ситуация отражена достаточно верно.

Таблица 1

№	Ориентация	Длина 3-В, м	Длина С-Ю, м	Площадь, кв. м.	Толщина, м.	Основания столбов	Культурные остатки			Примечания
							ранние	одновременные	поздние	
A1	С-Ю	3,50	5,10	17,85	1,10	-	1 яма		2 погр-я периода Суй	
A2	С (вход)	С 14,70 Ю 15,00	36,80 В 7,20	103,95	0,90	-	3 ямы	2 ямы-хранилища	1 погр-е периода Суй	С северной стороны имеется выступ
A3	3-В	6,00	11,30 28,40	67,8	0,10?					
A4	В	7,30-8,00	(8,40) (20,00)	160+61,32=221,32	1,00	31 камней	1 яма-хранилище			Имеется выступ на восток
A5	Ю	9,50	4,60	43,70	0,10					Имеется выступ на юго-запад
A6	В	8,30-7,70	27,90 6,80, 6,00	56,44+46,20+ (15,1×2)=132,84	1,10	15 оснований из утрамб. земли	3 ямы-хранилища	3 ямы 2 погребения (одно во внутреннем дворе)		С внутренним двором
A7	В		25,00		0,10					4 основания столбов из утрамб. земли
A8	В	2,00	5,00	10,00	0,20			1 яма-хранилище		Разрушенный фундамент
A9	В	1,70-2,40	17,00	42,50	1,00					
A10	?	?	?		0,40		1 яма-хранилище	2 ямы-хранилища		
A11	3-В	10,70- 10,80	46,70	502,00	1,00	34 шт.: 10 бронзовых, 16 каменных, 4 сторевших до угла, 1 ямка	2 ямы-хранилища	1 яма-хранилище		3 земляные огоры, без трамбовки

№	Ориентация	Длина З-В, м	Длина С-Ю, м	Площадь, кв. м.	Толщина, м	Основания столбов	Культурные остатки			Примечания	
							ранние	одновременные	поздние		
A1	С-Ю	3,50	5,10	17,85	1,10	–	1 яма		2 погр-я периода Суй		
A12	З-В	8,20	20,50	168,10	1,15	17 шт.: 8 каменных, 9 земляных	1 яма	1 погр.	1 погр. перио- да Суй	Часть основа- ний столбов за пределами фундамента	
A13	З-В	8,00	20,70	165,60	1,25	3 шт.			2 погр. пе- риода Суй		
A14	З-В	2,00	8,00	16,00	0,10				1 погребение	Покрыто слоем гальки	
A15	?	7,00	4,00	28,00	1,60						
				1519,67		10 бронзовых, 58 каменных, 4 сгоревших до угля, 1 яма 27 земляных	12				

[Ши Чжанжу, 1959, с. 199–200].

Продолжение табл. 1

№	Ориентация	Длина С-Ю, м	Длина З-В, м	Площадь, кв. м	Толщина, м.	Основания столбов	Культурные остатки								
							Ранние		Поздние		Культурные остатки				
							Ямы	Дренажные каналы	Ямы	Дренажные каналы	Погр.	Погр.			
Б1	Ю	11,30	11,80	133,34	1,00	-	Погр.	Ямы	Погр.	Погр.	Погр.	Погр.	Погр.	Погр.	Погр.
Б2	Ю	1,00	С-З 12,00 3-31,2-1,50	96,00	1,50-2,20	-		4							
Б3	Ю	4,50	15,00	67,50	1,00-1,50	-		3							1
Б4	Ю	3,50	7,20	25,20	?	-									1
Б5	Ю-З	33,00	Ю21,50 Ц13,00 С25,00	621,00	0,25-3,00	19		3	16		3		10		1
Б6	?	3,50	3,50	12,25	0,40	-			2(1)						
Б7	Ю	(25,00)	(25,00)	650,00	1,00-2,60	26		12	11		8		11		21
Б8	В	85,00	14,50	1232,50	1,50	153		4	13		6		2	5	12
Б9	Ю	20,00	Ю12,00 С13,00	250,00	1,85	4		2	2		9		2		7
Б10	Ю	7,50 6,50	14,50	101,50	0,10-0,50	14		4	3				2	1	5
Б11	Ю,З	34,00 6,00	34,00 16,00	1252,00	1,10-2,28	190		46	35		4		7	7	20
Б12	В	37,50	10,50	393,75	0,50-2,27	-		17	10		3			1	1
Б13	Ю	9,00	47,50	427,50	0,40-1,60	42		16	8				3	1	2
Б14	Ю	3,80	4,00	15,20		10			4		1				
Б15	З-В	10,50	Ю5,50 С3,50	47,25	0,50	2			1					2	
Б16	В	14,00	10,00	140,00	1,00	21			10		1				
Б17	Ю	4,50	5,00	22,50		-		1							
Б18	В	17,00	16,00	272,00	0,40-2,50	18			2		1			(2)	
Б19	Ю	7,00	6,55	45,85	1,40	-		1	2					1	1
Б20	Ю	15,00	31,00	465,00	0,25-2,80	61			9		2		4	3	8
Б21	Ю	7,00	7,00	49,00	3,00	20		1	4						
				6319,34		596		107	149		35		29	46	84

[Ши Чжанжу, 1959, с. 24-25, 162].

Окончание табл. 1

№	Ориентация	Длина С-Ю, м	Длина З-В, м	Площадь, кв. м	Толщина, м	Основания столбов	Культурные остатки					
							ранние		поздние			
							Погр.	Ямы	Дренажные канавы	Погр.	Ямы	
B1	Ю	17,00	20,00	340,00	5,00	8		2		12	2	
B2	Ю	1,70	10,00	17,34	0,80	21				10 (одн.)	11	
B3	Ю	2,50	3,00	7,50	0,55	-						
B4	Ю	2,50	2,70	6,75	1,20	-		4				
B5	Ю	3,20	3,00	9,60	0,50	-		2				
B6	Ю	3,50	2,80	9,80	0,55	-		1	2	2 (одн.)		
B7	Ю	1,80	4,80	8,64	0,34	-		1		1 (одн.)		
B8	Ю	1,80	4,80	8,64		4				1+3 (одн.)		
B9	В	8,80	2,00	17,60	0,55	-		3		1		
B10	В	8,50	2,00	17,00	0,70	1		7			1	
B11	Ю	3,20	5,00	16,00		12						
B12	З	7,50	2,50	18,75	0,24	-		1 (одн.)	5	1		
B13	З	7,30	2,20	16,06	0,90	-		1 (одн.)	4			
B14	В	3,00	3,00	9,00	0,79	-			4			
B15	З	1,85	2,30	4,25	0,76	-			3			
B16	В	14,80	2,00	29,60	0,40-0,90	6			2			
B17	З	15,50	2,30	35,65	0,20-0,80	5		1	6			
				172,18		57		4+2 (одн.)	47	2	14, 16 (одн.)	14

[Ши Чжанжу, 1959, с. 23, 57-58].

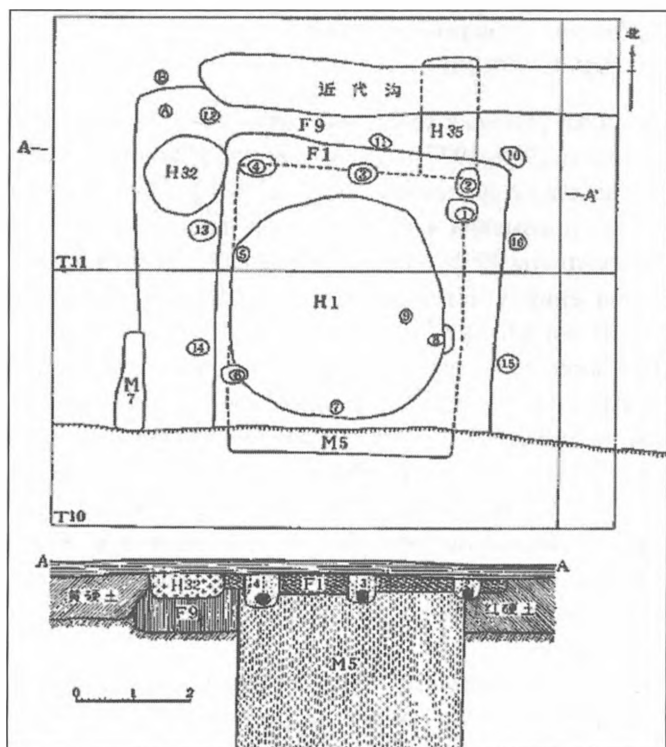
2. Район к северо-востоку от дер. Сяотунь

Раскопки района к северо-востоку от дер. Сяотунь производились в 1975–1977 и 1983–1985 гг. [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2004, с. 4–6]. Общая площадь раскопок превысила 4 тыс. кв. м; на площади в 3600 кв. м были раскрыты 49 фундаментов (далее F), 165 ям различного назначения, участок дороги, вымощенный галькой, пять канав, 43 погребения¹⁸ [там же, с. 6–7, 13].

Фундаменты из трамбованной земли по форме чаще всего прямоугольные или квадратные; средние размеры: длина 5–6 м, ширина 3–4 м [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2004, с. 56, 179–183]. Самый крупный фундамент F26: 15 на 6,5 м [там же, с. 56]. Также на поселении было раскрыто множество землянок и полуземлянок. Очаги в комплексе строений близ Сяотуни в большинстве случаев располагаются в центре комнаты [там же, с. 15–18, 22, 23, 29, 31 и далее].

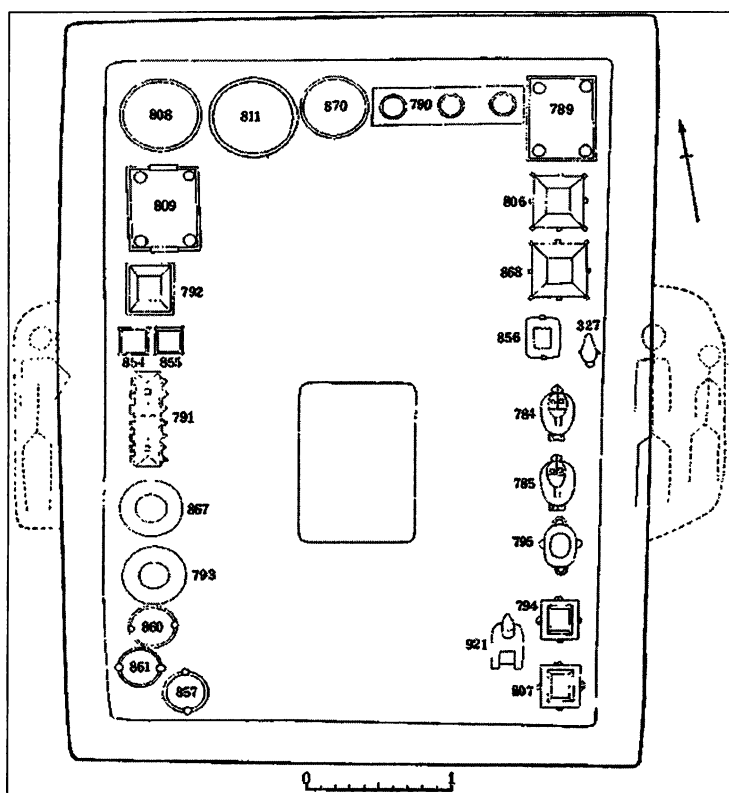
Особый резонанс эти раскопки получили благодаря исследованному в этом районе погребению M5, так называемой могилы Фу-хао, наиболее богатому и неразграбленному из обнаруженных в результате организованных археологических раскопок [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 4–6]. Благодаря широкой информационной кампании, сооружению памятника предполагаемой обладательнице погребения и реконструкции погребального храма над могилой окружающая территория стала рассматриваться как кладбище.

¹⁸ В публикации эти могилы разбиваются на два типа: стандартные погребения и жертвенные ямы; это разделение проведено по формальным признакам и лишь затрудняет анализ материала.

Илл. 17. Стратиграфия погребения М5

Погребение М5 находилось на территории городища, на месте фундамента здания F9; над ним возвели строение F1, размеры которого повторяли очертания могилы. Впоследствии это сооружение на могиле было разрушено и на его месте выкопали полуземлянку Н1 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2004, с. 179, 185, 187; 8, с. 4–6]. Наиболее вероятно, и здание, и полуземлянка имели непосредственное отношение к погребению, сооружались с целью осуществления погребального культа. находки подобных сложных систем единичны, и, по всей видимости, такие системы не являются правилом ни для поселенческих структур, ни для кладбищ.

Илл. 18. Предположительное расположение крупнейших бронзовых артефактов в М5

Могилы М5, как и значительная часть остальных стандартных погребений на данной территории, нарушает стратиграфически более ранние культурные слои шанского времени и относится к поздним слоям существования поселения (М5, М8, М11, М17, М18, М28, М38, М44, М48, М61, М63) [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсю, 2004, с. 203–205; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсю, 1985, с. 4–5]. Ряд погребений сосредоточен близ одного фундамента: девять могил либо нарушают фундамент F30, либо находятся в ближайшем окружении: М38, М39, М49–М54,

М62; по соседству с F30 расположены могилы М55, М56, М63 [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2004, с. 6–7, 13]. Значительная часть погребений на городищах представляет собой так называемые «погребения в горшках», в которых костяки были зарыты в крупных керамических сосудах. Размеры погребений: длина 0,9–0,5 м, ширина 0,45–0,3 м; они предназначались для детей (в том числе младенцев); размеры восстановленного горшка: высота 35 см, диаметр горла 45,5 см (М30) [там же, с. 162–163].

В отличие от так называемой «дренажной системы» группы Б «района дворцов», разрушенной фундаментами зданий, канавы этого поселенческого комплекса нередко сооружались по ранее существовавшим фундаментам строений [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2004, с. 184]. В некоторых случаях представляется возможным связать функционирование отдельных канав со зданиями, например G3 (G – гидротехнические сооружения), которое идет практически под прямым углом, и фундамента F12 [там же, с. 14]; однако исследований этого вопроса до настоящего момента предпринято не было. Подробный отчет об этом районе представляет уникальную возможность реконструкции особенностей функционирования жилого комплекса.

3. Район к востоку от дер. Хуаюаньчжуан

Этот район, размеры которого составляют около 16 500 кв. м, располагается в юго-западном углу городского комплекса и представляет собой кладбище с групповым расположением могил. Раскопки велись в 1992, 2000–2002 гг. Размеры исследуемой территории с севера на юг 150 м, с запада на восток 110 м, было раскрыто 44 погребения шанского времени [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2007, с. 1–4]. Площадь сплошного раскрытия составила 138 кв. м. На двух участках вокруг крупных могил М54 (10×10 м) и М60 (8,5×4 м) было раскрыто 13 ям различного назначения и

одно основание здания над погребением М54. В археологическом отчете больше не встречается информации о культурных остатках на этой территории, что является распространенной практикой в публикациях о кладбищах. Насколько можно судить по стратиграфическим планам раскопок, даже обнаруженные мусорные ямы не были раскрыты целиком [там же, с. 5, 7].

Ситуация со стратиграфией могилы М54 очень похожа на погребение М5 (см. выше): погребение сооружено в пределах Сяотуньского городища; над ним возвели строение F1 (предполагаемый «храм предков»), размеры которого повторяли очертания могилы; впоследствии, когда это здание было разрушено, на его месте выкопали полуземлянку Н6, и было сделано детское погребение в горшке М57. И здание, и полуземлянка, наиболее вероятно, имели непосредственное отношение к погребению. В свою очередь, Н6 разрушен ямой Н3, скорее всего, являвшейся полуземлянкой; в ней обнаружены скелеты трех человек: двух детей и одного взрослого [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2007, с. 5–10]. Вокруг могилы М54 сосредоточена группа из пяти погребений (М55–М58, М69), в трех из которых погребены дети (длина погребений составляет 0,6–1,0 м [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2007, с. 254–255]).

Погребение М54 находилось в хорошем состоянии, расположение погребального инвентаря не нарушено, сохранились деревянные детали саркофага и частично – лаковое покрытие внутреннего гроба. Длина входного отверстия 5,04 м, ширина — 3,3 м, глубина — 6,2 м; ко дну могила расширяется, длина составляет 6,03 м, ширина — 4,4–4,15 м; костяк владельца погребения лежал головой на север, лицом к западу, на животе с вытянутыми ногами.

В могиле было сопогребено 15 человек и 15 собак, более 570 предметов погребального инвентаря (не считая бронзовых и костяных наконечников стрел, бронзовых бляшек и т.д.), в том числе 21 керамический сосуд, 265 бронзовых

предметов, в том числе 40 сосудов, 161 предмет вооружения (а также 881 наконечник стрел), более 200 предметов из поделочного камня [Чжунго шэжуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2007, с. 71–89, 93].

Представляется, что на данной территории все фундаменты и ямы непосредственно связаны с функционированием кладбища, то есть не являлись жилыми помещениями. Таким образом, в пределах сравнительно небольшого города часть территории не была занята жилищами, а пустовала или была отведена под кладбище. Это еще более остро ставит вопрос о количестве населения, которое могло проживать в этом центре.

Район в изгибе обводного канала

Район расположен в юго-западном углу городища, во внутреннем изгибе обводного канала; раскопки велись в 1986–1987 гг. Общая площадь раскопок составляет 944 кв. м; было обнаружено 33 ямы и 13 погребений бронзового века [Чжунго шэжуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1992, с. 97]. Большую площадь раскопа занимает яма Н27. Дно этой ямы было раскрыто только на отдельных участках (Т13, Т23, Т33, Т43), и часть обнаруженных объектов (Н29, Н30) были раскопаны частично; за отсутствием информации о стратиграфии всего оставшегося нижнего уровня Н27 можно сделать вывод о том, раскопки не доходили до материка [там же, с. 98, 101, 126]. Публикация, по сравнению с рядом других отчетов, является подробной, но недостаточно тщательной: информация из текста отчета далеко не всегда представлена в сводных таблицах; стратиграфия объектов в тексте отчета и таблицах не приводится совсем или приводится частично (Н19, Н9), и ее приходится выискивать по крупницам из текста, таблиц и иллюстраций, да и в целом в отчете большое количество деталей опускается.

Размеры крупнейшей из ям Н27: длина с запада на восток – 39 м, с севера на юг – 14 м, размер входного отверстия – около 550 кв. м, глубина в среднем 2,6 м [Чжунго шэ-хуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1992, с. 101–102]. Наполнение ямы Н27 – кости животных; по приблизительным данным, на 1 кв. м приходится от 200 до 260 костей, и общий объем этой мусорной ямы, согласно реконструкции, должен был составлять около 300 тыс. костей. В 98% случаев это кости крупного рогатого скота; так же присутствуют кости свиней, собак, оленей, раздробленные человеческие кости [там же, с. 103]. Кости крупного рогатого скота в основном представлены раздробленными черепами, нижними челюстями, зубами, хребтами, ребрами и тазовыми костями; в меньшем объеме – длинными костями конечностей. На поверхности Н27 найдено 14 колеи шириной 0,1–0,15 м и глубиной 0,05 м, наибольшей протяженностью 19,3 м, при расстоянии между парными колеями 1,5 м. Предположительно это колеи от колес повозок; расстояние между колесами демонстрирует существенное отличие от такого же показателя у известных к настоящему моменту колесниц, обнаруженных в погребениях [там же, с. 103].

При сооружении ямы Н27 было разрушено погребение М11; могилы М10, М12 и М13 были сооружены в северной части ямы. Погребения в большинстве случаев были разграблены (10 из 13); при сооружении девяти из них были разрушены предшествующие культурные слои [Чжунго шэ-хуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1992, с. 99, 103–104, 126–127]. Как минимум четыре погребения (М3, М9–М11) небольших размеров: от 1 до 1,7 м в длину [там же, с. 127].

Феномен мусорной ямы Н27 состоит в том, что она заполнена костями крупного рогатого скота. Наполнение других мусорных ям поселенческих памятников округа столицы Инь сильно отличается от этого: наибольшее количество

найденных костей принадлежит свиньям, курам, собакам и т.д. С большой долей вероятности можно говорить о том, что эта мусорная яма предназначалась для остатков жертвенных животных, которых затем съедали на пиршествах. Лопатки при этом шли на нужды скапулимантии, трубчатые кости – в ремесленное производство.

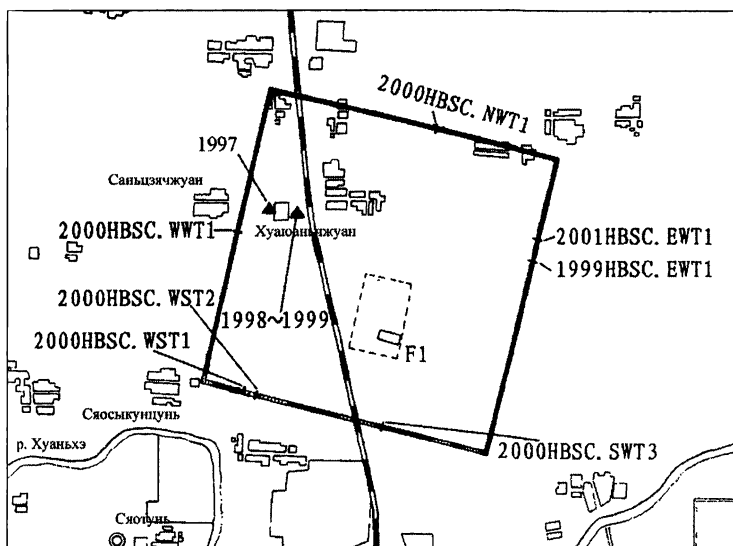
Раскопки этого района показали, что в пределах городища близ деревни Сяотунь обширный участок был занят под отходы ритуальной деятельности, а не был заселен. Это еще более странно, поскольку размеры поселения достаточно небольшие.

* * *

Значительные площади городища занимают основания громадных зданий и строений, кладбище, мусорный блок, т.е. нежилые помещения рядовых членов общества. Учитывая громадный размер общественных работ – сооружение стен города к северу от р. Хуаньхэ и устройство «царских» могил, а также крайнюю многочисленность погребений шанского времени, – представляется маловероятным, что этот городской комплекс мог вмещать основную массу населения. Наличие на территории городища остатков крупных дворцов или храмов и архивов гадательных костей может свидетельствовать о том, что это был ритуальный центр.

Городище к северу от реки Хуаньхэ

Раскопки этого городища начались в конце 1990-х годов. Реконструируемые масштабы города: общая площадь – 4,7 кв. км, протяженность стен: с севера на юг – 2200 м, с запада на восток – 2150 м [Чжунго шэньхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 2003, с. 3, 14]. Ширина стен — 7–11 м, толщина подземного участка – 4 м [там же, с. 6]. Над остатками стен раскрыт слой с инвентарем шанского времени толщиной 0,2–0,3 м [там же, с. 7–8].

Илл. 19. Археологические раскопки городища к северу от р. Хуаньхэ

«Район дворцов»

Этот участок располагается по центральной оси города, ближе к южной его части. Размеры: 500 м с севера на юг, 200 м с запада на восток; общая площадь около 100 тыс. кв. м. Было обнаружено около 30 оснований зданий с ориентацией В–З [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 2003, с. 8]. В археологическом отчете констатируется отсутствие стены или рва вокруг этого участка, поэтому представляется, что его размеры могут быть отличными от заявленных в настоящее время.

Раскопки в 2001–2002 гг. раскрыли ряд крупных строений. Было исследовано $\frac{2}{3}$ основания здания F1, общая площадь которого, согласно реконструкции, составляла 8000 кв. м. Здание имело внутренний двор; длина с запада на восток составляла 173 м, с севера на юг – 85–91,5 м, площадь

16 000 кв. м [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 2003, с. 17–18]. В это же время был раскрыт фундамент F2 в 27 м к северу от F1, строение также имело внутренний двор; длина с запада на восток составляла 70 м, с севера на юг – 70 м, площадь 6300 кв. м¹⁹ [там же, с. 9]. Также был обнаружен фрагмент дороги, шириной около 10 м, толщина слоя 0,2 м, он тянется с юго-востока на северо-запад [там же, с. 14]. К сожалению, качество публикации крайне невысокое: отсутствуют планы, информация о стратиграфии; приводится минимум информации и иллюстраций инвентаря. В связи с этим проверить многие утверждения авторов отчета не представляется возможным.

Жилой район

В 1998–1999 гг. раскопки раскрыли многослойный комплекс общей площадью 680 кв. м. Здесь выявлены стратиграфические слои шанского времени, к ним относятся основания зданий из утрамбованной земли, погребения, колодцы, дренажные канавы [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 2004, с. 296].

* * *

Территория городища к северу от р. Хуаньхэ исследована крайне фрагментарно: раскопаны семь фрагментов стен шанского города по 15–20 м и несколько небольших участков внутри городища. Качество публикации раскопок стен города и «района дворцов» крайне низкое; проверить информацию невозможно. Представляется, что существующий в настоящее время объем информации не позволяет дать окончательную характеристику этому городищу.

¹⁹ Данные по площади внутреннего двора кажутся несоответствующими расчетам по его длине и ширине ($70 \times 70 = 4900$); но именно эти цифры были приведены в археологическом отчете.

По мнению современных китайских исследователей, сооружение и функционирование города относится к периоду правления от Пань-гэна до Сяо-и [Мэн Сяньу, 2003, с. 130–131]. Также встречаются утверждения, что этот город относится к среднешанскому периоду, т.е. время правления от Пань-гэна и до Сяо-и начали относить к Среднему Шан [там же]. Ранее период правления этих ванов исследователи логично относили к Позднему Шан, или периоду Инь (поскольку столица была в этой местности), который начинали с перенесения столицы Пань-гэном [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 37]. Таким образом, в терминологии сосуществует ряд взаимопересекающихся и, как следствие, противоречивых терминов, что запутывает и без того сложную хронологию данного периода.

До обнаружения стен поселения, в 1950–1990-х годах, отдельные находки на этой территории датировали в рамках четырех периодов относительной хронологии Иньсюя; в настоящее время эти данные пересмотрены. Все это ставит под серьезный вопрос существующую систему датировки находок в местности Инь.

Реконструкция функционирования местности Инь в древности. Как было показано выше, на территории округа столицы Инь был обнаружен ряд древних поселений. В научной литературе крайне мало четко оформленных концепций функционирования данной местности в древности. В большинстве случаев для выявления точки зрения автора приходится делать выводы по отдельным разрозненным предложениям или читать между строк.

Концепция «Большой столицы». Среди китайских исследователей в 1960–1990 гг. была широко распространена точка зрения, что общая площадь столицы составляла 24 кв. км (в современных изданиях – 30 кв. км) [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 40–42; Ян Сичжан, Лю Имань, 2004, с. 19]. Эту точку зрения следует назвать концепцией «Большой столицы», поскольку в нее включались

обширнейшие кладбища²⁰, территории, на которых не обнаружено культурных остатков бронзового века, и несколько разрозненных поселений, два из которых имеют оборонительные сооружения. В частности, предполагалось, что обводной ров вокруг городища близ деревни Сяотунь отделял «район дворцов и храмов предков» от остальной площади поселения [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 78; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 96–103].

На оставшейся за этими пределами территории также находятся археологические комплексы, относящиеся к бронзовому веку Китая, что ставит вопрос о критериях выделения данного участка в качестве «столицы» [Лю Цзяньго, 2001, с. 78]. Фактически этот участок представлял собой приблизительно очерченный ареал, в разных частях которого были обнаружены административно-жилые, ремесленно-производственные, ритуальные и погребальные комплексы, относящиеся к шанскому времени.

Объяснение было найдено при изучении административного статуса местности Инь: в 1961 г. району вокруг дер. Сяотунь был придан статус всекитайского культурного заповедника площадью 24 кв. км [Ян Сичжан, Лю Имань, 2004, с. 19]. Поскольку в работах 1930–1950-х годов подобные цифры не встречаются, несомненно, что именно с этим событием связано широкое распространение в литературе утверждения о том, что площадь столицы Инь составляла 24 кв. км. Дальнейшее увеличение этой цифры – до 30 кв. км – появилось в научной литературе в 2000-х годах. Оно было связано с тем, что при обнаружении города с укрепленными стенами к северу от р. Хуаньхэ значительная часть его территории (согласно реконструкции) оказалась вне площади заповедника.

²⁰ Некоторые из них занимают по несколько тысяч квадратных метров.

Таким образом, широко распространенные в научной литературе утверждения о том, что территория столицы Инь составляла 24 или 30 кв. км, не имеют никакого отношения к реальным размерам столицы династии Шан; это административные реалии XX–XXI вв.

Два города. В течение длительного времени в научной литературе было широко распространено мнение, что окруженный рвом комплекс близ Сяотуни, несмотря на отсутствие защитных стен, был местоположением двора правителя и, соответственно, столицей династии Шан, начиная с правителя Пань-гэна и до падения династии. В связи с обнаружением города, окруженного стенами, к северу от р. Хуаньхэ вопрос о точном местоположении столицы вновь стал открытым, поскольку на сравнительно небольшой территории местности Инь находится два городища бронзового века с оборонительными сооружениями.

Концепция двух разновременных столиц. В настоящее время в китайской археологической литературе широко распространена точка зрения, что эти два городища функционировали в разное время. Указывается, что с момента перенесения столицы в местность Инь правителем Пань-гэном до времени правления У-дина столица находилась в городе к северу от р. Хуаньхэ; при У-дине и последующих ванах столица находилась в Сяотуньском городище [Чэнь Сюй, 2011, с. 24–28]. Представляется необходимым прояснить, с чем связаны подобные утверждения.

Существует несколько причин, почему городище близ деревни Сяотунь связывается с именем правителя У-дина и последующих правителей. Связь эта прослеживается через эпиграфические источники – надписи на гадательных костях и наиболее распространенную систему их датировки.

Во-первых, все находки архивов гадательных костей сосредоточены в пределах Сяотуньского городища.

Во-вторых, по существующей системе определения хронологии *цзягувэнь* до настоящего времени не обнаружено

надписей на гадательных костях, датируемых периодом ранее правления У-дина.

В-третьих, надписей, относящихся к времени У-дина, значительно больше, чем любого последующего периода.

Таким образом, большинство гадательных костей с надписями, найденные до настоящего времени, связаны с городищем близ Сяотуни; в свою очередь, датировка значительной части надписей связывает их со временем правления У-дина и последующих ванов.

В отличие от поселения близ деревни Сяотунь, городище к северу от р. Хуаньхэ не обладает эпиграфическими подтверждениями того, что там находилась столица правителей от Пань-гэна до У-дина. До настоящего времени нигде на территории этого городища, в том числе и на месте расположения «дворцов», не было найдено гадательных архивов²¹. Более того, на других раскопанных поселениях эпохи бронзы на территории культурного заповедника и прилегающих к ней также не было найдено архивов гадательных костей. Как указывалось ранее, городище близ дер. Сяотунь остается единственным поселением с находками архивов гадательных костей в данной местности.

В местности Инь (как и в других городищах бронзового века Китая) отсутствуют эпиграфические источники, относящиеся к периодам правления ванов Пань-гэна, Сяо-синя и Сяо-и. Они отсутствуют как на территории поселения близ дер. Сяотунь, так и на городище к северу от р. Хуаньхэ, и в других поселениях. Таким образом, эпиграфического подтверждения того, что в этой местности находилась столица при правителях от Пань-гэна до Сяо-и, нет. Тем не менее китайские исследователи не сомневаются в достоверности

²¹ Находки отдельных гадательных костей с надписями и без них в погребениях, мусорных ямах и т.д. происходят в большинстве комплексов местности Инь и за ее пределами; однако специальные ямы с крупными – по несколько тысяч – коллекциями гадательных костей обнаружены только в пределах городища близ дер. Сяотунь.

свидетельств письменных источников о перенесении столицы на эту территорию при Пань-гэне.

Несомненно, что здесь присутствует непродуманная попытка объединения данных трех видов источников – письменных, эпиграфических и археологических. В результате сложилась теория двух разновременных столиц, которая противоречит всей системе археологического датирования, существовавшей до обнаружения городища к северу от р. Хуаньхэ, а также датированию участков этого комплекса, раскопанных до 1990-х годов [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 4, 10]. В настоящий момент имеющихся археологических данных недостаточно, чтобы обоснованно судить о хронологической разновременности поселений.

Помимо этого, следует представить себе, что могло бы происходить в древности, если принять эту теорию. В момент расцвета династии Шан, при наиболее могущественном правителе У-дине, население во главе с правителем покидает крупный, защищенный стенами город площадью в 4,7 кв. км и переезжает в поселение, примерно в семь раз меньшее по масштабу и отстоящее от прежнего менее чем на километр. Вокруг второй столицы за оставшиеся 100 лет правления династии так и не были построены стены.

Письменные источники описывают время правления У-дина как расцвет династии Шан, в том числе как эпоху усиления политического господства и военной мощи – недаром в переводе его имя означает Воинственный Дин. Причем нигде не упоминается переселение при этом вана.

Если дальнейшие исследования подтвердят, что город был все-таки покинут в середине правления династии Шан, то для объяснения этого потребуются коренное изменение многих положений из теорий о развитии государства и общества в бронзовом веке.

Два сосуществующих центра. Другим вариантом объяснения, даже, вероятно, более правдоподобным, может

являться одновременное сосуществование двух этих центров, с возможным разделением функций. Крупный город к северу от реки мог являться столичным центром, вмещавшим основную массу населения, в то время как городище близ деревни Сяотунь было ритуальным центром. В местности Инь также существовали отдельные поселения, в том числе с бронзолитейными мастерскими, за пределами этих укрепленных городищ. Отсутствие эпиграфических свидетельств, относящихся к времени правления Пань-гэна, Сяосиня и Сяо-и, не исключает возможности того, что поселение близ дер. Сяотунь могло функционировать и ранее правления У-дина.

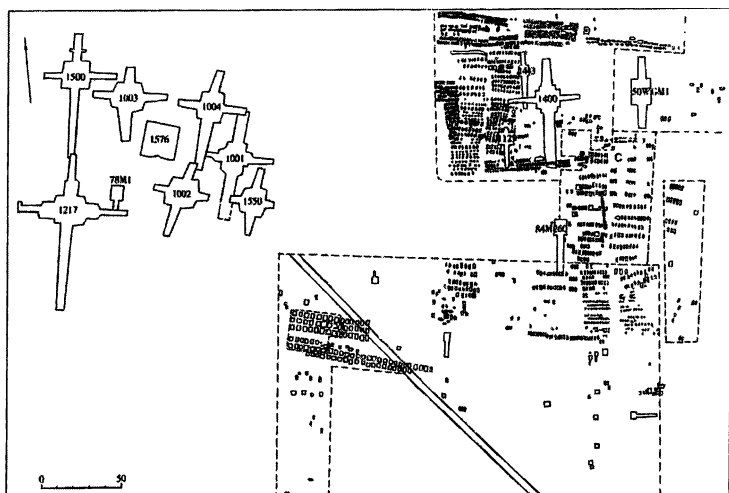
«Царский» некрополь под Аньяном

«Царский» некрополь расположен к северу от р. Хуаньхэ, близ деревни Хоуцзячжуан²²; в нескольких километрах от него находится шанское городище, окруженное стенами (его условное название – «Город к северу от реки Хуаньхэ»); через реку от него расположено Сяотуньское городище. Организованные археологические работы на некрополе происходили многократно²³; примерная территория памятника представляет собой прямоугольник размерами 450 на 250 м и общей площадью свыше 110 тыс. кв. м [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 101; Чэнь Чжида, 2007, с. 106–107].

Название «царский» некрополь получил в связи с обнаружением на его территории восьми крупных могил с дромосами, расположенными крестообразно по отношению к основному объему погребальной камеры. Размеры данных могил значительно превышают все другие погребения.

²² См. примеч. 4.

²³ Крупнейшие по объемам раскопки производились в 1934–1935, 1950, 1959, 1976–1978, 1984 гг. [Лян Сьюн, Гао Цюсюнь, 1962–1976; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 100–101; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1987].

Илл. 20. Общий вид «царского» некрополя

Структура некрополя

«Царский» некрополь разделен на две крупные секции (западная и восточная), между которыми пролегает современная дорога; на этой территории обнаружено восемь могил с четырьмя дромосами, три – с двумя, два – с одним и более 2500 мелких погребений²⁴ (см. илл. 20)²⁵. На западном участке находится семь крупнейших погребений с четырьмя дромосами (M1001–M1004, M1500, M1550, M1217), ориентированными по странам света и ведущими вниз, к погребальной камере в центре, одно – с одним дромосом

²⁴ Общее количество мелких погребений сильно варьируется даже в обобщающих публикациях [Чжунго шэуэй кэсюэюань каогу яньцзюсю, 1994, с. 101–102, 120]. Далеко не все могилы раскрывались и раскапывались одновременно, многие мелкие погребения не были полностью раскопаны, что еще сильнее затрудняет подсчет.

²⁵ На карте не отражен ряд мелких погребений вокруг больших могил восточного сектора.

(78АНВ), одна крупная квадратная яма (М1567) и более 100 небольших могил; на восточном участке – одно погребение с четырьмя дромосами (М1400), три – с двумя, одно – с одним дромосом и около 2000 мелких погребений [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 101–102, 120]. Все крупные могилы были многократно ограблены.

Относительную хронологию крупных погребений можно установить благодаря тому, что при сооружении дромосов к новым могилам нарушалась целостность уже существовавших (см. табл. 2).

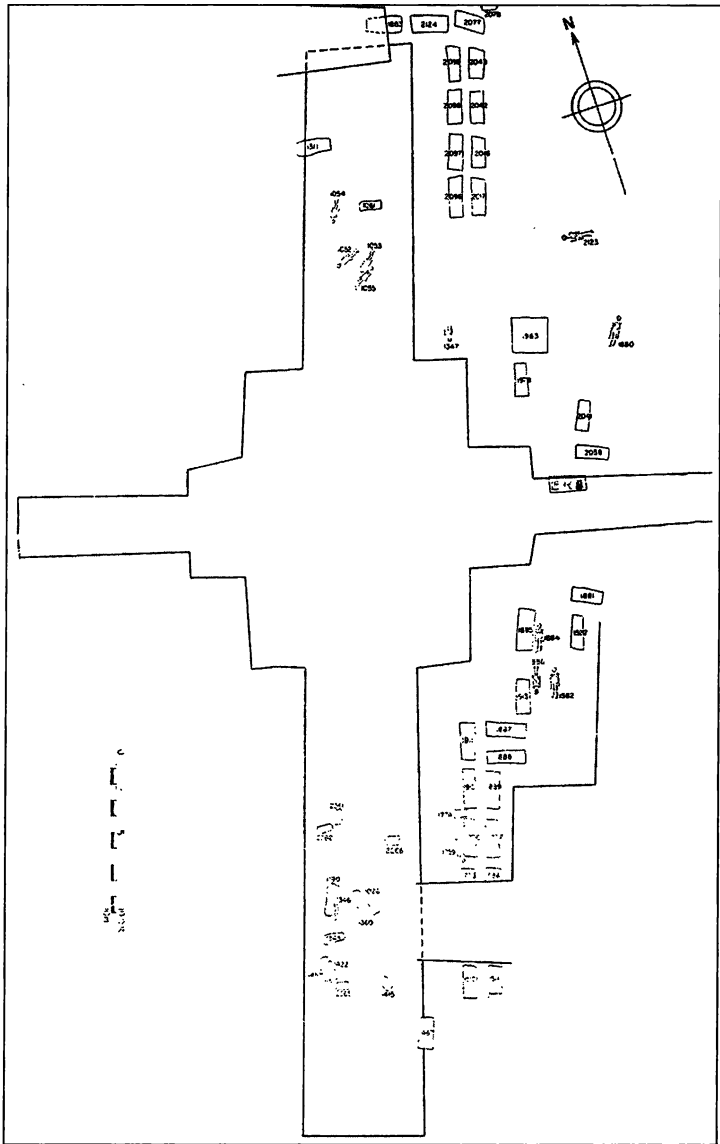
Таблица 2

Последовательность сооружения
«царских» могил

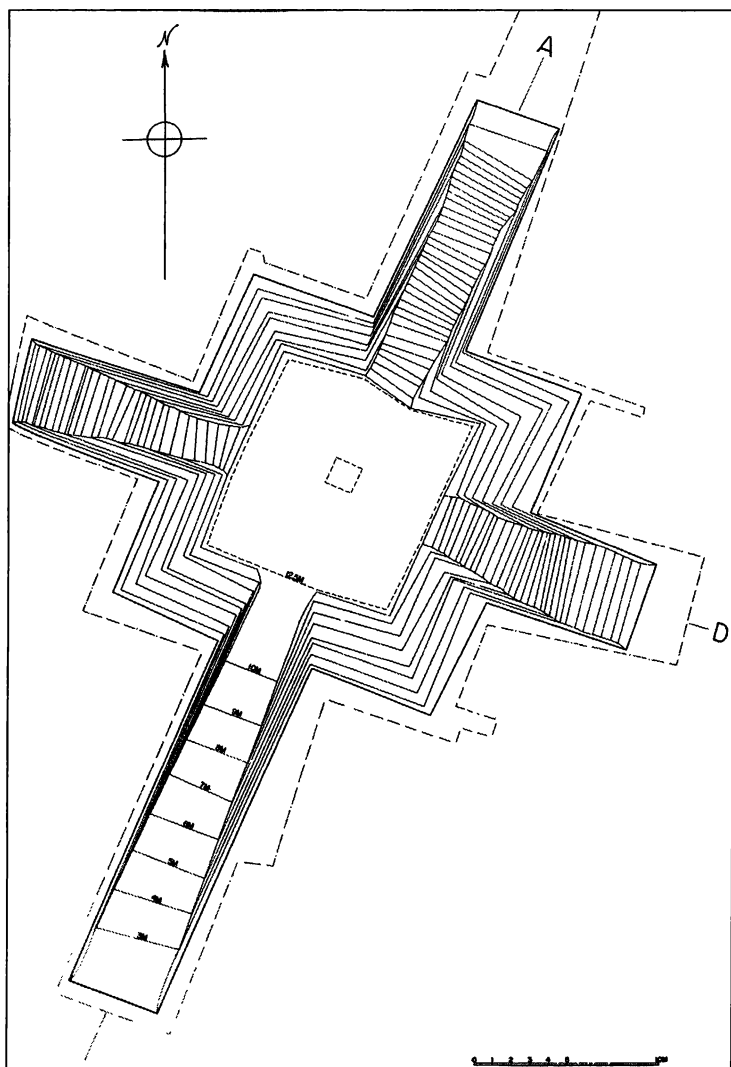
М1217 → М1500 ↓ 78М1	М1550 → М1001 ↑ М1002 → М1004	М1400 → М1443
----------------------------	-------------------------------------	---------------

[Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 110].

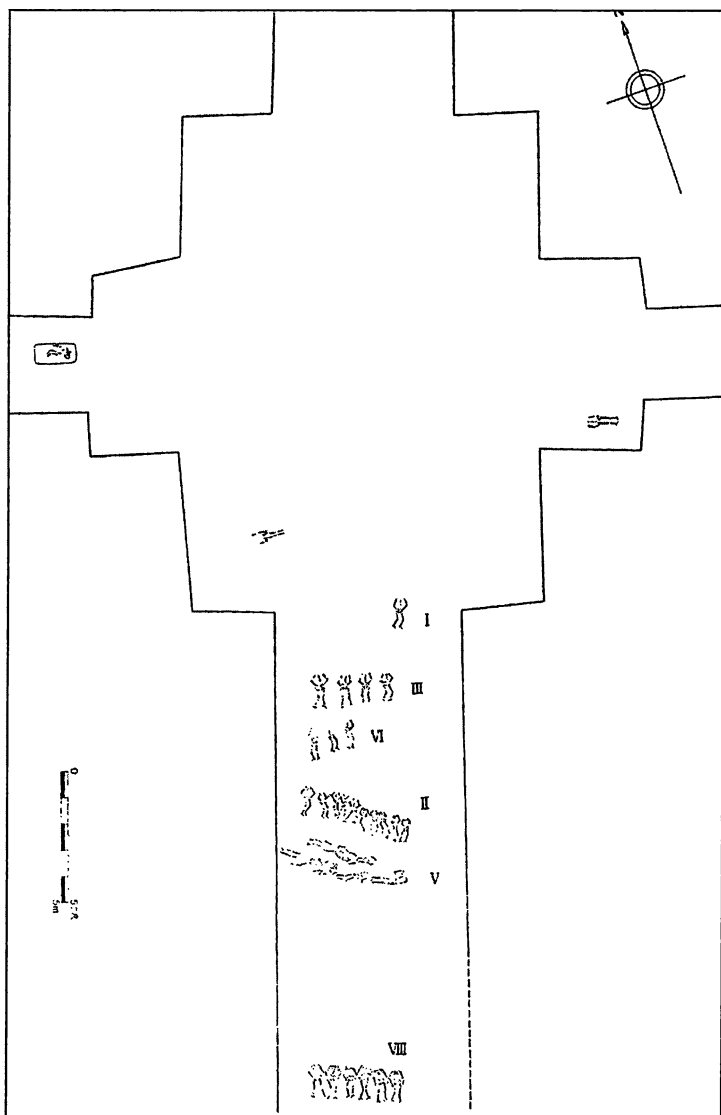
Размеры «царских» могил довольно сильно различаются (см. табл. 3). Необходимо в качестве примера описать одну из крупнейших «царских» могил, М1001. Она представляет собой крестообразную фигуру в центре с отходящими по сторонам света дромосами, длина которых сильно варьируется: от 30 м для южного дромоса до 11 м для западного. В этой и других «царских» могилах, как правило, южный дромос был самым длинным и вел на нижний уровень могилы; боковые дромосы были короче и оканчивались на несколько метров выше нижнего уровня; очевидно, их подводили к уровню потолка деревянной погребальной камеры [Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1962, илл. 2; Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1965, илл. 2; Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1967, илл. 2]. В некоторых случаях дромосы делались со ступенями и иногда – с поворотом на 90 градусов [Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1968, илл. 5, 7; Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1974, илл. 2, 3;

Илл. 21. Погребение М1001
и близлежащие мелкие погребения

Илл. 22. Структура погребения М1002

Илл. 23. Обезглавленные костяки
в погребении М1001

Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1976, илл. 2, 3]. Очевидно, дромосы играли важную роль в погребальном ритуале; в них было захоронено множество сопроводительного инвентаря и человеческих останков.

Длина сторон основного объема погребальной камеры М1001 – около 20 м на уровне земли, глубина более 10 м [Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1962, с. 16; Чжунго шэжуй кэсюэюань каогу яньцзусо, 1994, с. 103–104]. Пол и стены были утрамбованы; в центре находилось деревянное строение, украшенное лаком, росписью и инкрустацией.

Эта деревянная постройка имела крестообразную форму, хотя в ряде могил погребальная камера была прямоугольной формы²⁶ [Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1962, илл. 14; 1965, с. 17–25; 1976, с. 8, 11–12].

Установить общее количество людей, захороненных в могиле М1001, не представляется возможным, поскольку она была многократно ограблена еще в древности; тем не менее количество человеческих останков, обнаруженных при раскопках, превышает несколько сот и является самым крупным среди «царских» могил на данной территории.

В публикациях археологических материалов указывается, что при раскопках не было обнаружено каких-либо структур, отмечавших положение «царских» могил на поверхности земли. Однако их сложное взаимное расположение подразумевает, что на поверхности оставались видимые следы основного объема погребальной камеры; в противном случае маловероятно, что последующие крупные и средние погребения исключали бы попадание на этот участок. Кроме этого, тот факт, что наиболее часто и планомерно подвергался разграблению именно основной объем погребальных камер, скорее всего служит свиде-

²⁶ За исключением погребений М1001 и М1214, где основной объем могилы также имел крестообразную форму.

тельством того, что в древности могли существовать внешние признаки погребений. Еще одним косвенным подтверждением тому является наличие над многими неразграбленными крупными могилами в окрестностях Иньской столицы фундаментов зданий из утрамбованной земли, повторяющих размеры могилы [Ма Дэчжи, Чжоу Юнчжэнь и др., с. 68; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 5].

Помимо крупных погребений на данной территории раскрыто несколько тысяч небольших захоронений. Часть из них представляет собой ямы с множественными костяками людей и животных; другие выглядят как стандартные погребения – с гробом и сопроводительным инвентарем. К сожалению, в нашем исследовании невозможно провести полноценный анализ количественного соотношения погребений той и другой категории, поскольку часть данных по мелким погребениям не опубликована, а часть оказалась мне недоступна. Отдельный район был выделен в качестве кладбища животных с регулярной структурой: там находились захоронения с коровами, овцами, присутствовали слоненок и обезьяна, но в большинстве из них находились лошади [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1987].

Размеры «царских» могил 1001–1004, 1216²⁷

№	Глубина, м	Основной объем могилы										Дромосы, длина, м			
		Площадь, кв. м.		Длина с севера на юг, м		Ширина с запада на восток, м		южная	северная	восточная	западная				
		На уровне входа в могилу	На нижнем уровне	На уровне входа в могилу	На нижнем уровне	На уровне входа в могилу	На нижнем уровне								
1001		314	214	18,9	15,9	13,75	10,9	30,7	17,7	14,2	7,4				
1002	12,5	359	114	19	10,8	18	10,6	20,4	13,05	7,7	9,5				
1003	10,9	323,9	107	18,1	11	17,9	9,8	36,2	11	14	15,6				
1004	12	285	142	17,9	13,2	15,9	10,8	31,4	14,1	15,0	13,8				
1216	13,5	330	164	18,2	12,8	18,1	13,3	60,4	41,6	28,9	25				

[Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1962, с. 17–20; 1965, с. 10–15; 1967, с. 16–20; 1970, с. 15–16; 1968, с. 13–18].

²⁷ Все размеры даны по средней линии.

Погребения на территории «царского» некрополя расположены в регулярном порядке, зачастую в правильных рядах, либо, при расположении рядом с крупными захоронениями, небольшие могилы следуют очертаниям погребальных камер и дромосов. Все это позволяет предположить, что существовало регулирование заполнения объектами данной территории. Необычность подобной структуры «царского» некрополя особенно очевидна при сравнении с другими кладбищами бронзового века под Аньяном, где погребения располагаются в небольших группах от двух-трех до нескольких десятков могил в хаотичном порядке [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1979, с. 28–34]. Подобная регулярная структура расположения погребений встречается еще на территории «района дворцов и храмов предков» на Сяотуньском городище в излучине р. Хуаньхэ.

* * *

Местонахождение «царского» некрополя под Аньяном является одним из главных аргументов в пользу того, что на данной территории находилась поздняя столица династии Шан, наряду с двумя городищами с крупномасштабными строениями и многочисленными находками эпиграфики (см. [Кузнецова-Фетисова, 2012]). Размеры «царских» могил, многочисленный сопроводительный инвентарь и человеческие захоронения свидетельствуют об исключительно высоком социальном положении людей, для захоронения которых эти сооружения были созданы.

Исследователи предполагают, что правители династии Шан начиная с У-дина (вторая половина XIII в. до н.э.) были захоронены в восьми погребениях с четырьмя дромосами и квадратной яме, которая представляет собой незавершенную могилу, предназначенную последнему иньскому царю Чжоу-синю (XI в. до н.э.), свергнутому чжоусцами [Li Chi, 1972, с. 6]. Однако эта попытка связать воедино ма-

териалы эпиграфики, археологии и письменных памятников чисто гипотетическая, поскольку в настоящий момент у нас нет никаких данных о том, кому конкретно принадлежали крупные погребения «царского» некрополя, будь то с четырьмя или с меньшим количеством дромосов. Вместе с тем не только исключительный размер, но и заполнение данных погребений и их расположение в непосредственной близости от столичного центра позволяют напрямую связывать их с правящим домом.

«Архивы» гадательных костей

Общее количество гадательных костей с надписями с трудом поддается точному подсчету. Согласно Ху Хоусюаню, по всему миру насчитывается около 150 тыс. фрагментов и более 216 тыс. прорисовок гадательных костей с надписями [Ху Хоусюань, Ху Чжэньюй, 2003, с. 404, 416]. В крупнейшем издании этих эпиграфических памятников *Цзягувэнь хэци* 甲骨文合集 («Собрание надписей на гадательных костях») в 13 томах, изданном с 1978 по 1982 г. под редакцией Го Можо и Ху Хоусюаня, было опубликовано 41 956 гадательных костей с надписями и их фрагментов [Чжунго шэхуэй кэсююань лиши яньцзюсо, 1978–1982]. В продолжение этого издания было опубликовано *Цзягувэнь хэци бубянь* 甲骨文合集補編 («Дополнение к собранию надписей на гадательных костях») в 7 томах, количество опубликованных в этом издании костей и фрагментов составляет 13 450 штук [Чжунго шэхуэй кэсююань лиши яньцзюсо, 1999]. Итого в двух вышеуказанных изданиях опубликовано 55 406 фрагментов гадательных костей с надписями²⁸. Таким образом, не

²⁸ По неофициальным подсчетам, общее количество знаков в этих двух изданиях составляет 693 197 иероглифов.

будет преувеличением сказать, что имеющееся на настоящий день в распоряжении исследователей количество надписей на гадательных костях представляет собой обширнейший источник эпиграфических данных.

Информация о расположении гадательных костей в археологических слоях и распределении этих артефактов на территории «Великого города Шан» и его округа является одним из основных источников, используемых исследователями для реконструкции распространения и роли письменности в обществе, ритуалов, частью которых являлись гадания, и многих других сторон жизни шанцев. Соотнесение археологических и эпиграфических сведений имеет важнейшее значение для построения относительной и абсолютной хронологии Шан, выявления связи свидетельств письменных памятников с археологическими материалами. Для изучения гадательных костей, их роли в ритуальной жизни населения столицы и окрестностей, а также исследования многих других аспектов культуры династии Шан необходимо решить вопрос о статусе гадательных костей с надписями и без них, который эти кости получали после завершения ритуала гадания при дворе правителя, а также о той роли, которую скапулимантия играла для рядового населения столицы и окрестностей. В данной главе будут представлены статистические данные о находках гадательных костей в районе Аньяна.

Распределение находок гадательных костей в округе столицы династии Шан

Организованные археологические раскопки под Аньяном предоставили в распоряжение ученых громадный объем данных. Публикации многочисленных археологических отчетов дают материал для выявления закономерностей в рас-

пределении гадательных костей в пределах «Великого города Шан» и его окрестностей (см. табл. 4, 5). В качестве основного статистического источника в данном исследовании используется таблица распределения находок гадательных костей на данной территории в 1950–1991 гг. [Лю Имань, 1997, с. 52]. Этот период характеризуется крупномасштабными археологическими исследованиями округи «Великого города Шан», в процессе реализации которых, как правило, прилагались усилия по фиксации находок (не всегда, впрочем, достаточные).

Таблица 4

Статистика находок гадательных костей
в 1950–1991 гг.

	Гадательные кости без надписей (лопатки и пластроны)	Гадательные лопатки с надписями (лопатки и пластроны)	Всего
В пределах Сяотуньского городища	6333 (5277+1056) 82,6%	6253 (5596+657) 99,8%	12 586 90,3%
За пределами Сяотуньского городища	1332 (698+634) 17,3%	13 (7+6) 0,2%	1345 9,6%
Всего	7665	6266	13 931

[Лю Имань, 1997, с. 52].

Что касается репрезентативности данной выборки, то в абсолютном исчислении 41 год – около половины периода организованных археологических раскопок на данной территории (1928–2013). Следует, однако, принять во внимание ряд обстоятельств:

1. В 1937–1949 гг. организованные археологические раскопки не велись.

2. В 1928–1937 гг. далеко не всегда производилась фиксация данных о месте и обстоятельствах обнаружения гадательных костей с надписями [Keightley, 1985, с. 130], а на-

ходки гадательных костей без надписей зачастую не считали необходимым подсчитывать.

Учитывая вышесказанное, представляется вполне логичным, что статистика находок гадательных костей в 1950–1991 гг. является репрезентативной, тем более что тенденции, проявляющиеся в представленных данных, характерны и для более раннего, и для более позднего периодов (1928–1937 и 1991–2013 гг. соответственно).

Археологические раскопки в 1950–1991 гг. охватили более 200 000 кв. м²⁹ на территории в 24 кв. км. Данные о находках гадательных костей демонстрируют несколько важных тенденций (см. табл. 4, 5):

1. 82,6% (6333) гадательных костей без надписей и 99,8% (6253) гадательных костей с надписями было обнаружено в пределах Сяотуньского городища, которое занимает 3% (700 тыс. кв. м) от обследованной территории. Таким образом, на обширных территориях вне данного городища было найдено всего 13 (0,2%) фрагментов с надписями и 1332 (17,3%) – без надписей.

2. В пределах Сяотуньского городища 97% гадательных костей без надписей (12 212) и более 99% гадательных костей с надписями (6208) от общего числа найденных здесь в 1950–1991 гг. обнаружено в пределах трех участков из более чем 10 исследованных (см. табл. 5):

а) к югу от дер. Сяотунь, где в 1973 г. было найдено более 10 335 гадательных костей, из них 5335 с надписями (соответственно 82 и 85% от общего числа фрагментов, найденных на Сяотуньском городище) [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1980–1984, т. 1, с. 46];

²⁹ Точная цифра объема раскопок в 1950–1991 гг. не приводится в известной автору литературе. 200 тыс. кв. м – приблизительная цифра, включающая кладбище Западного сектора (более 66 тыс. кв. м), «царского» некрополя (ок. 130 тыс. кв. м) и ряда других комплексов [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 15–24].

б) в центре дер. Сяотунь, где в 1989 г. было найдено 294 фрагмента с надписями³⁰ (4,7% от общего числа фрагментов с надписями, найденных на Сяотуньском городище);

в) к востоку от дер. Хуаюаньчжуан, где в 1991 г. было найдено 1583 гадательных кости, из них 579 – с надписями (соответственно 12,5 и 9,3% от общего числа фрагментов, найденных на Сяотуньском городище) [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1993, с. 489].

В пределах первого и третьего участков гадательные кости с надписями располагались в одной (НЗ)³¹ или нескольких ямах; при отсутствии публикации материалов по раскопкам в центре дер. Сяотунь в 1989 г. изучение расположения гадательных костей на этом участке в настоящее время невозможно. Таким образом, по результатам раскопок 1950–1991 гг. очевидна предельная концентрация гадательных костей с надписями в нескольких ямах в пределах Сяотуньского городища.

Анализ распределения гадательных костей

При анализе находок гадательных костей на территории округа «Великого города Шан» представляется целесообразным разделить сведения о гадательных костях без надписей и о гадательных костях с надписями.

³⁰ Публикацию результатов данных раскопок найти не удалось. Более того, в ряде позднейших публикаций раскопки 1989 г. и обнаружение в результате их проведения гадательных костей не упомянуты [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2004, с. 29].

³¹ В яме НЗ было обнаружено 1583 фрагмента гадательных костей, из них на 574 имелись надписи [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1993, с. 492–493], это 100% находок на данном участке. В отчете упомянуто о находке гадательных костей без надписей в яме Н9 на том же участке [там же, с. 498], однако количество не указано, и в общих цифрах отчета эти данные не упоминаются.

Гадательные кости без надписей обнаруживаются практически везде, хотя на территории небольшого Сяотуньского городища находок гораздо больше, чем на окружающей его территории (17,3% вне и 82,6% в пределах упомянутого городища). Тем не менее абсолютные цифры находок гадательных костей без надписей вне Сяотуньского городища – более 1300, а также стойкая тенденция не подсчитывать данный вид артефактов и зачастую лишь вскользь указывать их наличие позволяют предположить, что гадательные кости без надписей гораздо более широко распространены на данной территории, чем это можно допустить на основании приведенной статистики.

Что касается гадательных костей с надписями, то 99,8% их находок в 1950–1991 гг. было сделано на территории Сяотуньского городища. В пределах данного городища не менее 94%³² гадательных костей с надписями было обнаружено в немногочисленных ямах³³ (НЗ в 1991 г. к востоку от дер. Хуаюаньчжуан).

Анализ распределения гадательных костей на участке, раскопанном в 1973 г. к югу от дер. Сяотунь

Поскольку эти данные чрезвычайно важны для рассматриваемой темы, следует дать краткую характеристику ар-

³² Поскольку данные об обстоятельствах находки в центре деревни Сяотунь в 1989 г. отсутствуют, 4,7% гадательных костей с надписями, найденных там, присоединяются к случайным находкам.

³³ Это касается лишь находок гадательных костей с надписями в археологических слоях шанского времени, поскольку находки данных артефактов вне культурного контекста позволяют лишь гипотетически реконструировать их изначальное расположение (например, 1820 фрагментов, обнаруженных в 1973 г. к югу от деревни Сяотунь [Чжунго шэкуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1980–1984, т. 1, с. 37]).

хеологических раскопок, находок и их публикаций (см. табл. 5, 6).

Существует три основных археологических отчета о раскопках 1973 г. к югу от дер. Сяотунь: краткий отчет в журнале «Каогу» (1975, № 1), более подробный отчет в «Каогусяэ цзикань» (1995, № 9) и предисловие в публикации «Гадательные кости к югу от деревни Сяотунь», 1980 г. Отчет в «Каогусяэ цзикань», несомненно, гораздо более полный и обширный; в нем даются таблицы с подробными сведениями о раскопанных ямах. Однако при этом здесь отсутствует крайне важная информация – распределение находок гадательных надписей по различным культурным слоям; эта информация находится лишь в кратком отчете в журнале «Каогу». Таким образом, в работе по анализу распределения гадательных надписей на данном участке приходится оперировать данными двух отчетов, в которых не совпадают сведения о количестве находок как в отдельных ямах, так и в целом по участку. В кратком отчете указано, что общее количество гадательных костей с надписями на данном участке составляет 4830 фрагментов, в то время как в подробном отчете «Каогусяэ цзикань» – 5335 [Чжунго шэ-хуй кэсюэюань каогу яньцзюсю Аньян гунцзо дуй, 1995, с. 46]. Расхождение составляет около 10%, что необходимо учитывать при исследовании.

По данным археологических отчетов, площадь раскопок составила 430 кв. м [Чжунго шэ-хуй кэсюэюань каогу яньцзюсю Аньян гунцзо дуй, 1995, с. 45]. Общее число находок гадательных костей – более 10 тыс. фрагментов, из них 5335 – с надписями [Чжунго шэ-хуй кэсюэюань каогу яньцзюсю Аньян гунцзо дуй, 1995, с. 46].

**Распределение находок гадательных костей
в окрестностях Великого города Шан**

Место находки	Год	Гадательные лопатки без надписей	Гадательные лопатки с надписями	Гадательные плас-троны без надписей	Гадательные плас-троны с надписями	Гадательные кости с надписями	Всего
В центре дер. Сяотунь	1986		8				8
	1989		294			294	294
В окрестностях дер. Сяотунь	1967–1977		10		4	14	14
	1955	9	1			1	10
К северо-западу от дер. Сяотунь	1976–1985	6					6
	1985				2	2	2
	1971	11	10				21
К западу от дер. Сяотунь	1972		3		1	4	4
	1958–1959	187		47	1	1	235

Место находки	Год	Гадательные лопатки без надписей	Гадательные лопатки с надписями	Гадательные пас-троны без надписей	Гадательные пас-троны с надписями	Гадательные кости с надписями	Всего
В пределах Сяотуньского городища							
К югу от дер. Сяотунь	1973	Ок. 5000	5260	0	75	5335	10 335
К востоку от дер. Хуаюаньчжуан	1991	20	5	984	574	579	1583
К югу от дер. Хуаюаньчжуан	1986-1987	11		3			14
К югу от дер. Хуаюаньчжуан	1991	33	5	22		5	60
В пределах Сяотуньского городища	1951-1991	5277	5596	1056	657	6253	12 586
За пределами Сяотуньского городища							
Сыпальмо	1950	1					
(Кладбище) Западного сектора	1969-1971	1					1
К северо-востоку от Байцзяфэнь	1958	49		40			89

Место находки	Год	Гадательные лопатки без надписей	Гадательные лопатки с надписями	Гадательные пластроны без надписей	Гадательные пластроны с надписями	Гадательные кости с надписями	Всего
К западу от Байцзяфэнь	1960	5		2			7
	1958–1961	14		6			20
Бэйсиньчжуан	1959	2					2
	1958	1			1	1	
Мэйюаньчжуан	1958	64		26			90
	1990	29		1			30
К югу от дер. Цицзячжуан	1957	1					
	1958–1961	342	1	95	1	2	439
К северу от рассадника	1962–1964		2			2	2
	1974				1	1	1
	1985		1			1	1

Окончание табл. 5

Место находки	Год	Гадательные лопатки без надписей	Гадательные лопатки с надписями	Гадательные троны без надписей	Гадательные троны с надписями	Всего
	1982–1984	50		400		450
К югу от дер. Сюэцзячжуан	1957	39			1	40
	1971		1			1
Хоуган	1991	2		4		6
	1958–1961	82	2	15		99
Дасыкун цунь	1953	15		45	2	62
	1986	1				1
За пределами Сяотуньского городища	1950–1991	698	7	634	6	1345
Итого	1950–1991	5975	5604	1690	662	13 931

[Лю Имань, 1997, с. 52].

Распределение находок гадательных костей
с надписями и без них в результате
археологических работ к югу от дер. Сяотунь в 1973 г.

	Общее количество гадательных костей	Количество гадательных костей с надписями (% от общего количества для данной категории находок)
Вне культурного контекста ³⁴	2096 (29,3%)	1820 (<40%)
В утрамбованных фундаментах строений, относящихся к периоду Шан-Инь	259 (3,6%)	105 (2%)
В 64 ямах, относящихся к периоду Шан-Инь ³⁵	4795(67%)	2836 (60%)

[Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1995, с. 46].

Распределение по археологическим слоям находок гадательных костей с надписями заслуживает отдельного рассмотрения. Чуть менее 40% гадательных костей с надписями найдено вне культурного контекста: в современном слое, в засыпке грабительских ям, в колодцах и могилах, относящихся к времени правления династии Суй (581–618) 5335 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1975, с. 37]. Находки гадательных костей с надписями в фундаментах строений, относящихся к периоду Шан, составляют всего 259, с надписями — 105 (2%). Более 60% гадательных костей с надписями было обнаружено в ямах различного назначения, относящихся к периоду Шан. В 64 мусорных ямах (из 120 найденных) – 4795 гадательных костей, из них 2836 с надписями.

³⁴ [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1975, с. 37].

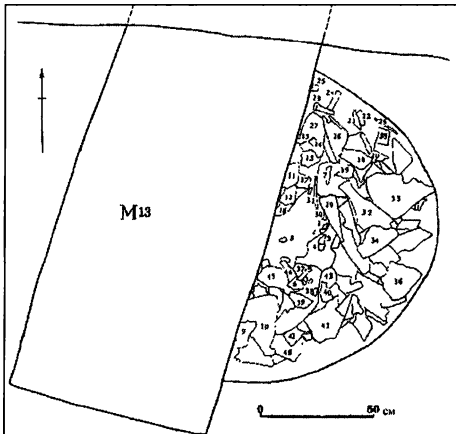
³⁵ Всего раскопано 120 ям [там же].

Абсолютное и относительное количество находок гадательных костей с надписями в ямах

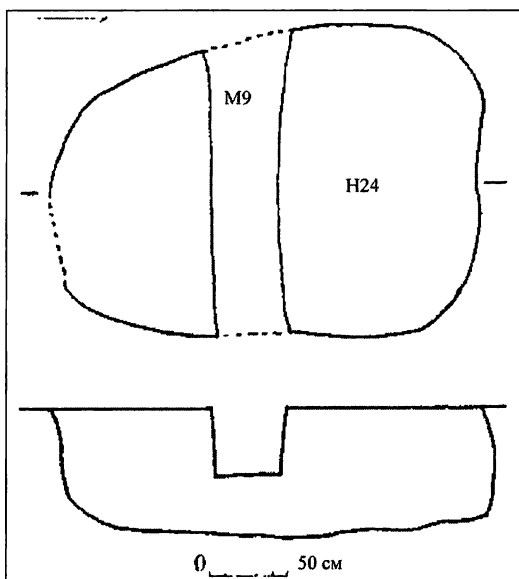
1. Н24	1245 (43%)
2. Н2	487 (17%)
3. Н57	187 (6,5%)
4. Н23	166 (6%)
5. Н50	108 (3,8%)
6. Н17	105 (3,7%)

[Чжунго шэуэй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1995, с. 128–132].

Детальный анализ данных о расположении гадательных костей с надписями демонстрирует, что около 80% артефактов от общего количества, найденного в ямах, находилось в 6 из них (из 42 ям, в которых были обнаружены гадательные кости); из них половина – всего в двух (Н24 и Н2). Таким образом, среди находок гадательных костей с надписями в 1973 г. распределение находок также не являлось равномерным. Налицо высокий процент концентрации находок лишь в нескольких ямах, которые, очевидно, и предназначались для захоронения данных артефактов.

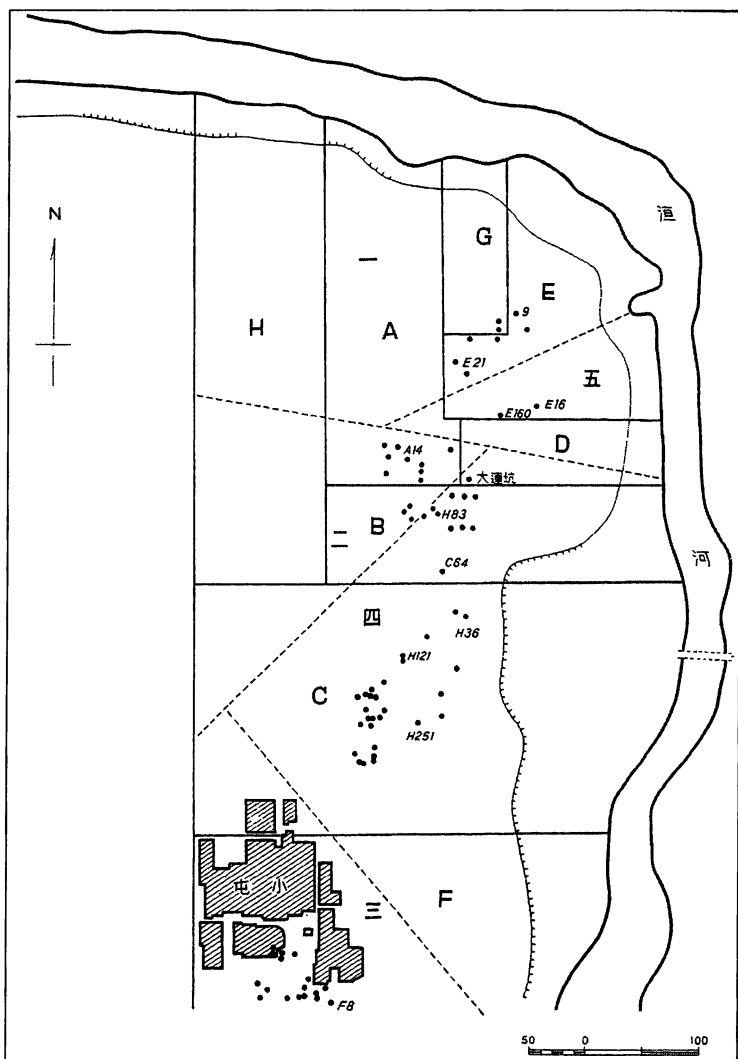
Илл. 24. Расположение ямы Н17 и разрушающего его погребения М13

Илл. 25. Расположение ямы Н24 и разрушающего его погребения М9

По публикации гадательных костей с надписями ясно видно, что в ряде ям были обнаружены целостные кости (наиболее многочисленные в Н17, Н23, Н24, Н50 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1980–1984, с. 82–128, 131–166, 211–225, 229–264]).

Тенденция к концентрации находок гадательных костей с надписями в отдельных ямах на территории Сяотуньского городища отчетливо проявилась еще по результатам раскопок 1928–1937 гг. Число находок гадательных костей на территории и близ дер. Сяотунь в 1928–1937 гг. составило 28 575 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 51, 53]; из них 17 094 (59,8%) были обнаружены в яме УН127. Даже не исследуя остальные материалы по этому периоду, очевидно, что около 60% находок гадательных костей с надписями этого крайне плодотворного десятилетия раскопок было обнаружено в одной яме, что полностью соответствует тенденции, выявленной мной на материалах 1950–1991 гг.

Илл. 26. Расположение ям с гадательными костями с надписями на территории городища близ дер. Сяотунь, раскопки 1928–1937 гг.

Данные 1990-х – начала 2000-х годов также не привнесли кардинальных изменений в нарисованную выше картину. Обнаружение городища к северу от р. Хуаньхэ значительно изменило археологический ландшафт и поставило ряд вопросов о функционировании двух городских поселений на данной территории в древности [Кузнецова-Фетисова, 2012, с. 105]; однако что касается эпиграфики, новых находок на втором городище сделано не было. При раскопках жилого района городища к северу от р. Хуаньхэ общей площадью 680 кв. м было найдено 107 фрагментов гадательных костей без надписей³⁶ [Чжунго шэхай кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 2004, с. 333–337].

Таким образом, на основании статистических данных по результатам археологических работ в течение 41 года, а также более раннего и более позднего периодов отчетливо проявляется тенденция к концентрации находок гадательных костей с надписями (не менее 94% от общего числа находок) в ряде ям в пределах Сяотуньского городища.

Вышеуказанные заключения дают возможность выдвинуть ряд гипотез о статусе гадательных костей с надписями и без них после завершения ритуала гадания при дворе правителя, а также о роли скапулимантии среди рядового населения столицы и окрестностей.

Распространение гадательных костей без надписей (более 1300) за пределами Сяотуньского городища при единичных находках гадательных костей с надписями (13), имеющих непосредственное отношение ко двору правителя, на мой взгляд, является свидетельством широкого распространения скапулимантии среди столичного шанского населения. Вполне можно предположить, что гадательные кости без надписей могли не иметь отношения к мантическим практикам при дворе правителя, а единичные находки гадатель-

³⁶ Единственная обнаруженная надпись была сделана на изделии из кости.

ных костей с надписями являлись случайными³⁷; однако эти вопросы ждут более детального исследования.

Концентрация гадательных костей с надписями³⁸ в нескольких ямах на территории Сяотуньского городища свидетельствует о неординарном статусе данного вида артефактов после завершения мантических практик. Если бы процесс утилизации отслуживших гадательных костей шел стихийно, их находки не имели бы столь выраженной концентрации, а были бы распределены гораздо более равномерно по окружающим ямам. Очевидно, единовременному захоронению нескольких сотен или тысяч гадательных костей должен был предшествовать этап сохранения их в специальных помещениях, что наводит на мысли о существовании неких «архивов» этих артефактов.

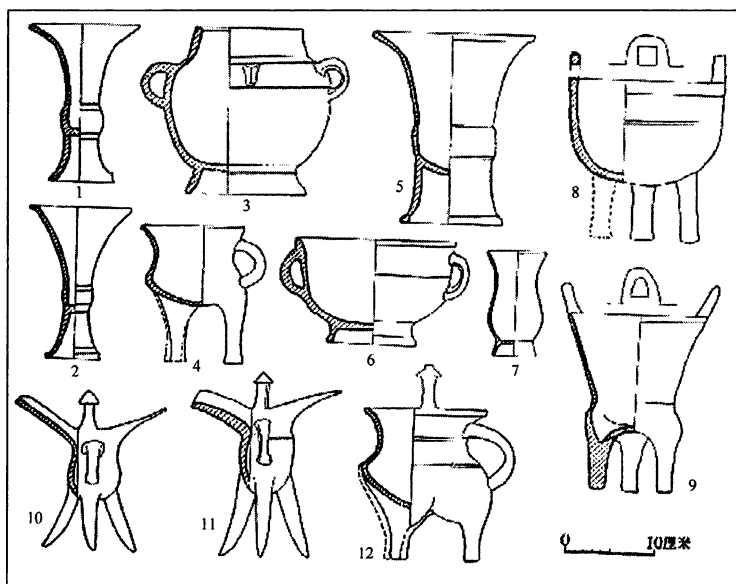
³⁷ Это особенно очевидно при сопоставлении с данными о концентрации подобного вида артефактов в ямах на территории Сяотуньского городища.

³⁸ В сопровождении большого количества гадательных костей без надписей.

Тесные связи различных ремесел

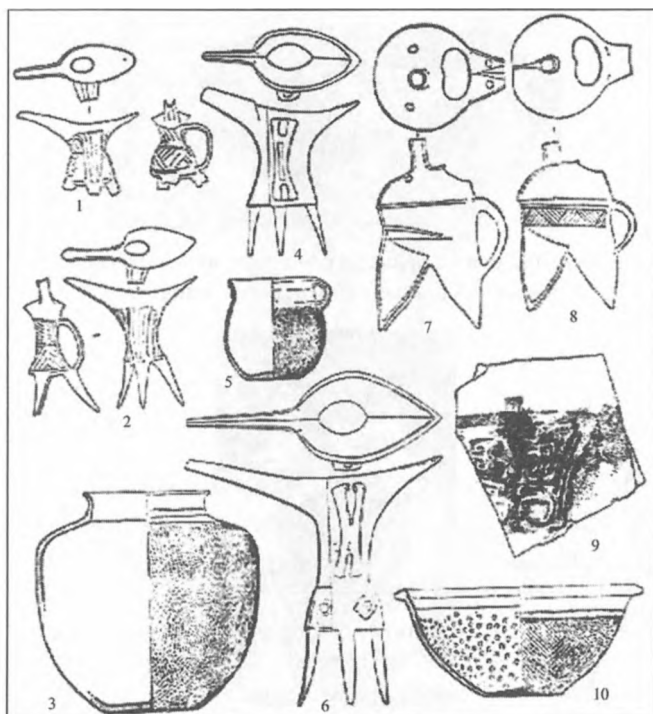
В археологических комплексах шан-иньского времени встречаются сходные по формам или орнаментации предметы, изготовленные из различных материалов (илл. 27–34). Принято считать, что сначала керамические формы копировались в металле, а затем шел обратный процесс имитации бронзовых изделий в гончарном производстве. В отдельных случаях археологи фиксируют подражание металлическим изделиям, прежде всего в керамике [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1979, с. 61]. Ниже мы проследим влияние бронзовых изделий на предметы, изготовленные из других материалов, и попытаемся найти ответ на вопрос о причинах этого явления.

Не останавливаясь на вопросе о сходстве форм металлических и керамических сосудов, относительно которых могут существовать различные мнения о направлении копирования, следует отметить некоторые бесспорные случаи воспроизведения бронзовых моделей в гончарном производстве. При раскопках в западном секторе Иньсюя в ряде погребений были обнаружены керамические изделия, копирующие металлические образцы, предположительно относящиеся к четвертому периоду существования Иньсюя; в отчете о раскопках они приводятся в отдельной иллюстрации (илл. 27). Исследователи указывают на существование со-

Илл. 27. Керамические сосуды, подражающие бронзовым, из раскопок кладбища западного сектора Иньсюя

циальных причин, давших толчок для появления подобных изделий, но никаких объяснений относительно этого утверждения в публикации не дано [Чжунго шэхай кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1979, с. 113]. Материалы из Эрлитоу наглядно демонстрируют сходную тенденцию имитации бронзовых образцов в керамике: по форме сосуды № 1 и 2 копируют металлические кубки № 4 и 6 и настолько отличаются от остальной керамики, представленной в таблице, что по внешнему виду их можно принять за бронзовые (илл. 28). Кроме этого, следует обратить внимание на длинные тонкие ножки кубков; в металле за счет прочности материала они сохраняются в изначальном состоянии на протяжении веков, а в глине легко ломаются и мало способствуют удобству практического использования сосуда (илл. 28, 1, 2).

Илл. 28. Керамика и бронза из Эрлитоу: 1, 2, 3, 5, 7, 8, 10 – керамика; 4, 6 – бронза; 9 – фрагмент лакированного изделия

Илл. 29. Бронзовый сосуд с поясной орнаментацией

Илл. 30. Бронзовый сосуд с поясной орнаментацией и крестообразными отверстиями в поддоне

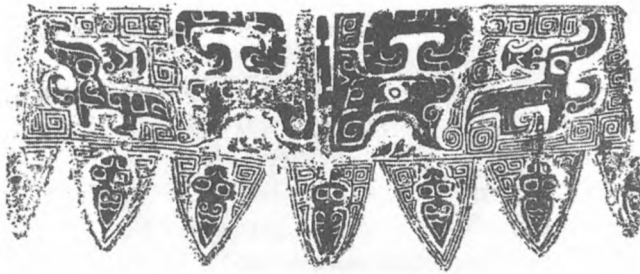
Илл. 31. Бронзовый сосуд с поясной орнаментацией

Илл. 32. Бронзовый сосуд с поясной орнаментацией и литейными швами

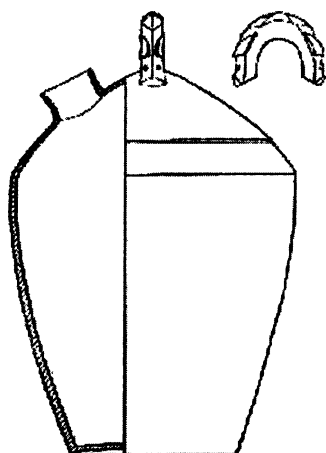
Илл. 33. Бронзовый сосуд с маской «тао-тэ» и литейными швами

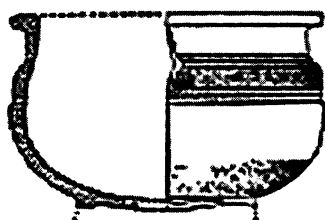
Илл. 34. Орнамент на бронзовом сосуде

Илл. 35. Ручка бронзового сосуда

Илл. 36. Бронзовый сосуд с ручкой в виде дракона

Илл. 37. Керамический сосуд

Илл. 38. Орнамент на керамических сосудах

Илл. 39. Керамический сосуд

Илл. 40. Каменная крышка

Переходя к орнаментации, следует обратить внимание на несколько особенностей оформления бронзовых сосудов. Прежде всего, орнамент располагается на сосудах горизонтальными поясами, иногда тонкими, так что большая часть поверхности остается гладкой (илл. 29, 30); в других случаях несколько последовательно расположенных полос орнамента покрывают практически всю поверхность сосуда (илл. 31, 32). Наиболее распространенным мотивом являются маски *тао-тэ* различной степени схематизации (илл. 33); все остающееся свободным от основного рисунка место заполняется спиралями с прямыми или скругленными углами

(илл. 34). Часто встречаются рельефные изображения: верхняя часть вертикальных ручек оформляется в виде головы животного, из пасти которого она начинается (илл. 35); ручки крышек сосудов изображаются в виде дракона (илл. 36); на центральной поверхности сосуда помещаются рельефные звериные морды (илл. 29, 31)³⁹. Бесспорных доказательств первичности применения всех этих особенностей в металле нет, поскольку эти детали не связаны напрямую с производственным процессом. Тем не менее можно высказать предположение о том, что влияние шло именно от бронзовых изделий, поскольку в металле подобная орнаментация легко воспроизводится при отливке, в то время как прорисовка или моделирование керамики или резьба по камню и кости гораздо более трудоемкий процесс. В любом случае все вышеперечисленные особенности орнамента встречаются на керамике (илл. 37, 38, 39) и изделиях из камня (илл. 40).

На сосудах эпохи Шан-Инь часто встречаются более или менее выпуклые вертикальные выступы, часто одновременно являющиеся осью симметрии для орнамента, покрывающего сосуд (илл. 32, 33). Для объяснения происхождения этих выступов следует обратиться к производственному процессу изготовления металлических сосудов.

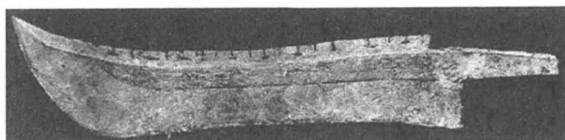
В китайском бронзолитейном производстве, как известно по раскопкам мастерских в Чжэнчжоу и «Великом городе Шан», отливка сосудов производилась в разъемных глиняных формах, состоящих из нескольких вертикальных и горизонтальных секций и одного или нескольких сердечников. Чтобы остывший сосуд можно было легко вынуть из формы, для отливки круглых сосудов чаще всего использовалось деление на три вертикальные секции, для прямоугольных – на четыре. На стыке глиняных форм, если они

³⁹ Форма и расположение этих рельефных морд позволяют предположить, что они происходят из вышеупомянутой традиции изображения верхней части вертикальных ручек в виде головы животного.

не были вплотную подогнаны друг к другу, могли происходить более или менее значительные смещения, ведущие к образованию видимых невооруженным взглядом литейных швов (илл. 41). Для сокрытия подобного недостатка излишки металла либо скалывали, либо обрабатывали таким образом, что эти швы производили впечатление декоративных выступов (илл. 33). В дальнейшем подобные декоративные швы начинают появляться на центральных плоскостях сосудов, вне зависимости от производственной необходимости (илл. 33; общее количество выступов на этом сосуде – шесть: три из них находятся на месте литейных швов и три выполняют чисто декоративные функции). Верхний край выступов украшали прорезями, и такие же прорези появляются на закраинах плоских предметов, ножей и оружия (илл. 33, 42, 43). Имитации литейных швов, декоративных выступов и прорезных закраин часто встречаются на керамике (илл. 44, 45), изделиях из камня (илл. 46, 47, 48) и кости (илл. 49).

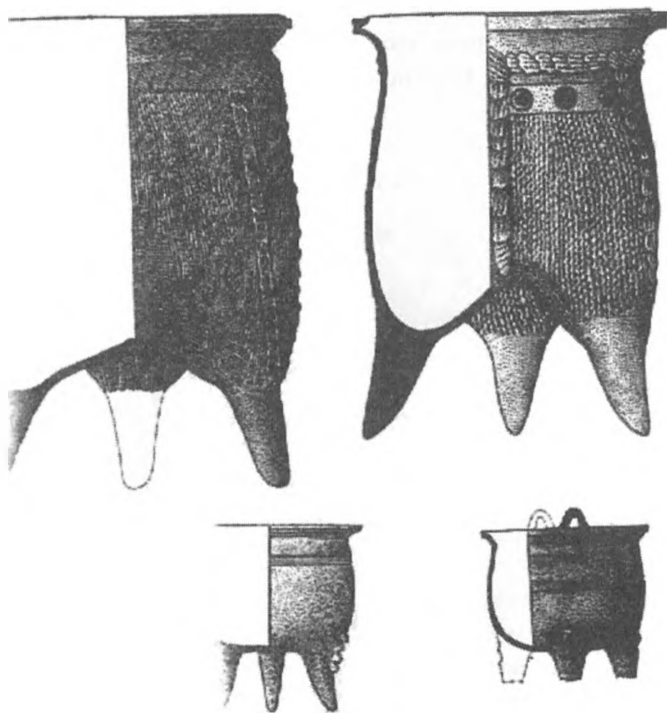
Илл. 41. Бронзовый сосуд с литейными швами

Илл. 42. Бронзовый нож

Илл. 43. Бронзовый нож

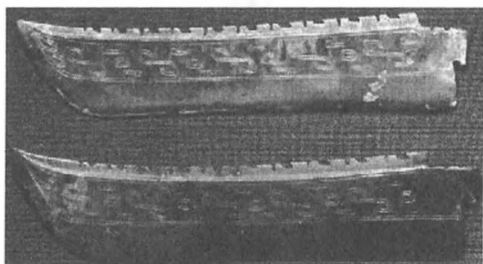
*Илл. 44. Керамические сосуды
с имитацией литейных швов*

Илл. 45. Керамический сосуд с имитацией литейных швов

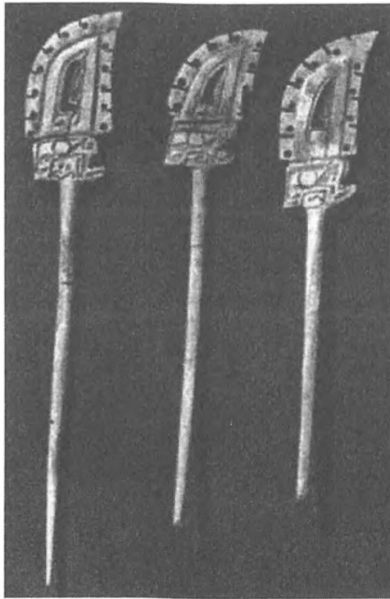
Илл. 46. Сосуд из поделочного камня с имитацией литейных швов

Илл. 47. Ножи из поделочного камня с имитацией литейных швов

Илл. 48. Подвески из поделочного камня с декоративными закраинами

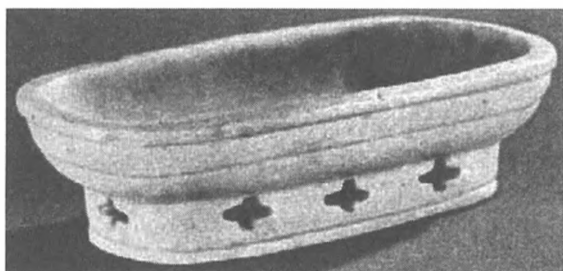

Илл. 49. Шпильки из кости с декоративными закраинами

При осмотре бронзовых сосудов на поддоне часто можно заметить отверстия, круглые, крестообразные или овальной формы, в нижней части изделия (илл. 29, 30). Их появление обусловлено тем, что для образования полого поддона нижняя часть сосуда при отливке была заполнена сердечником, который должен был опираться на стенки формы, чтобы в образовавшийся зазор мог проникнуть металл для формирования стенок поддона. Подобные отверстия существуют и на сосудах из керамики (илл. 50) и камня (илл. 51) и также являются имитацией особенностей изделий из бронзы.

Илл. 50. Керамические сосуды с крестообразными и круглыми отверстиями в поддоне

Илл. 51. Сосуд из камня с крестообразными отверстиями в поддоне

Копирование вышеперечисленных особенностей бронзовых изделий – форм и орнамента сосудов, литейных швов, декоративных закраин и отверстий в поддоне – в керамике, камне или кости не имело производственной обусловленности; в большинстве случаев имитация была зна-

чительно более трудоемкой по сравнению со стандартными методами изготовления изделий.

Разъяснить эту ситуацию могут письменные источники более позднего времени. По материалам памятников династии Чжоу, в особенности относящихся к периодам Чуньцю и Чжаньго, можно сделать заключение, что бронзовые сосуды широко применялись в ритуальных практиках, которые устанавливали и поддерживали определенную иерархию в обществе. При применении сосудов в различных ситуациях существовали многочисленные ограничения по количеству, формам и размерам. Не пытаясь перенести эти установления на время правления династии Шан-Инь, следует отметить, что археологические материалы подтверждают важное значение бронзовых сосудов. В наиболее крупных и богатых сопроводительным инвентарем погребениях обнаруживается значительное количество бронзы, так что именно по количеству и качеству металлических изделий зачастую судят о социальном положении владельца могилы.

Поскольку обладание бронзовыми сосудами показывало высокий социальный статус владельца, извечно существующие тенденции к повышению своего положения могли вызвать подражание формам этих сосудов. При правлении следующей за Шан-Инь династии Западная Чжоу (XI в. – 770 г. до н.э.) металл на отливку бронзового сосуда даровался правителями, и производство изделий из бронзы находилось под контролем. Вероятно, подобная система существовала и ранее, и поэтому имитация не могла воспроизводиться в металле. Керамика в этом случае была оптимальным материалом для изготовления копий; сосуды-подделки могли удовлетворять амбициям владельца при жизни и его окружения – после его смерти. Также возможно, что в некоторых случаях керамические копии выполнялись, когда бронзовые оригиналы по тем или иным причинам не могли быть использованы.

Что касается каменных сосудов, прежде всего из нефрита, то имитация в данном случае не несла социальной нагрузки, поскольку роль этих сосудов в ритуалах была, возможно, даже более значимой, чем изделий из бронзы. Находки таких сосудов редки, и они присутствуют только в богатых погребениях с большим количеством бронзовых предметов. В данном случае подражание формам и орнаментации металлических сосудов имело, скорее всего, декоративные функции, а также могло быть данью традиции.

Удачные художественные решения в орнаментации и декоративном оформлении деталей, которые предлагали изделия из металла, могли служить основой для их внедрения в косторезное и камнерезное производство. Распространение определенных мотивов в то или иное время может отражать изменение вкусов населения и служить основанием для составления микрохронологии.

* * *

Выше на конкретных примерах мы попытались проследить влияние бронзолитейного производства на изделия из других материалов и указать на некоторые причины этого. Копирование металлических сосудов в керамике предположительно имело целью удовлетворение извечного человеческого желания повысить свой социальный статус; в некоторых случаях имели место имитации, если не могли использоваться оригинальные сосуды из металла. Копирование форм и орнаментации бронзовых изделий в камне и кости не было социально обусловлено и отражало меняющиеся запросы населения. Когда какой-то мотив становился популярным, он начинал изображаться во всех возможных материалах вне зависимости от трудозатрат на его воспроизведение.

Наконец, стоит заметить, часто важную роль в будущих исследованиях по данной тематике должна сыграть разработка критериев выявления влияния бронзовых изделий в

центрах, в которых не обнаружено металлических предметов. В настоящее время наличие или отсутствие таких изделий или явных следов металлообработки является основным критерием, предопределяющим вывод о знакомстве культуры с металлом и, соответственно, ее датирование. Однако шанс обнаружить при раскопках бронзовый инвентарь намного меньше, чем изделия из других долговечных материалов; поэтому поиск систем датирования изделий из керамики, каменной и костяной продукции может стать перспективным направлением исследований.

Источники сырья и вопрос взаимоотношений с соседями

«**В**еликий город Шан» – столица Шан-Инь – расположен в 20 км к северу от г. Аньян на севере современной провинции Хэнань, неподалеку от границ провинций Хэбэй, Шаньси и Шаньдун. К западу находятся отроги хребта Тайхэншань, к востоку – равнина; в настоящее время недалеко от Аньяна существуют промышленные разработки железа, алюминия, каменного угля, сульфата железа, каолина; горы Тайханшань покрыты лесом, в них имеется большое количество пещер. Если говорить о сырьевых ресурсах, предоставляемых данным ландшафтом, следует отметить наличие глин (прежде всего лёсса и каолина), дерева, камня для изготовления орудий труда и, возможно, некоторых пород поделочного; имелись возможности для охоты и рыболовства и выращивания культурных растений, в том числе злаков. Несмотря на то что данных о наличии древних разработок в этом районе нет, мы не можем исключить наличие небольших запасов полезных ископаемых на этой территории, не имевших промышленного значения и исчерпанных в древности. Точно очертить географический ареал расселения племени Шан-Инь на основании существующих источников не представляется возможным; ученые локализуют территорию Шан-Иньского царства в среднем течении р. Хуанхэ.

Анализ производившейся там продукции неизбежно ставит вопрос о доставке сюда некоторых широко использовавшихся материалов, таких как медь, олово, нефрит, панцири черепах, слоновая кость, раковины каури и т.д. [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 444]. Некоторые из них могли находиться недалеко, но многие поступали за десятки, сотни, а то и тысячи километров. Таким образом, вопрос сырьевой базы был напрямую связан с отношениями шанцев с соседними племенами, а также с транспортом.

В надписях на гадательных костях, относящихся к тому периоду, когда столица находилась в Инь, встречается более 500 географических названий, многие из которых являются названиями племен либо племенных центров [Чэнь Мэнцзя, 1956, с. 249]. В разное время одни и те же племена могли быть то нападающей, то обороняющейся стороной, данниками шан-иньских правителей и объектом карательных походов; в настоящее время практически невозможно установить причины изменения этих отношений⁴⁰.

В контексте ориентации древнекитайского очага цивилизации на использование местной специфики очень интересны данные главы «Юй гун»⁴¹ древнего письменного памятника «Шан шу». В данном разделе мы приведем выдержки из главы «Юй гун», касающиеся установленных подношений от различных областей, на которые, по преданию, Юй разделил Китай. Окончательное редактирование этой главы относят ко второй половине III в. до н.э., но несомненно, что значительная часть информации описывает реалии го-

⁴⁰ Некоторая информация по поводу изменения отношений с соседними племенами зафиксирована в письменных памятниках, таких как «Шан шу» и хроники, но ее невозможно проверить; упор делается на изменения морально-нравственной стороны правителей династии и, как следствие этого, рост или подрыв авторитета у окружающих этносов.

⁴¹ Традиционно название этой главы переводится как «Дары Юя», хотя более корректное название было бы «Подношения Юю» либо же «Подношения, установленные Юем».

раздо более раннего времени, и часть этих сведений может относиться к периоду зарождения древнекитайской цивилизации. Перевод отдельных глав «Шан шу» опубликован в 1-м томе издания «Древнекитайская философия» [Древнекитайская философия, 1972, с. 100–114]. Полного перевода главы «Юй гун» на русский язык нет; но она практически без изменений была перенесена во 2-ю главу «Исторических записок» Сыма Цяня, поэтому при работе с этой главой я неоднократно обращалась к переводу этого памятника, выполненному Р.В. Вяткиным и В.С. Таскиным [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 150–158].

Из текста главы выбраны фрагменты, повествующие о конкретных видах подношений, включенных в подати, а не о размере податей от каждой из областей.

«Область Цзичжоу... племена *дао-и* [подносили] одежды из шкур...

Между реками Цзи[-шуй] и [Хуан-]хэ [находится] область Яньчжоу... ее подношения – лак и шелковые нити; в бамбуковых корзинах [подносили] узорчатые ткани...

Между морем и хребтом Дай [находится] область Цинчжоу... ее подношения – соль, ткань из волокон пуэрарии, морская живность разных видов; из долин хребта Дай – шелковые нити, коноплю, свинец, сосновое дерево, ценные камни; племена *лай-и* [подносили продукты] земледелия и скотоводства; в бамбуковых корзинах [подносили] шелковые нити от дикого шелкопряда...

Между морем, хребтом Дай и рекой Хуай[-хэ] [находится] область Сюйчжоу... ее подношения – земля пяти цветов, из долин горы Юй[-шань] – пестрые фазаны; с южных склонов горы И[-шань] – [древесину] отдельно растущих тунговых деревьев; с берегов реки Сы[-шуй] – [камни для производства] гонгов; племена *хуай-и* [подносили] раковины жемчужниц, жемчуг и рыбу; в бамбуковых корзинах [подносили] черные и белые шелковые ткани...

Между рекой Хуай[-хэ] и морем [находится] область Янчжоу... ее подношения – металл трех видов, нефрит *яо*, камни *кунь*, низкорослый и крупный бамбук, [слоновые] бивни, выделанная кожа, [птичьи] перья, шерсть, а также дерево; племена *дао-и* [подносили] одежды из травы; в бамбуковых корзинах [подносили] шелковую парчу и раковины; по особому повелению в свертках [подносили] мандарины и помелоны...

Между хребтом Цзин[-шань] и южными склонами хребта Хэн[-шань] [находится] область Цзинчжоу... ее подношения – [птичьи] перья, шерсть, [слоновые] бивни, металл трех видов, лаковое дерево, кудrania триостренная, можжевельник, кипарис, грубые и мягкие точильные камни, камни *ну* [для изготовления наконечников стрел], киноварь; бамбук *цюнь* и *лу* и дерево *ху* подносились тремя владениями, составляя их славу; растение *цзин-мао* [подносилось] в свертках и ящиках; черные и ярко-красные краски и нити жемчуга [подносились] в корзинах; по особому повелению поставлялись большие черепахи из района девяти рек...

Между хребтом Цзин[-шань] и рекой [Хуан-]хэ [находится] область Юйчжоу... ее подношения – лак, шелк-сырец, волокна пуэрарии и конопли; в корзинах – тонкий хлопок; по особому повелению поставляется камень для обработки музыкальных бил...

Между южными склонами хребта Хуа[-шань] и рекой Хэйшуй [находится] область Лянчжоу... ее подношения – яшма *цю*, железо, серебро, твердое железо, камни для наконечников стрел, камни для музыкальных бил, шкуры медведей, лисиц, диких кошек и войлок...

Между реками Хэйшуй и Сихэ [находится] область Юнчжоу... ее подношения – яшмы *цю* и *лин* и драгоценные камни *лан* и *гань*...»

Не затрагивая вопроса о том, были ли определенные виды сырья данью, военной добычей или предметом обмена,

имеет смысл обратить внимание на то, что приоритет был отдан использованию местных различий и специализации районов, а не замыканию экономики в рамках проживания того или иного этноса. Второй вариант вообще маловероятен в условиях равнинной местности, где не было достаточно минеральных ресурсов для развития металлообработки и некоторых других отраслей ремесла.

Таким образом, археологические и эпиграфические данные и письменная традиция показывают существование достаточно глубокой производственно-сырьевой зависимости одних регионов от других. Свинец и олово, поделочный камень, панцири черепах и раковины, лак и слоновая кость, краски – весь этот перечень материалов можно рассматривать как предметы необходимого обмена населения различных областей Древнего Китая.

Производственные нужды населения не могли обеспечиваться только материалами близлежащих территорий и требовали развития обменных операций на постоянной основе с достаточно отдаленными районами даже в то историческое время. В дальнейшем это стало одной из причин возникновения общекультурного единства китайской цивилизации и объединения в политическое единство – государство под властью династии Цинь.

Искусство «Великого города Шан»

При реконструкции духовной культуры шан-иньского общества исследователи сталкиваются с многочисленными трудностями. Дошедшие до нас письменные памятники, описывающие верования и ритуалы китайцев, относятся к значительно более позднему времени и отражают представления своего времени; сведения о более ранних периодах переосмысливались с точки зрения позднейших религиозных воззрений, этических и эстетических установок. Поэтому вполне закономерно обращение ученых к археологическим и эпиграфическим данным, в частности к ритуальному искусству. Исследование распространенных мотивов и их расположения на ритуальной утвари, приемов изображения, особенностей употребления определенных изделий, сопоставление реальности того времени, окружавшей людей, и мира ритуальных образов позволяет сделать выводы о приоритетах и ценностях шан-иньского общества, религиозных воззрениях и обрядах.

Анализ ритуального искусства

Подавляющее большинство ритуальных предметов было обнаружено в погребениях⁴²; среди руин жилищ находят в

⁴² Под погребениями в данной статье понимаются любые захоронения людей и животных, вне зависимости от того, естественной или насильственной смертью они погибли.

основном остатки бытовой утвари, практически не имеющей орнаментации, за исключением так называемого технического орнамента⁴³ и простейших геометрических узоров.

Ритуальные предметы представлены несколькими основными категориями: керамические, бронзовые, каменные, костяные (существовали, возможно, и деревянные) сосуды; некоторые разновидности бронзового и каменного оружия⁴⁴; каменные резные пластинки; каменные и костяные таблички; каменные диски; скульптура. Несомненно, наряду с ними существовали также деревянные и тканые изделия с ритуальной орнаментацией, такие как гробы, саркофаги, погребальные камеры, саваны, покрывала, но сохранившихся фрагментов недостаточно для выводов об их изобразительных характеристиках, и поэтому ниже они рассматриваться не будут.

Реконструкция употребления ритуальных предметов – задача непростая. В настоящее время распространена та точка зрения, что большинство сосудов использовались в ритуальных пиршествах, одной из задач которых было подтверждение и укрепление социальной иерархии. Сложный церемониал жертвоприношений духам и предкам, с указаниями употребляемых предметов и посуды, описан в трактате «Чжоу ли» («Установления [династии] Чжоу»); несмотря на то что этот памятник создан гораздо позднее, его данные показательны в качестве характеристики обрядности в том числе и раннего периода китайской истории.

⁴³ То есть орнаментации, возникающей в процессе изготовления предметов, или имитации подобной орнаментации. Пример: узор в виде разнонаправленных насечек на керамике, получаемый при изготовлении сосудов методом наковальни и лопатки.

⁴⁴ Большинство предметов вооружения из камня, прежде всего клевцы, изготовленные из тонких пластин, представляются малопригодными для боя; предположительно их употребление ограничивалось ритуальной сферой. Бронзовое оружие в большинстве случаев функционально; тем не менее крупные бронзовые секиры, нередко богато орнаментированные, могли использоваться для ритуальных целей, например, принесения в жертву животных и людей.

Что касается собственно периода Шан-Инь, археологические данные демонстрируют наличие корреляции между размерами погребения и материалом изготовления, величиной и количеством сосудов в нем. В крупные погребения помещались многочисленные бронзовые сосуды, некоторые из которых были очень вместительными; наряду с этим наборы керамических сосудов в крупных и небольших погребениях практически не отличались по составу и качеству. Это позволяет предположить, что бронзовые сосуды являлись показателем социального и/или духовного статуса их обладателя, его способности устраивать жертвоприношения и пиршества.

Как минимум две разновидности керамических сосудов, а именно небольшой треножник и кубок, получившие широкое распространение в погребальном инвентаре, можно вполне определенно рассматривать как ритуальные. Основанием для подобного вывода служит практически полное отсутствие этих видов сосудов на поселенческих памятниках, в то время как в погребениях они суммарно занимают около 40% от общего объема раскопанной посуды. Эти сосуды, очевидно, употреблялись как церемониальные.

В художественном плане керамический материал представляет небольшую ценность, поскольку орнаментация сосудов в большинстве случаев носит технический характер (исключение составляет малочисленная категория белой керамики, повторявшей формы и узоры бронзовых сосудов), она крайне лаконична, в большинстве случаев орнамент имеет то же техническое происхождение – это отпечатки узора на колотушке, которой отбивался сосуд. В некоторых случаях на оттиски накладывались глиняные полосы, составляя геометрический дизайн из треугольников, ромбов и спиралей; встречается оформление ручек и ножек в виде голов животных, а также рельефные накладки. Довольно распространенным видом орнаментации являются концентрические бороздки на плечиках или шейке сосуда, сделанные на гончарном круге при помощи острья или подобия вилки.

Илл. 1. Расположение Аньяна на рельефной карте Китая (вид с восточного побережья). «Великий город Шан» обозначен фиолетовым символом. Печатается по изд.: Harrison R.E. Look at the World: the Fortune Atlas for World Strategy. New York, 1944. P. 38–39.

Илл. 2. Обмелевшая река Хуаньхэ, современное состояние. Фото автора (Аньян, 2013 г.)

Илл. 3. Вид на «царский» некрополь с высоты птичьего полета. По контурам крупнейших погребений высажен кустарник. Фото с сайта www.ayux.com (Музей Иньсюя)

Илл. 4. Колесницы, раскопанные на территории Аньянского центра. Фото автора (Аньян, 2013 г.)

Илл. 5. Квадрипод с изображением морды быка; обнаружен в «царском» погребении M1004. Один из крупнейших сосудов, найденных при археологических раскопках под Аньяном; вес 110 кг, высота 73,3 см. Фото с сайта museum.sinica.edu.tw (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 6. Архивное фото с расположением «бычьего» и «оленьего» квадриподов при раскопках. Фото с сайта digiarch.sinica.edu.tw (Академия Синика, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 7. Маленький квадрипод; найден в 1987 г. при раскопках близ дер. Гоцзячжуан. Фото автора (Аньян, 2013 г.)

Илл. 8. Бронзовый сосуд; найден в 1976 г. в погребении М5 («Могила Фу Хао») близ дер. Сяотунь. Фото автора (Аньян, 2013 г.)

Илл. 9. Бронзовый сосуд. Фото автора (Аньян, 2013 г.)

Илл. 10. Изображение человеческого лица. Бронзовый артефакт; обнаружен в погребении М1400 «царского» некрополя. Высота 25,3 см, ширина 23,4 см. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 11. Скульптура монстра (деталь интерьера, резной камень); обнаружена в «царском» погребении М1001. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 12. Голова птицеподобного монстра (деталь интерьера, резной камень); обнаружена в «царском» погребении М1001. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 13. Резное изображение птицы из поделочного камня; найдена в 1976 году в погребении М5 («Могилы Фу Хао») близ дер. Сяотунь. Фото автора, Аньян, 2013 г.

Илл. 14. Скульптура человека из поделочного камня; найдена в 1976 г. в погребении М5 («Могилы Фу Хао») близ дер. Сяотунь. Фото автора (Аньян, 2013 г.)

Илл. 15. Сосуд из поделочного камня. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 16. Череп оленя с надписью; обнаружен в яме Н127 с крупнейшей находкой гадательных костей с надписями. Фото с сайта museum.sinica.edu.tw (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 17. Раскопки ямы Н127 с крупнейшей находкой гадательных костей с надписями. Фото с сайта digiarch.sinica.edu.tw (Академия Синика, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 18–19. Пластроны с надписью. Фото с сайта oraclememory.ihp.sinica.edu.tw
(Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань)
Илл. 20. Надпись чернилами на кости. Фото с сайта oraclememory.ihp.sinica.edu.tw
(Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 21. Раскопки ямы с гадательными костями с надписями и захороненным человеческим черепом. Фото с сайта <http://oraclememory.ihp.sinica.edu.tw> (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 22. Человеческие черепа из заполнения «царского» погребения M1001. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 23. Церемониальный кевец с лезвием из поделочного камня и бронзовой рукояткой с инкрустацией бирюзой. Фото с сайта www.asia.si.edu (Freer and Sackler Galleries)

Илл. 24. Церемониальные «ярообразные» предметы из бронзы с инкрустацией бирюзой. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 25. Церемониальное копьё с лезвием из поделочного камня и бронзовой рукояткой с инкрустацией бирюзой; найдено в 1986 г. в погребении М25 близ дер. Даськунцунь. Фото с сайта www.aуux.com (Музей Иньсюя)

Илл. 26. Церемониальные клевец и копьё с лезвиями из поделочного камня и бронзовыми рукоятками с инкрустацией бирюзой. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 27. Бронзовая секира из погребения М54 близ дер. Хуаюаньчжуан.
(Фото автора (Аньян, 2013 г.)

Илл. 28. Бронзовое копье. Фото автора (Музей института истории и филологии
Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 29–30. Белая керамика – начальный этап производства фарфора.
Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй,
Тайвань, 2013 г.)

Илл. 31. Белая керамика – начальный этап производства фарфора. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

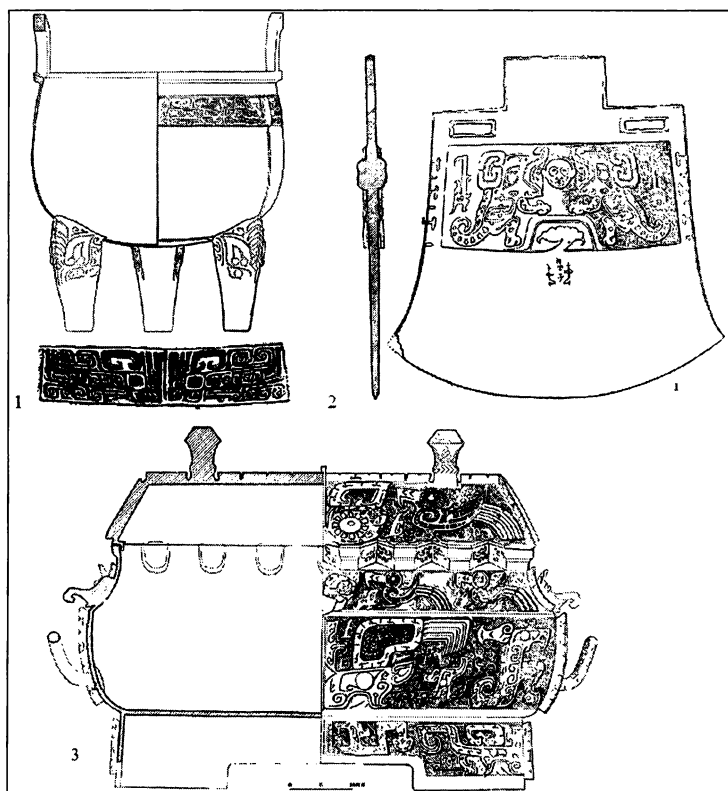
Илл. 32. Шпильки из кости. Аньян. Фото с сайта www.cultural-china.com

Илл. 33. Резьба по кости; артефакт обнаружен в «царском» погребении M1001. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

Илл. 34. Скульптура птицы из поделочного камня. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.)

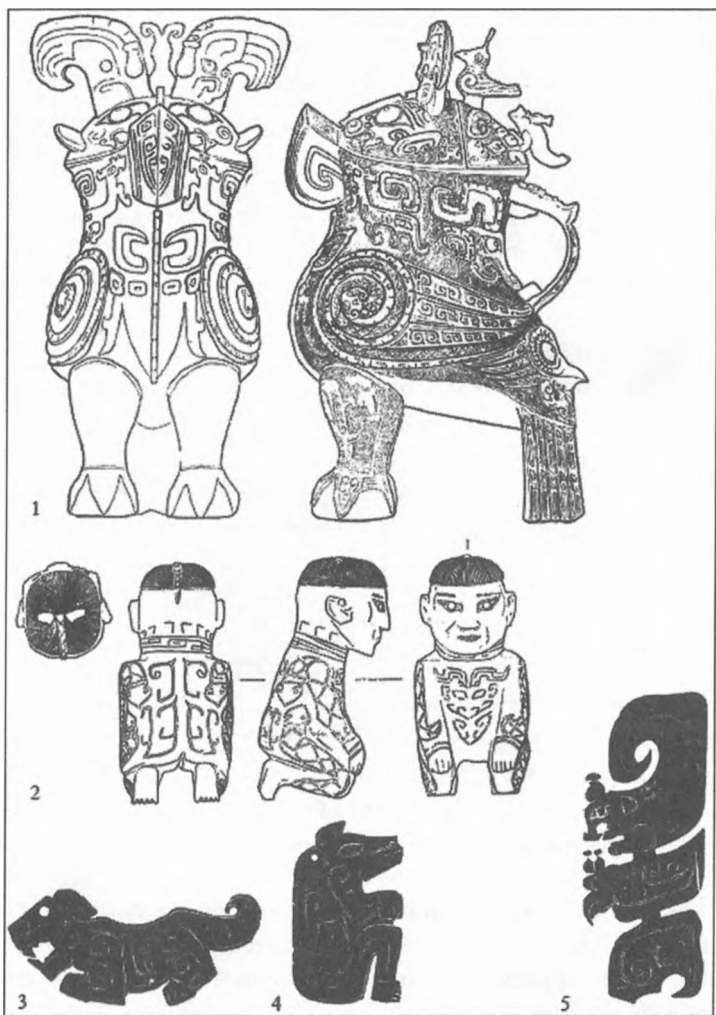
Илл. 35. Изображение по мотивам древнего искусства — скульптура близ Аньянского городского музея. Фото автора (Аньян, 2013 г.)

Илл. 52. 1 – бронзовый сосуд № 808 и его поясной орнамент;
2 – бронзовая секира № 699; 3 – бронзовый сосуд № 791

Резные каменные пластинки в большинстве случаев обнаруживаются в могилах, в непосредственной близости от останков погребенных. Они обычно имеют одно или несколько мест⁴⁵, за которые могут быть зафиксированы путем пришивания к тканям или предметам, закрепления на них с помощью ниток. Эти пластинчатые изделия, очевидно, имели охранительное значение и представляют собой ран-

⁴⁵ Зачастую на краях изделия находятся дырочки, весьма искусно вписанные в общую орнаментацию изделия.

Илл. 53. 1 – бронзовый сосуд № 785; 2 – каменная статуэтка № 372;
 3 – каменная резная пластинка № 358; 4 – каменная резная пластинка
 № 430; 5 – каменная резная пластинка № 354

ную ступень развития феномена китайской культуры, окончательно зафиксированного в так называемых «охранных

нефритах» при династии Хань⁴⁶. Назначение костяных и каменных табличек, дисков и скульптур в настоящее время не ясно; несомненна лишь их тесная связь с ритуальной жизнью общества.

Далеко не все ритуальные предметы представляют собой художественную ценность. Встречаются изделия всех описанных категорий, за исключением скульптур, полностью свободные от орнаментации или покрытые лаконичным геометрическим декором. В дальнейшем речь идет только об орнаментированных изделиях.

Размещение орнаментации на ритуальных изделиях зависит прежде всего от формы предмета. Изображения на сосудах чаще всего представляют собой один или несколько горизонтальных поясов с общими вертикальными осями симметрии, нередко выступающими над поверхностью сосуда (илл. 52, 1, 3); «ковровое» покрытие встречается только на бронзовых сосудах в форме животных, на которых всю поверхность занимают трансформирующиеся друг в друга образы зверей (илл. 53, 1). Орнаментация оружия располагается на функционально не используемых поверхностях изделий: центральных частях секир; примыкающих к древку частях клевцов; верхних частях лезвия ножей и т.д. (илл. 52, 2). Резные каменные пластинки в большинстве случаев представляют собой профильные фигурные изображения животных и людей, чаще всего симметрично проработанные на обеих сторонах изделий (илл. 53, 3–5); таблички полностью или частично заполнены поясными орнаментами; скульптурные образы предполагают круговой обзор, в большинстве случаев они симметричны и статичны (илл. 53, 2).

⁴⁶ «Охранные нефриты», или *баоюй*, упоминаются в исторических сочинениях древности; благодаря археологическим находкам XX в. стало возможно восстановить их облик. *Баоюй* представляли собой плотно облегающий тело погребенного каркас из небольших каменных пластин, соединенных через отверстия на краях металлической проволокой.

Принципы поясного расположения орнаментации по горизонтали и акцентирования вертикальных осей симметрии широко известны по этнографическим наблюдениям и зачастую связываются с общечеловеческими представлениями о сосуществовании нескольких параллельных миров и некоего «мирового древа», выступающего в роли их объединителя. Тем не менее, объективно оценивая художественные особенности искусства периода Шан-Инь, нельзя не заметить, что подобные параллели в нашем случае имеют лишь чисто формальное обоснование и мало пригодны для выводов о духовной составляющей изображений. Поясное расположение орнаментации в значительной степени объясняется конструктивными особенностями технологии отливки бронзовых изделий в многосоставных формах; зачастую орнамент в поясах идентичен по составу, отличаясь только размерами. Вертикальная ось симметрии также имеет мало общего с идеей «мирового древа», поскольку изначально является частью развернутого образа животного, составленного из двух профилей, объединенных и одновременно разделяемых этой чертой (илл. 52, 1). Функционально в основе этой горизонтальной черты зачастую был лицевой шов, т.е. этот художественный прием также имеет связь с технологическими особенностями бронзолитейного производства.

Следует отметить, что изображения на изделиях из различных материалов, таких как бронза, камень, кость, керамика, дерево, представляют собой единую систему образов, несмотря на значительные отличия в технологии их создания. Некоторые особенности присущи каждой из категорий изделий, но общность орнаментального оформления позволяет говорить о них как о едином комплексе.

В этой системе образов очень незначительное место занимает собственно человек – скульптуры и изображения людей крайне немногочисленны; полностью отсутствуют картины любых видов человеческой деятельности, культо-

вой, военной, бытовой, ритуальной и т.д., так же как и изображения окружающей действительности – природы, жилищ, повседневных предметов. К настоящему моменту известно лишь несколько изображений человеческих лиц на изделиях из бронзы и некоторое количество скульптур из поделочного камня; эти образы симметрично построены и высоко стилизованы, хотя скульптурные изображения, возможно, имеют реальные прототипы, поскольку фиксируют портретные черты (илл. 52, 2; илл. 53, 2).

Можно предположить, что подобное «пренебрежение» всеми картинами и образами человеческого существования имело в основе своей представление о том, что все это является ординарным и незначительным, профаническим по своей природе и, следовательно, не заслуживающим изображения. Вместе с тем редкость портретных образов свойственна многим ранним обществам, так как считается, что через образ человека можно причинить вред как его физическому телу, так и духовным составляющим.

Отсутствие половых признаков людей и животных может свидетельствовать о существовании системы запретов в обществе, табуировании сексуальности. Этнографические материалы многих древних и современных народов показывают связь между изображением половых признаков и культурами плодородия; в древнекитайских источниках практически единственным образом, предположительно связанным с фаллической символикой, считается пиктограмма – изображение предка *цзу* [Karlgren, 1930]. Поскольку по эпиграфическим данным известно, что хозяйственная жизнь шаньиньского общества основывалась на сельскохозяйственном производстве, а обеспечение плодородия являлось постоянным объектом внимания и заботы со стороны правителя, отсутствие выраженных культов плодородия может объясняться необходимостью сдерживания социальной агрессии, зачастую провоцируемой при подчеркивании сексуальных различий полов.

Доминирующими в изобразительном искусстве были комбинированные образы животных, в которых весьма причудливо сочетались черты пресмыкающихся, птиц, парнокопытных и хищников; широко распространенными были отдельные изображения следующих животных: цикад, рыб, сов, хищных птиц с крупным изогнутым клювом, тигров. Акцент делался на угрожающие и хищные черты: когти, клыки, клювы, рога.

Среди изображений выделяются «драконы», имеющие облик змеевидного существа с мордой хищного млекопитающего и рогами (илл. 53, 5); существуют варианты с наличием пары или двух пар нижних конечностей, а также без них; крыльев не встречается, но в некоторых изображениях рога напоминают их по форме и расположению на рисунке. Тело этого существа обычно покрыто орнаментом; чаще всего встречается ромбовидный узор. Следует отметить, что некоторые изображения тигров имеют близкое сходство с «драконом», и основным их различительным признаком является наличие или отсутствие рогов.

Скорее всего, разновидности изображений так называемых «мифических животных», «дракона» в том числе, имели различное происхождение и функции, восстановить которые в настоящее время не представляется возможным.

Характерной чертой некоторых видов животных, а именно хищных птиц и зверей и «мифических» образов, можно назвать «очеловеченность»: они обладают «человеческим» разрезом глаз и нередко такими же ушами (илл. 53, 1, 3–5); некоторые из них представлены в сидячих коленопреклоненных позах, характерных для человека. Поскольку изображения других видов птиц и животных даются с круглым разрезом глаз, этот признак представляется смысловозначительным (подробнее о возможном значении этого написано ниже).

Для изобразительного искусства этого периода характерно применение трансформных животных образов следующих типов:

1) части изображения одного животного представляют собой иных животных, не разрушающих целостность всего образа (в рисунок рога крупного животного вписан дракон; крыло птицы изображается в виде дракона);

2) боковые/хвостовые части трансформируются в другое животное;

3) имея общую голову, тело животного симметрично разворачивается в обе стороны по горизонтали (т.е. изображение составлено из двух полных профилей с вертикальной осью симметрии в центре морды).

Эти основные принципы зачастую смешиваются, представляя собой крайне сложный конгломерат образов. Некоторое количество бронзовых изделий, предположительно относящихся к одному периоду, характеризуется расцветом подобных трансформных образов, когда каждая часть общего животного представляет собой отдельный законченный образ другого зверя. Вполне вероятно, что это отражает представление о взаимопроникновении и взаимозависимости в жизни, неразрывности существования. В дальнейшем как общий контур, так и отдельные части животных нередко подвергались стилизации до полной утраты изначального образа и превращения их в геометрический орнамент.

Строгая симметрия и повторяемость мотивов являются неотъемлемыми признаками искусства данного периода. Характерной чертой также является статичность образов.

Двумя основными формами представления образов живых существ были изображения в профиль и анфас; поскольку в большинстве случаев фронтальный вид составлен из двух боковых проекций, нередко не только головы, но и туловища животного, то представляется, что вид сбоку являлся изначальным и доминирующим.

Характерной особенностью искусства данного периода является заполнение фона геометрическим орнаментом (илл. 52, 3; илл. 53, 3–5). В орнаментации практически полностью отсутствуют растительные мотивы. Немногие изображения,

напоминающие по виду цветы и растения, происходят из других видов орнамента, прошедших путь длительной стилизации.

Рафинированное, высоко стилизованное и ритуально значимое искусство периода Шан-Инь прошло длительный путь развития. Многие из образов и особенностей художественного оформления имеют связи с неолитическими традициями; другим важным фактором было воздействие технологических особенностей производства.

В ритуальном искусстве Шан-Инь преобладают, несомненно, образы животных. Их размещение как на сосудах, используемых в обрядовых пиршествах, так и на нефритовых пластинках, призванных охранять человека при перемещении в загробный мир, позволяет говорить об охранительном значении этих изображений, хотя вряд ли эта функция была единственной. Сложность и составной характер образов, наличие конгломератов входящих в них изображений, а также человеческих черт позволяют говорить об их более широком предназначении. Можно предположить, что происхождение этих образов имело связь с тотемическими представлениями древних китайцев. Согласно письменным источникам, многие легендарные правители Китая имели животные черты или же их происхождение связывалось с животными: Фу-си и Нюй-ва имели змеиные тела и человеческие головы; Шэнь-нун имел тело змеи, лицо человека, голову быка и пасть тигра; происхождение предка дома Шан по имени Се связывалось с птицей и т.д. Таким образом, в образах ритуального искусства этого периода можно видеть персонажи, представленные в процессе сложения мифов.

Суммируя наблюдения, сделанные при исследовании ритуального искусства «Великого города Шан», укажем на следующее:

1) ритуальные предметы в большинстве случаев обнаруживаются в захоронениях и представлены следующими

основными разновидностями: сосуды; некоторые виды оружия; каменные резные пластинки; каменные и костяные таблички; каменные диски; скульптура; они использовались в жертвоприношениях и пиршествах и имели охранительное значение;

2) далеко не все ритуальные предметы представляют собой художественную ценность в современном понимании этого слова, многие из них не орнаментированы или имеют минимум орнаментации;

3) широко распространено поясное расположение орнаментации по горизонтали и акцентирование вертикальных осей симметрии, строгая симметрия, статичность образов и повторяемость мотивов являются неотъемлемыми признаками искусства данного периода;

4) изделия из различных материалов имеют единую систему образов и общность орнаментального оформления;

5) человек и любые виды человеческой деятельности занимают крайне незначительное место в изобразительном искусстве; это может объясняться как пренебрежением к профанным сторонам жизни, так и нежеланием подвергать возможным вредным воздействиям изображаемого;

6) отсутствие у изображений людей и животных половых признаков и отсутствие символики, явно связанной с культом плодородия, может свидетельствовать о существовании системы запретов в обществе, табуировании сексуальности;

7) наиболее распространены изображения животных – как отдельных представителей, так и комбинированные образы, в которых причудливо сочетались черты пресмыкающихся, птиц, парнокопытных и хищников; при этом акцент делался на угрожающие и хищные черты: когти, клыки, клювы, рога;

8) один из вариантов многочисленных мифических животных – «дракон», змеевидное существо с мордой хищного млекопитающего и рогами; возможно, разновидности этих образов имели различное происхождение и функции, вос-

становить которые в настоящее время не представляется возможным;

9) для изобразительного искусства этого периода характерно применение трансформных образов, когда каждая часть общего животного представляет собой отдельный законченный образ другого зверя, составляя крайне сложный конгломерат образов; вполне вероятно, что это отображает представление о взаимопроникновении и взаимозависимости в жизни, неразрывности существования;

10) некоторые виды животных обладают человеческим разрезом глаз и ушами или представлены в сидячих позах, характерных для человека; подобная «очеловеченность» представляется смыслообразительной и связанной с тотемическими верованиями шан-иньского населения;

11) основными формами изображения живых существ было их представление в профиль и анфас; мы полагаем, что вид в профиль являлся изначальным и доминирующим;

12) изображения животных зачастую подвергались упрощению, стилизации и геометризации вплоть до полной утраты исходного образа.

В ритуальном искусстве Шан-Инь преобладают образы животных, происхождение которых восходит к тотемическим представлениям; согласно письменным источникам, многие легендарные правители Китая имели черты животных или же их происхождение связывалось с животными; потому в изображениях животных на ритуальной утвари можно видеть персонажи эпохи сложения мифов.

Заключение

Исследование «Великого города Шан» имело и имеет важное значение как для китайского общества, так и всего мира. В значительной степени благодаря обнаружению этого комплекса была подтверждена глубокая древность китайской цивилизации, обнаружена наиболее ранняя из известных ступень иероглифики – надписи на гадательных костях. Был дан толчок для сравнительного изучения раннего периода древних цивилизаций.

Обнаружение местоположения столицы династии Шан под Аньяном стало возможным благодаря высочайшим достижениям китайских ученых-палеографов, на протяжении многих веков исследовавших ранние периоды развития иероглифики, а также благодаря исторической традиции, сохранившей память о существовании столицы в этой местности.

Раскопки иньской столицы, изначально планировавшиеся ради получения новых эпиграфических данных, обрели гораздо более широкое значение как для научного сообщества, так и широких слоев общественности. Начиная с первых сезонов раскопок стало очевидно, что данные китайской исторической традиции, хотя и отстояли по времени написания от времени правления династии Шан на много столетий, сохранили достоверную информацию о последней столице этого дома, а также о преемственности правления царей. Другим результатом стало подтверждение научного

потенциала археологии, способной обнаруживать древние городища; значение этого факта трудно переоценить для последующего развития этой отрасли знания в Китае. Благодаря находкам эпиграфики в неразграбленных архивах были подтверждены сделанные ранее выводы палеографов о многих сторонах жизни шан-иньского общества, а также критерии определения подлинности гадательных костей. Также было положено начало изучению бронзового века Китая и династии Шан-Инь на основании археологических данных, которые в значительной степени отличались от литературной традиции, – например, стало известно о практике человеческих жертвоприношений, широко распространенной при династии Шан.

Поскольку данные письменных памятников Древнего Китая не дают основания для окончательного разрешения вопроса о двойном названии династии Шан-Инь (а этот вопрос является принципиальным для реконструкции хронологии бронзового века Китая), в нашем исследовании был проделан анализ данных эпиграфики с разбором графической формы иероглифов. Самоназванием династии Шан в эпиграфических надписях на гадательных костях являлся термин *шан* 商, который имел благой смысл, подчеркивал божественную сущность его носителей, что понятно и оправданно для эндонима.

Экзоэтноним *инь* 殷 начинают употреблять в эпиграфических надписях по отношению к династии Шан представители династии Западная Чжоу. Представляется, что употребление подобного знака в качестве самоназвания было бы маловероятным; он отражает враждебное отношение, что как раз и служит свидетельством его употребления в качестве экзоэтнонима.

Два из раскопанных поселенческих памятников археологического комплекса «Великого города Шан» имеют оборонительные сооружения: первый находится в излучине

р. Хуаньхэ, близ дер. Сяотунь; второй – городище с крепостными стенами к северу от р. Хуаньхэ.

Городище близ деревни Сяотунь обладает рядом специфических черт:

1. Занимает небольшую территорию сравнительно с китайскими поселениями II–I тыс. до н.э.

2. Отсутствует городская стена, замененная обводным рвом, который является менее эффективным оборонительным сооружением.

3. Все архивы гадательных костей были найдены на территории этого городища.

4. Здесь был обнаружен район с крупными фундаментами зданий, наиболее вероятно, дворцов или храмов.

Значительные площади городища занимают основания внушительных по размеру зданий и строений, кладбище, мусорный блок – т.е. нежилые помещения рядовых членов общества. Учитывая громадный размер общественных работ – сооружения стен города к северу от р. Хуаньхэ, «царских» могил, а также крайнюю многочисленность погребений шанского времени, представляется маловероятным, что этот городской комплекс мог вмещать основную массу населения. Наличие на территории городища остатков крупных дворцов или храмов и архивов гадательных костей может свидетельствовать о том, что это был сакральный центр.

Территория городища к северу от р. Хуаньхэ исследована крайне фрагментарно: раскопаны семь фрагментов стен шанского города по 15–20 м и несколько небольших участков внутри городища. Качество публикации раскопок стен города и «района дворцов» крайне низкое; проверить информацию невозможно. Представляется, что существующий в настоящее время объем информации не позволяет дать окончательную характеристику этому городищу.

По мнению современных китайских исследователей, сооружение и функционирование города относится к перио-

ду правления от Пань-гэна до Сяо-и (1-я половина XIII в. до н.э.). Также встречаются утверждения, что этот город относится к среднешанскому периоду, т.е. время правления ванов начиная с Пань-гэна и до Сяо-и начали относить к Среднему Шан.

На территории округа «Великого города Шан» имеется множество кладбищ, одним из крупнейших среди них является так называемый «царский» некрополь. Он расположен к северу от р. Хуаньхэ, близ дер. Хоуцзячжуан; в нескольких километрах от него находится шанское городище, окруженное стенами (так называемый город к северу от р. Хуаньхэ); Сяотуньское городище расположено на другом берегу реки. Организованные археологические работы некрополя происходили многократно; примерная территория памятника представляет собой прямоугольник 450 на 250 м общей площадью свыше 110 тыс. кв. м.

Свое название «царский» некрополь получил в связи с обнаружением на его территории восьми крупных могил с дромосами, расположенными крестообразно по отношению к основному объему погребальной камеры. Размеры данных могил значительно превышают все другие погребения. Местонахождение «царского» некрополя под Аньяном служит одним из главных аргументов в пользу того, что на данной территории находилась поздняя столица династии Шан. Размеры «царских» могил, многочисленный сопроводительный инвентарь и человеческие захоронения свидетельствуют об исключительном социальном положении людей, для захоронения которых эти сооружения были созданы.

Важнейшие источники сведений о жизни при династии Шан – надписи на гадательных костях – обладали неординарным статусом и после завершения мантических практик. В случае стихийного процесса утилизации отслуживших свое гадательных костей их находки не имели бы столь отчетливой концентрации, а были бы распределены гораздо более равномерно по окружающим ямам. Очевидно, едино-

временному захоронению нескольких сотен или тысяч гадательных костей должен был предшествовать этап сохранения их в специальных помещениях, что наводит на мысли об «архивах» гадательных костей.

В этот период шло активное развитие и сложное взаимодействие ремесел: бронзолитейного, производства керамики, изделий из камня и кости и т.д. Высочайшего уровня достигло искусство, вплоть до настоящего времени служащее источником вдохновения для многих мастеров.

Приложение

Погодовые записи на бамбуковых планках

[Глава 3]

殷商成湯

名履。

十八年癸亥，王即位，居亳。始屋夏社。十九年，大旱。氏、羌來貢。二十年，大旱。夏桀卒于亭山，禁弦歌舞。二十一年，大旱。鑄金幣。二十二年，大旱。二十三年，大旱。二十四年，大旱，王禱于桑林，雨。二十五年，作《大濩樂》。初巡狩，定獻令。二十七年，遷九鼎于商邑。二十九年，陟。

Инь-Шанский¹ Чэн-тан, по имени Люй².

Вступил на престол на восемнадцатом году правления³, [в год под циклическим знаком] гуй-хай (60-й год цикла⁴) и стал жить в Бо⁵. [В этот год] впервые построили помещение для алтаря Духа Земли⁶ династии Ся.

На девятнадцатом году правления [вана] случилась большая засуха. Племена ди и цян⁷ прибыли ко двору⁸.

На двадцатом году правления [вана] [вновь] случилась большая засуха. Цзе, последний правитель династии Ся, скончался в Тиншане, и было запрещено играть на струнных инструментах, петь и плясать⁹.

На двадцать первом году правления [вана] [вновь] случилась большая засуха. [В этот год] отлили металлические монеты¹⁰.

На двадцать втором году правления [вана] [вновь] случилась большая засуха.

На двадцать третьем году правления [вана] [вновь] случилась большая засуха.

На двадцать четвертом году правления [вана] [вновь] случилась большая засуха; ван в тутовой роще молился о дожде¹¹.

На двадцать пятом году правления [вана] была создана музыка Великого Дождя. [Чэн-тан] впервые совершил инспекционную поездку и утвердил приказы о приношениях¹².

На двадцать седьмом году правления [вана] девять треножников были перенесены в город Шан¹³.

На двадцать девятом году правления ван преставился.

外丙

名勝。

元年乙亥，王即位，居亳，命卿士伊尹。二年，陟。

Вай-бин, по имени Шэн.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *и-хай* (12-й год цикла) и стал жить в Бо. [Ван] повелел быть первым советником И-иню¹⁴.

На втором году правления ван преставился.

仲壬

名庸。

元年丁丑，王即位，居亳，命卿士伊尹。四年，陟。

Чжун-жэнь, по имени Юн.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *дин-чоу* (14-й год цикла) и стал жить в Бо. [Ван] повелел быть первым советником И-иню.

На четвертом году правления ван преставился.

太甲

名至。

元年辛巳，王即位，居亳，命卿士伊尹，伊尹放太甲于桐，乃自立。

約按：伊尹自立，蓋誤以攝政為真爾。

七年，王潛出自桐，殺伊尹，天大霧三日，乃立其子伊陟、伊奮，命復其父之田宅，而中分之。

約按：此文與前後不類，蓋後世所益十年，大饗于太廟。初祀方明。十二年，陟。

Тай-цзя, по имени Чжи.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *синь-сы* (18-й год цикла) и стал жить в Бо. [Ван] повелел быть первым советником И-иню. И-инь сослал Тай-цзя в Тун¹⁵ и воцарился сам.

На седьмом году правления ван тайно бежал из Туна и убил И-иня; в течение трех дней небо было затянуто густым туманом, и тогда [ван] передал должности отца его сыновьям И-чжи и И-фэню, повелел вернуть им поля и строения, которыми владел их отец, и поделить их поровну между ними¹⁶.

На десятом году правления [вана] было устроено большое жертвоприношение в храме императорских предков; впервые были принесены жертвы божествам сторон света.

На двенадцатом году правления ван преставился.

沃丁

名絢。

元年癸巳，王即位，居亳。命卿士咎單。八年，祠保衡。十九年，陟。

Во-дин, по имени Сюань.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *гуй-сы* (30-й год цикла) и стал жить в Бо. [Ван] повелел быть первым советником Дао-шаню.

На восьмом году правления [вана] принес жертву А-хэну¹⁷.

На девятнадцатом году правления ван преставился.

小庚

名辨。

元年壬子，王即位，居亳。五年，陟。

Сяо-гэн, по имени Бянь.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *жэнь-цзы* (49-й год цикла) и стал жить в Бо.

На пятом году правления ван преставился.

小甲

名高。

元年丁巳，王即位，居亳。十七年，陟。

Сяо-цзя, по имени Гао.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *дин-сы* (54-й год цикла) и стал жить в Бо.

На семнадцатом году правления ван преставился.

雍己

名佃。

元年甲戌，王即位，居亳。十二年，陟。

Юн-цзи, по имени Дянь.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *цзя-сюй* (11-й год цикла) и стал жить в Бо.

На двенадцатом году правления ван преставился.

太戊

名密。

元年丙戌，王即位，居亳。命卿士伊陟、臣扈。七年，有桑穀生于朝。十一年，命巫咸禱于山川。二十六年，西戎來賓，王使王孟聘西戎。三十一年，命費侯中衍為車正。三十五年，作寅車。四十六年，大有年。五十八年，城蒲姑。六十一年，東九夷來賓。七十五年，陟。

大戊遇祥桑，側身修行。三年之後，遠方慕明德，重譯而至者七十六國。商道復興，廟為太宗。

Тай-у¹⁸, по имени Ми.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *бинь-сюй* (23-й год цикла) и стал жить в Бо. [Ван] повелел быть первыми советниками И-чжи и Чэнь-ху.

На седьмом году правления [вана] на дворе дворца выросли туювник и злаки¹⁹.

На одиннадцатом году правления [ван] приказал У-сяню совершить жертвоприношения горам и рекам²⁰.

На двадцать шестом году правления [вана] *си-жуны* (западные *жуны*)²¹ прибыли ко двору; ван отправил Ван-мэна послом к *си-жунам* с дарами.

На тридцать первом году правления [ван] повелел Фэйскому *хоу*²² по имени Чжун-янь быть начальником колесниц.

На тридцать пятом году правления [вана] была создана боевая колесница.

На сорок шестом году правления [вана] получили большой урожай.

На пятьдесят восьмом году правления [вана] обнесли стеной [город] Бо-гу²³.

На шестьдесят первом году правления [вана] восточные *изю-и* (девять племен *и*)²⁴ прибыли ко двору.

На семьдесят пятом году правления ван преставился.

Тай-у столкнулся со знаменем туювого дерева, [что побудило его] действовать осмотрительно и совершенствовать свое поведение, так что три года спустя среди прибывших к его двору с двойными переводчиками, не считаясь с расстоянием, насчитывалось уже семьдесят шесть стран. Путь Шан вновь стал развиваться²⁵. [Посмертно] ему дали храмовое имя Тай-цзун (Величайший родоначальник).

仲丁

名莊。

元年辛丑，王即位，自亳遷于囂，于河上。六年，征藍夷。九年，陟。

Чжун-дин, по имени Чжуан.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *синь-чоу* (38-й год цикла), из Бо переехал в Ао²⁶, расположенный над рекой [Хуан-]хэ, [Желтой рекой].

На шестом году правления [ван] пошел карательным походом на племя *лань-и* (синие *и*).

На девятом году правления ван преставился.

外壬

名發。

元年庚戌，王即位，居囂。邳人、姚人叛。十年，陟。

Вай-жэнь, по имени Фа.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *гэн-сюй* (47-й год цикла) и стал жить в Ао. Жители [уделов] Пэй²⁷ и Шэнь²⁸ подняли мятеж.

На десятом году правления ван преставился.

河亶甲

名整。

元年庚申，王即位，自囂遷于相。三年，彭伯克邳。四年，征藍夷。

五年，姚人入于班方。彭伯、韋伯伐班方，姚人來賓。

九年，陟。

Хэ Тань-цзя, по имени Чжэн.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *гэн-шэнь* (57-й год цикла), из Ао переехал в Сян²⁹.

На третьем году правления [вана] Пэнский³⁰ *бо*³¹ одержал победу над Пэй.

На четвертом году правления [ван] пошел карательным походом на *лань-и*.

На пятом году правления [вана] жители Шэнь вторглись на территорию племени Бань; Пэнский *бо* и Вэйский³² *бо* пошли карательным походом на племя Бань³³; жители Шэнь прибыли ко двору.

На девятом году правления ван преставился.

祖乙

名滕。

元年己巳，王即位，自相遷于耿，命彭伯、韋伯。二年，圮于耿，自耿遷于庇。三年，命卿士巫賢。八年，城庇。十五年，命邠侯高圉。十九年，陟。

祖乙之世，商道復興，廟為中宗。

Цзу-и, по имени Тэн.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *цзи-сы* (6-й год цикла), из Сян переехал в Гэн³⁴. [Ван] подтвердил назначения Пэйского и Вэйского *бо*.

На втором году правления [вана] Гэн подверглось разрушению; [ван] переехал в Би³⁵.

На третьем году правления [ван] повелел быть первым советником У-сяню³⁶.

На восьмом году правления [вана] обнесли стеной [город] Би.

На пятнадцатом году правления [ван] повелел Гао-юю³⁷ стать Биньским³⁸ *хоу*.

На девятнадцатом году правления ван преставился.

При Цзу-и путь Шан вновь стал развиваться³⁹. [Посмертно] ему дали храмовое имя Чжун-цзун (Второй родоначальник).

祖辛

名旦。

元年壬寅，王即位，居庇。五年，陟。

Цзу-синь, по имени Дань.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *у-цзы* (25-й год цикла) и стал жить в Би.

На четырнадцатом году правления ван преставился.

關甲

名踰。

元年壬寅，王即位，居庇。五年，陟。

Кай-цзя, по имени Юй.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *жэнь-инь* (39-й год цикла) и стал жить в Би.

На пятом году правления ван преставился.

祖丁

名新。

元年丁未, 王即位, 居庇。九年, 陟。

Цзу-дин, по имени Синь.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *дин-вэй* (44-й год цикла) и стал жить в Би.

На девятом году правления ван преставился.

南庚

名更。

元年丙辰, 王即位, 居庇。三年, 遷于奄。六年, 陟。

Нань-гэн, по имени Юй.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *бин-чэнь* (53-й год цикла) и стал жить в Би.

На третьем году правления [ван] из Би переехал в Янь⁴⁰.

На шестом году правления ван преставился.

陽甲

名和一名和甲。

元年壬戌, 王即位, 居奄。三年, 西征丹山戎。四年, 陟。

Ян-цзя, по имени Хэ.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *жэнь-сюй* (59-й год цикла) и стал жить в Янь.

На третьем году правления [ван] пошел карательным походом на запад на Данышаньских *жунов* (*жунов*, живущих на горе Дань)⁴¹.

На четвертом году правления ван преставился.

盤庚

名旬。

元年丙寅，王即位，居奄。七年，應侯來朝。十四年，自奄遷于北蒙，曰殷。十五年，營殷邑。十九年，命邠侯亞圉。二十八年，陟。

Пань-гэн, по имени Сюнь.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *бинь-инь* (3-й год цикла) и стал жить в Янь.

На седьмом году правления [вана] Инский⁴² *хоу* прибыл ко двору.

На четырнадцатом году правления [ван] из Янь переехал в местность Бэй-мэн (Северный Мэн), называемую Инь⁴³.

На пятнадцатом году правления [ван] занялся строительством города Инь.

На девятнадцатом году правления [ван] назначил Я-юя⁴⁴ Биньским *хоу*.

На двадцать восьмом году правления ван преставился.

小辛

名頌。

元年甲午，王即位，居殷。三年，陟。

Сяо-синь, по имени Сун.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *цзя-у* (31-й год цикла) и стал жить в Инь.

На третьем году правления ван преставился.

小乙

名斂。

元年丁酉，王即位，居殷。六年，命世子武丁居于河，學于甘盤。十年，陟。

Сяо-и, по имени Лянь.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *дин-ю* (34-й год цикла) и стал жить в Инь.

На шестом году правления [ван] повелел [своему] наследнику У-дину поселиться в Хэ и обучаться у Гань-пана.

На десятом году правления ван преставился.

武丁

元年丁未, 王即位, 居殷, 命卿士甘盤。三年, 夢求傅說, 得之。六年, 命卿士傅說, 視學養老。十二年, 報祀上甲微。二十五年, 王子孝己卒于野。二十九年, 彤祭太廟, 有雉來。三十二年, 伐鬼方, 次于荆。三十四年, 王師克鬼方, 氐、羌來賓。四十三年, 王師滅大彭。五十年, 征豕韋, 克之。五十九年, 陟。

王, 殷之大仁也。力行王道, 不敢荒寧, 嘉靖殷邦, 至于小大, 無時或怨。是時輿地東不過江黃, 西不過氐、羌, 南不過荆蠻, 北不過朔方, 而頌聲作。禮廢而復起, 廟號高宗。

У-дин, по имени Чжао.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *дин-вэй* (44-й год цикла) и стал жить в Инь. [Ван] повелел быть первым советником Гань-пану.

На третьем году правления [ван] увидел во сне, что разыскивает Фу Юэ, и [вскоре в действительности] нашел его⁴⁵.

На шестом году правления [ван] повелел быть первым советником Фу Юэ и [поручил ему] контроль над обучением и заботу о стариках⁴⁶.

На двенадцатом году правления [ван совершил] благодарственное жертвоприношение предку Шан-цзя Вэю⁴⁷.

На двадцать пятом году правления [вана] царевич⁴⁸ Сяо-цзи умер в поле.

На двадцать девятом году правления [вана] во время дополнительного жертвоприношения в храме царских предков прилетел фазан⁴⁹.

На тридцать втором году правления [ван] пошел карательным походом на племя *гуй*⁵⁰, дошел до Цзинь.

На тридцать четвертом году правления [ван] усмирил племя *гуй*. Племена *ди* и *цян* прибыли ко двору.

На сорок третьем году правления [вана] армия вана разгромила Да Пэн⁵¹ (Великое Пэн).

На пятидесятом году правления [ван] пошел карательным походом на Шивэй⁵² и покорил его.

На пятьдесят девятом году правления ван преставился.

[У-дин] правил [шан-]иньцами великодушно и человеколюбиво, всеми силами осуществлял путь правителя и не осмеливался пребывать в праздности. Внутренней гармоничностью [своего правления ван] умиротворил государство, [ее воздействие] достигло каждого, без различия великого и малого; никто никогда не роптал против него. В то время [границы] земель [под управлением вана] [были таковы]: на востоке не переходили далее рек [Чан-]цзян (Янцзы) и [Хуан-]хэ (Желтая река); на западе не переходили [за земли] *ди* и *цянов*; на юге не переходили [за земли] *цзин* и *мань*; на севере не переходили земель северной окраины; и повсюду [в этих пределах] расхваливали [вана]. [Ранее] добропорядочность была в упадке, а [при У-дине] вновь поднялась на прежнюю высоту. [Посмертно] ему дали храмовое имя Гао-цзун (Высокий предок).

祖庚

名曜。

元年丙午，王即位，居殷，作《高宗之訓》。十一年，陟。

Цзу-гэн, по имени Яо.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *бин-у* (43-й год цикла) и стал жить в Инь. [Ван] составил Наставление Гао-цзуна⁵³.

На одиннадцатом году правления ван преставился.

祖甲

名載。

元年丁巳，王即位，居殷。十二年，征西戎，冬，王返自西戎。十三年，西戎來賓，命邠侯組紂。二十四年，重作湯刑。二十七年，命王子囂、王子良。三十三年，陟。

王舊在野，及即位，知小人之依，能保惠庶民，不侮鰥寡。

Цзу-цзя, по имени Цзай.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *дин-сы* (54-й год цикла) и стал жить в Инь.

На двенадцатом году правления [ван] пошел карательным походом на *си-жунов* (западных *жунов*); зимой *ван* вернулся [из земель] *си-жунов*.

На тринадцатом году правления [вана] *си-жуны* прибыли ко двору. [Ван] повелел Цзу-ганю⁵⁴ стать Биньским *хоу*.

На двадцать четвертом году правления [ван] восстановил законы [Чэн-]тана.

На двадцать седьмом году правления [ван] отдал приказы царевичам⁵⁵ Ао и Ляну.

На тридцать третьем году правления ван преставился.

Ван прежде [до воцарения] жил в деревне, и, взойдя на престол, он знал нужды простого народа, поэтому мог защищать и опекать простоллюдинов и не давал в обиду одиноких людей. Но ко времени конца [своего правления] он стал множить наказания и тем отдалился от подданных. [При нем] путь Шан вновь пришел в упадок.

馮辛

元年庚寅，王即位，居殷。四年，陟。

Линь-синь, по имени Сянь.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *гэн-инь* (27-й год цикла) и стал жить в Инь.

На четвертом году правления ван преставился.

庚丁

名囂。

元年甲午，王即位，居殷。八年，陟。

Гэн-дин, по имени Ао.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *цзя-у* (31-й год цикла) и стал жить в Инь.

На восьмом году правления ван преставился.

武乙

名瞿。

元年壬寅，王即位，居殷，邠遷于岐周。三年，自殷遷于河北。命周公奭父，賜以岐邑。十五年，自河北遷于沫。二十一年，周公奭父薨。二十四年，周師伐程，戰于畢，克之。三十年，周師伐義渠，乃獲其君以歸。

三十四年，周公季歷來朝，王賜地三十里，玉十穀，馬十匹。

三十五年，周公季歷伐西落鬼戎。王畋于河、渭，大雷震死。

У-и, по имени Цюй.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *жэнь-инь* (39-й год цикла) и стал жить в Инь. [Жители удела] Бинь⁵⁶ переселились в Ци-чжоу⁵⁷.

На третьем году правления [ван] переселился из Инь в Хэ-бэй (местность к северу от реки [Хуан]-хэ). [Ван] повелел Дань-фу⁵⁸ стать Чжоуским *гуном*⁵⁹, и подарил ему город Ци⁶⁰.

На пятнадцатом году правления [ван] переселился из Хэ-бэя в Мэй⁶¹.

На двадцать первом году правления [вана] скончался Чжоуский *гун* Дань-фу.

На двадцать четвертом году правления [вана] чжоуская армия атаковала Чэн⁶²; битва произошла в [местности] Би⁶³, и [Чэн] покорилось.

На тридцатом году правления [вана] чжоуская армия атаковала [племя] *ицзюй*⁶⁴, захватила в плен его правителя и затем вернулась.

На тридцать четвертом году правления [вана] Чжоуский *гун* Цзи-ли⁶⁵ прибыл ко двору; ван одарил [его] 30 ли земли, 10 парными нефритовыми предметами *цзюэ* и 10 лошадьми.

На тридцать пятом году правления [вана] Чжоуский гун Цзи-ли пошел карательным походом на племя *гуй-жунов*, [проживающих в местности] Си-ло⁶⁶; взял в плен 20 правителей⁶⁷ племен *ди*.

Ван охотился между реками [Хуан]-хэ и Вэй[-хэ], разразилась сильная гроза, и он скончался.

文丁

《史記》作太丁，非。名托。

元年丁丑，王即位，居殷。二年，周公季歷伐燕京之戎，敗績。三年，洹水一日三絕。四年，周公季歷伐余無之戎，克之，命為牧師。五年，周作程邑。七年，周公季歷伐始呼之戎，克之。十一年，周公季歷伐翳徒之戎，獲其三大夫，來獻捷，王殺季歷。

王嘉季歷之功，錫之圭瓚、秬鬯，九命為伯，既而執諸塞庫。季歷困而死，因謂文丁殺季歷。

十二年，有鳳集于岐山。

十三年，陟。

Вэнь-дин, по имени То.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *дин-чоу* (14-й год цикла) и стал жить в Инь.

На втором году правления [вана] Чжоуский гун Цзи-ли пошел карательным походом на *жунов*, [проживающих в местности] Яньцзин⁶⁸ и потерпел сокрушительное поражение.

На третьем году правления [вана] вода в реке Хуаньшуй в течение одного дня три раза останавливалась⁶⁹.

На четвертом году правления [вана] Чжоуский гун Цзи-ли пошел карательным походом на *жунов*, [проживающих в местности] Юйю⁷⁰, и покорил их. [Ван] повелел [ему] стать главным конюшим⁷¹.

На пятом году правления [вана] чжоусцами был построен город Чэн⁷².

На седьмом году правления [вана] Чжоуский гун Цзи-ли пошел карательным походом на *жунов*, [проживающих в местности] Шиху⁷³, и покорил их.

На одиннадцатом году правления [вана] Чжоуский *гун* Цзи-ли пошел карательным походом на *жунов*, [проживающих в местности] Иту⁷⁴, захватил в плен 3 правителей⁷⁵, и прибыл ко двору, чтобы донести о победе и преподнести захваченное; ван убил Цзи-ли.

Ван одобрил достижения Цзи-ли, одарил его нефритовым ковшом *гуй-цань*⁷⁶ и жертвенным вином и отдал девятый приказ, сделавший [Цзи-ли] *бо*⁷⁷. [Однако] вскоре [ван] заключил [Цзи-ли] в амбар в приграничной области, где Цзи-ли от невзгод и скончался; поэтому и говорят, что Вэнь-дин убил Цзи-ли.

На двенадцатом году правления [вана] фениксы собрались стаями в Цишани (горах Ци)⁷⁸.

На тринадцатом году правления ван преставился.

帝乙

名羨。

元年庚寅，王即位，居殷。三年，王命南仲，西拒昆夷，城朔方。夏六月，周地震。九年，陟。

Ди-и, по имени Сянь.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *гэн-инь* (27-й год цикла) и стал жить в Инь.

На третьем году правления ван приказал Нань-чжуну дать отпор племенам *кунь-и* на западе⁷⁹ и построить стену на севере⁸⁰; летом, в шестом месяце, в Чжоу произошло землетрясение.

На девятом году правления ван преставился.

帝辛

名受。即紂也，曰受辛。

元年己亥，王即位，居殷，命九侯、周侯、邳侯。

周侯為西伯昌。

三年，有雀生鷀。四年，大蒐于黎。作炮烙之刑。五年夏，築南單之臺。雨土于亳。

六年，西伯初禴于畢。九年，王師伐有蘇，獲妣己以歸。作瓊室，立玉門。十年夏六月，王畋于西郊。十七年，西伯伐翟。冬，王游于淇。二十一年春正月，諸侯朝周。伯夷、叔齊自孤竹歸于周。二十二年冬，大蒐于渭。二十三年，囚西伯于羑里。

二十九年，釋西伯，諸侯逆西伯，歸于程。三十年春三月，西伯率諸侯入貢。三十一年，西伯治兵于畢，得呂尚以為師。三十二年，五星聚于房。有赤鳥集于周社。密人侵阮，西伯帥師伐密。三十三年，密人降于周師，遂遷于程。王錫命西伯，得專征伐。

約按：文王受命九年，大統未集，蓋得專征伐，受命自此年始。

三十四年，周師取耆及邶，遂伐崇，崇人降。冬十二月，昆夷侵周。三十五年，周大饑，西伯自程遷于豐。三十六年春正月，諸侯朝于周，遂伐昆夷。西伯使世子發營鎬。三十七年，周作辟雍。三十九年，大夫辛甲出奔周。四十年，周作靈臺。王使膠鬲求玉于周。四十一年春三月，西伯昌薨。

周文王葬畢，畢西于豐三十里。

四十二年，（周武王元年。）西伯發受丹書于呂尚。有女子化為丈夫。四十三年春，大閱。嶢山崩。

四十四年，西伯發伐黎。四十七年，內史向摯出奔周。四十八年，夷羊見。五十一年冬十一月戊子，周師渡盟津而還。王囚箕子，殺王子比干，微子出奔。五十二年庚寅，周始伐殷。秋，周師次于鮮原。冬十有二月，周師有事于上帝。庸、蜀、羌、髳、微、盧、彭、濮從周師伐殷。

湯滅夏以至於受，二十九王，用歲四百九十六年。

Ди-синь, по имени Чжоу.

Вступил на престол [в год под циклическим знаком] *цзи-хай* (36-й год цикла) и стал жить в Инь. [Ван] подтвердил назначения девяти [правителей уделов в ранге] *хоу*, Чжоуского *хоу* и Ханьского⁸¹ *хоу*.

На третьем году правления [вана] от воробья родился ястреб⁸².

На четвертом году правления [вана][в местности] Ли⁸³ была проведена великая охота. [Ваном] была введена казнь через сожжение заживо⁸⁴.

На пятом году правления [вана] построили башню Нань-дань⁸⁵; в Бо шел дождь из комьев земли⁸⁶.

На шестом году правления [вана] Си-бо⁸⁷ впервые осуществил жертвоприношение юэ царственному предку в Би⁸⁸.

На девятом году правления [вана] армия вана пошла карательным походом в Юсу и, захватив Да-ци⁸⁹, вернулась. Были построены палаты, украшенные яшмой, с нефритовыми воротами.

На десятом году правления [вана] летом, в шестом месяце, ван охотился в западном предместье.

На семнадцатом году правления [вана] Си-бо пошел карательным походом на племя *ди*. Зимой ван поехал в путешествие в Ци.

На двадцать первом году правления [вана] весной, в первом месяце, *чжухоу* прибыли к Чжоускому двору⁹⁰. Бо-и и Шу-ци вышли из Гучжу и прибыли в Чжоу⁹¹.

На двадцать втором году правления [вана] зимой [в местности] Вэй⁹² была проведена великая охота.

На двадцать третьем году правления [ван] заключил Си-бо в тюрьму в Юли.

На двадцать девятом году правления [ван] освободил Си-бо; *чжухоу* встретили его по пути и проводили в Чэн⁹³.

На тридцатом году правления [вана] весной, в третьем месяце, Си-бо, возглавив всех *чжухоу*, внес [в казну вана] дань.

На тридцать первом году правления [вана] Си-бо собрал армию в Би⁹⁴ и взял Люй-шана⁹⁵ в качестве наставника для организации армии.

На тридцать втором году правления [вана] пять планет собрались в созвездии Фан. Группа красных птиц опустилась на чжоуский Алтарь Земли⁹⁶. Жители Ми⁹⁷ захватили Жуань⁹⁸, и Си-бо повел войско карательным походом на Ми.

На тридцать третьем году правления [вана] жители Ми сдались чжоуской армии и были переселены в Чэн. Ван одарил Си-бо приказом, дающим ему право самостоятельно совершать карательные походы⁹⁹.

На тридцать четвертом году правления [вана] чжоуская армия захватила Ци и Хань; и пошла карательным походом на Чун, жители Чун [вскоре] сдались. Зимой, в двенадцатом месяце, племена *кунь-и* атаковали Чжоу.

На тридцать пятом году правления [вана] в Чжоу был сильный неурожай, и Си-бо из Чэн переехал в Фэн¹⁰⁰.

На тридцать шестом году правления [вана] весной, в первом месяце, *чжухоу* прибыли к чжоускому двору и пошли карательным походом на *кунь-и*. Си-бо послал наследника Фа¹⁰¹ построить Хао.

На тридцать седьмом году правления [вана] в Чжоу была организована школа Би-юн¹⁰².

На тридцать девятом году правления [вана] *дафу*¹⁰³ Синь-цзя бежал в Чжоу¹⁰⁴.

На сороковом году правления [вана] в Чжоу соорудили Лин-тай¹⁰⁵; ван послал Цзяо-гэ в Чжоу за яшмой¹⁰⁶.

На сорок первом году правления [вана] весной, в третьем месяце, скончался Си-бо [по имени] Чан.

На сорок втором году правления [вана] Си-бо [по имени] Фа получил грамоту на владение у Лю-шана¹⁰⁷. Одна женщина превратилась в мужчину¹⁰⁸.

На сорок третьем году правления [вана] весной был проведен большой смотр войск. Обрушилась гора Яо-шань¹⁰⁹.

На сорок четвертом году правления [вана] Си-бо Фа пошел карательным походом на Ли.

На сорок седьмом году правления [вана] *нэй-ши*¹¹⁰ по имени Сян-чжи бежал в Чжоу.

На сорок восьмом году правления [вана] появился *и-ян*¹¹¹; два солнца взошли вместе [на небо]¹¹².

На пятьдесят первом году правления [вана] зимой, в одиннадцатом месяце, [в день под циклическим знаком] *у-цзы* чжоуская армия по броду Мэнцзинь¹¹³ переправилась [через Хуан-хэ], но затем возвратилась. Ван заключил в тюрьму Цзи-цзы¹¹⁴ и убил царевича Би-ганя¹¹⁵. Вэй-цзы¹¹⁶ бежал.

На пятьдесят втором году правления [вана] [в год под циклическим знаком] *гэн-инь* (27-й год цикла) Чжоу начало карательный поход на Инь. Осенью чжоуская армия достигла равнины [у горы] Сянь. Зимой, в двенадцатом месяце, в чжоуской

армии совершили жертвоприношение [Верховному божеству] Шан-ди¹¹⁷. [Армии] Юн, Шу, Цян, Мао, Вэй, Лу, Пэн, Пу¹¹⁸ следовали за Чжоускими войсками в карательном походе на Инь.

Начиная со времени уничтожения Чэн-таном [династии] Ся и до [последнего шанского правителя по имени] Чжоу царствовало двадцать девять ванов и прошло четыреста девяносто шесть лет.

¹ Годы правления династии Шан-Инь согласно традиционной хронологии: 1766–1122 гг. до н.э.

² Иероглифы, представляющие собой имена правителей, чаще всего имеют смысловые характеристики, но их перевод весьма сложен, поскольку непонятно, какое значение имеют или иной знак в то время. В данной работе эти имена оставлены без перевода.

³ Имеется в виду, что на восемнадцатом году правления Чэн-тана как главы племени Шан он низвергнул власть предыдущей династии Ся и стал верховным правителем всей страны. Династия Ся относится к полуполюбопытному периоду истории Китая, поскольку до сих пор существование ее не подтверждено археологически. Время правления согласно традиционной хронологии: XXI–XVI вв. до н.э.

⁴ В Древнем Китае существовало два набора, или цикла, знаков, расположенных в определенной последовательности и использовавшихся для обозначения времени – лет и дней. В первом цикле – десять знаков, во втором – 12; первый знак первого цикла сочетается с первым знаком второго цикла, второй – со вторым и т.д. Поскольку четные знаки сочетаются только с четными, а нечетные с нечетными, в совокупности получается 60 сочетаний [Крюков М.В., Хуан Шу-ин, 1978, с. 17–18].

⁵ Возможно, существовало несколько поселений с названием Бо, что затрудняет определение точного местонахождения столицы Чэн-тана [Сыма Цянь, 1997, т. 1, с. 62, коммент. 2]. Традиционно столицу Чэн-тана локализуют в уезде Цаосянь провинции Шаньдун.

⁶ В Ши-цзи говорится только о попытке Чэн-тана перенести Алтарь земли династии Ся, закончившейся неудачей [Сыма Цянь, 1997, т. 1, с. 65; Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 169].

⁷ Племена *цянов* и *ди* жили на западе, на территории современной провинции Ганьсу.

⁸ Прибытие ко двору – лично или при помощи послов – служило выражением покорности правящей династии.

⁹ Такое выражение скорби по случаю кончины последнего правителя низвергнутой династии Ся демонстрировало высокие моральные ка-

чества Чэн-тана. Много позже конфуцианцы выказывали предпочтение подобному поведению, говоря о превосходстве Пути Шан перед Путем Чжоу (при ниспровержении династии Шан ее последний правитель погиб).

¹⁰ Крайне сомнительное сообщение, поскольку до сих пор не найдено достоверных свидетельств, подтверждающих существование товарно-денежных отношений при династии Шан-Инь.

¹¹ Вариант перевода: молился Божеству дождя.

¹² Вариант перевода: утвердил приказ о жертвоприношениях.

¹³ Девять треножников, по легенде отлитые Великим Юем, основателем династии Ся, обозначали девять областей, на которые он разделил Китай. Эти треножники символизировали верховную власть в государстве, поэтому их перенос символизировал окончательное утверждение власти династии Шан.

¹⁴ И-инь – историческая личность, помощник Чэн-тана в ниспровержении власти династии Ся, мудрый сановник [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 167; с. 284, примеч. 19].

¹⁵ Тун располагалось к юго-востоку от Бо.

¹⁶ Эпизод с узурпацией власти И-инем приводится во многих источниках, но в некоторых из них сообщается, что И-инь сам вернул власть вану Тай-цзя. В любом случае этот государственный деятель почитался как при династии Шан-Инь (в его честь совершались жертвоприношения), так и при последующих династиях.

¹⁷ Бао-хэн, иначе А-хэн – посмертное имя И-иня [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 167].

¹⁸ Вариант чтения имени – Тай-моу.

¹⁹ По другим версиям, выросло два дерева шелковицы [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 171].

²⁰ Вариант перевода: приказал всем шаманам совершить жертвоприношение.

²¹ *Жуны* – племена, жившие на севере и северо-западе территории современных провинций Шаньси и Хэбэй.

²² *Хоу* – один из рангов правителей в Древнем Китае.

²³ Богу находилось в уезде Босин современной провинции Шаньдун.

²⁴ Племена *и* жили на юго-востоке относительно центра шан-иньских земель, на границе современных провинций Аньхой и Цзянсу.

²⁵ Т.е. действия правителя вновь пришли в соответствие с верховной волей Неба, что привело к расцвету государства.

²⁶ Ао располагалось в уезде Синьцзэ провинции Хэнань, поблизости от города Чжэньжоу.

²⁷ Пэй находилось на территории современного уезда Тэнсянь провинции Шаньдун.

²⁸ Шэнь находилось в современном уезде Цаосянь провинции Шаньдун.

²⁹ Сянь находилось на юо-востоке современного уезда Нэйхуан провинции Хэнань.

³⁰ Пэн занимало территорию на севере современной провинции Цзянсу.

³¹ *Бо* – один из рангов правителей в Древнем Китае.

³² Расположение Вэй неясно.

³³ Присутствует некоторая нелогичность – бунтовщики вторглись на территорию племени *бань*, и его же идут карать. Возможно, что племена либо сговорились заранее об инсценировке вторжения, либо уже после вторжения племя *бань* оказалось вынужденным примкнуть к бунтовщикам.

³⁴ Гэн находился в уезде Цзисянь провинции Шаньси.

³⁵ Би располагалось недалеко от гор Ляншань на территории современной провинции Шаньдун.

³⁶ Об этом историческом деятеле см. [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 167; с. 291, коммент. 73].

³⁷ Гао-юй, сын Гун-фэя, прадед Гу-гуна Дань-фу, т.е. предок чжоуского правящего дома.

³⁸ Бинь располагалось в современном уезде Сюньсянь провинции Шэньси.

³⁹ См. примеч. 25.

⁴⁰ Янь располагалось на территории современного города Цюфу провинции Шаньдун.

⁴¹ Местонахождение гор Даньшань не ясно.

⁴² Ин располагалось на территории современной провинции Хэнань.

⁴³ Инь располагалось в окрестностях современного Аньяна в провинции Хэнань. По названию последней столицы династии Шан также называют Шан-Инь.

⁴⁴ Я-юй, сын Гао-юя, дед Гу-гуна Дань-фу.

⁴⁵ Историю о поисках Фу Юэ см. [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 173; с. 293, коммент. 84].

⁴⁶ В последнее понятие входит прежде всего различного рода чувствование людей, достигших преклонного возраста.

⁴⁷ Шан-цзя Вэй, предок шанского правящего дома.

⁴⁸ В оригинале – сын *вана*; см. хрон. табл.

⁴⁹ Эта примета послужила значением, что вновь происходит отклонение от воли Неба. Подробнее то, как истолковали это знамение, см. 47-ю главу *Шан-шу*.

⁵⁰ Племена *гуй-фан* располагались далеко на севере, на северных границах современной провинции Хэбэй.

⁵¹ Великое Пэн, видимо, находилось на территории пров. Хубэй между реками Хань и Янцзы.

⁵² Шивэй располагалось на территории современного уезда Хуасянь провинции Хэнань.

- ⁵³ 47-я глава *Шан-шу*, также см. [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 174].
- ⁵⁴ Цзу-гань, скорее всего, соответствует Гун-шу Цзу-лэю, сын Я-юя и отец Гу-гун Дань-фу.
- ⁵⁵ В оригинале – сыновьям *вана*.
- ⁵⁶ Бинь располагалось в современном уезде Сюньсянь провинции Шэньси.
- ⁵⁷ Горы Цишань расположены на западе провинции Шэньси, чуть выше р. Вэйхэ.
- ⁵⁸ Гу-гун Дан-фу, годы правления согласно традиции – 1327–1231 гг. до н.э.
- ⁵⁹ *Гун* – один из рангов правителей в Древнем Китае.
- ⁶⁰ То есть город, названный по местности Цишань, где он находился.
- ⁶¹ Мэй располагался в уезде Цисянь провинции Хэнань, неподалеку от Муе.
- ⁶² Чэн располагался в провинции Шэньси, неподалеку от места впадения реки Цзинхэ в реку Вэйхэ.
- ⁶³ Би располагалось юго-западнее Чэн.
- ⁶⁴ Одно из племен западных жунов на территории современной провинции Ганьсу.
- ⁶⁵ Цзи-ли, сын Гу-гун Дань-фу, годы правления согласно традиции – 1231–1185 гг. до н.э.
- ⁶⁶ Местность Си-ло располагалась на северном участке границы современных провинций Шаньси и Шэньси.
- ⁶⁷ В оригинале – *ванов*.
- ⁶⁸ Местность Яньцзин располагалась восточнее Си-ло, неподалеку от современного города Тайюань провинции Шаньси.
- ⁶⁹ Река Хуань протекала через последнюю столицу династии Шан, город Инь, т.е. это было крайне неблагоприятное знамение, предвещающее несчастье правящей династии.
- ⁷⁰ Местность Юйу располагалась в восточной части современной провинции Шаньси
- ⁷¹ Высокая должность, поскольку имела непосредственное отношение к безопасности правителя.
- ⁷² См. коммент. 62.
- ⁷³ Месторасположение Шиху не ясно.
- ⁷⁴ Местность Иту располагается на северной границе современных провинций Шаньси и Хэбэй.
- ⁷⁵ В оригинале – *дафу*.
- ⁷⁶ Нефритовый ковшик для жертвенного вина с ручкой в форме жезла *зуй*.
- ⁷⁷ Согласно системе девяти чиновничьих титулов, описанной в разделе *Да-цзун бо* (Великий церемониймейстер) главы *Чунь-гуан цзун-бо* (Министр церемоний и этикета Весеннего дворца) трактата *Чжоу ли* (Чжоу-

ские ритуалы), руководитель девятого приказа становился обладателем титула *бо* как главы всех *чжухоу*. Относительно правомерности подобной терминологии при династии Шан можно сомневаться, но основной смысл данного сообщения о том, что Цзи-ли сначала наградили и повысили в ранге, а затем сгноили в тюрьме, видимо, соответствует действительности.

⁷⁸ Знак благоволения Неба чжоусцам, поскольку длительное время они проживали близ этих гор.

⁷⁹ Где располагались племена *кунь-и*, не ясно.

⁸⁰ Возможно, имеется в виду сооружение стены-прототипа Великой Китайской стены, использовавшейся как защита от варваров.

⁸¹ Расположение удела Хань не ясно.

⁸² То есть слабое создание породило нечто грозное; намек на грядущее перерождение Чжоу, неблагоприятный знак для дома Шан.

⁸³ Существовало две местности с одинаковым названием; в данном случае, видимо, имеется в виду Ли, располагавшееся недалеко от Би, бывшего некогда столицей Шан, на территории современной провинции Шаньдун.

⁸⁴ Одним из основных обвинений, предъявляемых последнему Шан-Иньскому правителю, была бессмысленная жестокость в отношении подданных; данная запись вполне соответствует подобному образу.

⁸⁵ Башня – или смотровая площадка – с таким названием служила для астрономических наблюдений.

⁸⁶ Бо – место, где долгое время находилась столица шанцев, так что подобный знак также предвещает несчастье их династии.

⁸⁷ Си-бо, по имени Чан, храмовое имя Вэнь-ван, сын Гун-ци, годы правления согласно традиционной хронологии – 1185–1135 гг. до н.э.

⁸⁸ Там был погребен отец Си-бо, Цзи-ли. Поскольку он не был верховным правителем, подобные почести были нарушением прав династии Шан-Инь.

⁸⁹ Да-ци, одна из жен последнего шанского правителя. Традиция приписывает ей крайне негативную роль в качестве одной из подстрекательниц Ди-синя на жестокие действия [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 175].

⁹⁰ Подобное поведение однозначно говорило о нарушении субординации и об их оппозиции правящей династии.

⁹¹ История про Бо-и и Шу-ци в дальнейшем стала одним из образцов конфуцианской морали. Бо-и был старшим сыном правителя удела Гу-чжу, но отец завещал передать власть его младшему брату Шу-ци. По смерти отца ни один из братьев не согласился наследовать власть, поскольку старший в таком случае нарушил бы волю покойного отца, а младший – правило старшинства.

⁹² Местность Вэй называлась по реке Вэйшуй и располагалась далеко на западе, в провинции Шэньси.

⁹³ Более подробное описание этого события и роль *чжухоу* в нем см. [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 182].

⁹⁴ Местность Би располагалась чуть северо-восточнее Чэн, на территории современной провинции Шэньси.

⁹⁵ Другое имя Люй-шана – Тай-гун Ван. О его роли в деле утверждения власти дома Чжоу см. [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 309, примеч. 39, 46].

⁹⁶ Красный цвет – цвет дома Чжоу, т.е. это знамение говорит о благоволении Неба чжоусцам.

⁹⁷ Ми располагалось северо-западнее Чжоу, на территории современной провинции Ганьсу.

⁹⁸ Жуань располагалось северо-западнее Чжоу, на территории современной провинции Ганьсу.

⁹⁹ Согласно системе девяти чиновничьих титулов (см. примеч. 77) это соответствовало присвоению восьмого титула. Его обладатель имел право совершать карательные походы, не дожидаясь приказа от шан-иньского *вана* (этот же сюжет описан в Исторических записках, см. [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 176, 182]).

¹⁰⁰ Фэн располагалось южнее Вэй-хэ, неподалеку от современной Сиани в провинции Шэньси.

¹⁰¹ Будущий У-ван.

¹⁰² Так называлась центральная школа для детей императорской фамилии и высших сановников в столице; таким образом, подобный акт был прямым нарушением прав шан-иньского *вана*.

¹⁰³ Один из высших титулов в чиновничьей иерархии.

¹⁰⁴ Опасаясь возможных действий со стороны Ди-синя, советником которого он был.

¹⁰⁵ Для астрономических наблюдений. Астрономия играла важное место в жизни древних китайцев, поскольку на основе движения светил создавался календарь-руководство сельскохозяйственными работами в стране.

¹⁰⁶ Скорее всего, имеется в виду какой-то особенно красивый экземпляр.

¹⁰⁷ Люй-шан – приближенный Вэнь-вана (который в данном тексте именуется Си-бо Чаном). Грамоту на владение, по легенде, принесли красные птицы, прилетевшие на чжоуский Алтарь Земли (см. запись о 32-м годе правления Ди-синя).

¹⁰⁸ Неблагоприятный знак, предвещающий несчастье правящей династии.

¹⁰⁹ Неблагоприятный знак, предвещающий несчастье правящей династии.

¹¹⁰ Один из высших титулов в чиновничьей иерархии.

¹¹¹ Мифическое животное; его появление – плохой признак для династии Шан-Инь.

¹¹² Как в небе обычно не появляется два солнца, так и на земле не бывает двух верховных правителей; это можно трактовать как появление нового властителя на смену нынешнему.

¹¹³ Брод Мэнцзинь располагался в современном уезде Мэнсянь провинции Хэнань.

¹¹⁴ Цзи-цзы – старший дядя Ди-синя, был в ранге *тай-ши* (великого наставника).

¹¹⁵ Би-гань – младший дядя Ди-синя (см. [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 176–177, 184; с. 297, примеч. 113]).

¹¹⁶ Вэй-цзы – сводный брат Ди-синя (см. [Сыма Цянь, 2001, т. 1, с. 175]).

¹¹⁷ Шан-ди – верховное божество шан-иньцев, и принесение ему жертв перед походом против них кажется странным; но китайцы практически никогда не пренебрегали чужими божествами. Так, и позднее, после завоевания Инь чжоусцы упоминают Шан-ди в надписях на сосудах для жертвоприношений.

¹¹⁸ Приведены названия союзных Чжоу племен некитайских народностей. Юн, Лу, Пэн и Пу занимали территории между реками Хань и Янцзы: Юн, Лу и Пэн находились в современной провинции Хубэй, Пу – в Сычуани; Шу располагалось в Сычуани; племена *цянов* занимали северо-восток Ганьсу и примыкающие территории Шэньси; Мао располагалось на границе Хэнани и Шаньси, по течению Хуанхэ; Вэй располагалось в Шэньси, западнее Чжоу (см. [Сыма Цянь, 1997, т. 1, с. 83–84]).

Библиография

Источники

- Лян Сьюн* 梁思永, *Гао Цюсюнь* 高去尋. Хоуцзячжуан, 1001 хао даму 侯家庄, 1001 號大墓 (Хоуцзячжуан, могила № 1001). Тайбэй, 1962.
- Лян Сьюн* 梁思永, *Гао Цюсюнь* 高去尋. Хоуцзячжуан, 1002 хао даму 侯家庄, 1002 號大墓 (Хоуцзячжуан, могила № 1002). Тайбэй, 1965.
- Лян Сьюн* 梁思永, *Гао Цюсюнь* 高去尋. Хоуцзячжуан. 1003 хао да му 侯家庄, 1003 號大墓 (Хоуцзячжуан, могила № 1003). Тайбэй, 1967.
- Лян Сьюн* 梁思永, *Гао Цюсюнь* 高去尋. Хоуцзячжуан. 1004 хао да му 侯家庄, 1004 號大墓 (Хоуцзячжуан, могила № 1004). Тайбэй, 1970.
- Лян Сьюн* 梁思永, *Гао Цюсюнь* 高去尋. Хоуцзячжуан. 1217 хао да му 侯家庄, 1217 號大墓 (Хоуцзячжуан, могила № 1217). Тайбэй, 1968.
- Лян Сьюн* 梁思永, *Гао Цюсюнь* 高去尋. Хоуцзячжуан ди ци бэнь. 1500 хао да му 侯家莊第七本. 1500 號大墓 (Хоуцзячжуан, седьмая серия. Могила № 1500). Тайбэй, 1974.
- Лян Сьюн* 梁思永, *Гао Цюсюнь* 高去尋. Хоуцзячжуан ди ба бэнь. 1550 хао да му 侯家莊第八本. 1550 號大墓 (Хоуцзячжуан, восьмая серия. Могила № 1550). Тайбэй, 1976.
- Ма Дэчжи* 马得志, *Чжоу Юнчжэнь* 周永珍, *Чжан Юньпэн* 张云鹏. 1953 нянь Аньян Дасыкунцунь фацзюэ баогао 1953 年安阳大司空村发掘报告 (Отчет о раскопках 1953 г. в дер. Дасыкун под Аньяном) // Каогу сюэбао 考古学报 (Вестник археологии). 1955. № 9. С. 25–90.
- Сыма Цянь* 司马迁. Ши цзи 史记 (Исторические записки). Т. 1–2. Шанхай, 1997.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Иньсюй Фу-хао му 殷墟婦好墓 (Могила Фу-хао на развалинах Иньского городища). Пекин, 1985.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Иньсюй Цзячжуан дун 269 хао му 殷墟戚家庄东 269 号墓 (Могила № 269 к востоку от дер. Цицзячжуан в Иньсюе) // Каогу сюэбао 考古学报 (Вестник археологии). 1991. № 3. С. 325–352.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). 1969–1977 нянь Иньсюй сицю муцзан фацзюэ баогао 1969–1977 年殷墟西区墓葬发掘报告 (Отчет о раскопках захоронений западного уча-

- стка Иньсюя, проведенных в 1969–1977 гг.) // Каогу сюэбао 考古学报 (Вестник археологии). 1979. № 1. С. 27–146.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй 中国社会科学院考古研究所安阳工作队 (Аньянский рабочий отряд Института археологии Академии общественных наук КНР). 1973 нянь Аньян Сяотунь наньди фацзюэ цзяньбао 1973 年安阳小屯南地发掘简报 (Краткий отчет о раскопках к югу от дер. Сяотунь близ Аньяна в 1973 г.) // Каогу 考古 (Археология). 1975. № 1. С. 27–46.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй 中国社会科学院考古研究所安阳工作队 (Аньянский рабочий отряд Института археологии Академии общественных наук КНР). 1973 нянь Сяотунь наньди фацзюэ баогао 1973 年小屯南地发掘报告 (Отчет о раскопках к югу от дер. Сяотунь в 1973 г.) // Каогусяэ цзикань 考古学集刊 (Сборник статей по археологии Китая). Пекин. 1995. № 9. С. 45–137.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй 中国社会科学院考古研究所安阳工作队 (Аньянский рабочий отряд Института археологии Академии общественных наук КНР). 1986–87 нянь Аньян Хуаюаньчжуан нань ди фацзюэ баогао 1986–87 年安阳花园庄南地发掘报告 (Отчет об археологических раскопках к югу от дер. Хуаюаньчжуан в 1986–1987 гг.) // Каогусяэ бао 考古学报 (Вестник археологии). 1992. № 1. С. 97–128.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй 中国社会科学院考古研究所安阳工作队 (Аньянский рабочий отряд Института археологии Академии общественных наук КНР). 1991 нянь Аньян Хуаюаньчжуан дунди, наньди фацзюэ цзяньбао 1991 年安阳花园庄东地、南地发掘简报 (Краткий отчет о раскопках к востоку и югу от дер. Хуаюаньчжуан близ Аньяна в 1991 г.) // Каогу 考古 (Археология). 1993. № 6. С. 488–499.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй 中国社会科学院考古研究所安阳工作队 (Аньянский рабочий отряд Института археологии Академии общественных наук КНР). 1998 нянь ~1999 нянь Аньян Хуаньбэй Шан чэн Хуаюаньчжуан дун ди фацзюэ баогао 1998 年~1999 年安阳洹北商城花园庄东地发掘报告 (Краткий отчет об археологических раскопках 1998–1999 гг. в восточной части Хуаюаньчжуан к северу от р. Хуань в шанском городе в Аньяне) // Каогусяэ цзикань 考古学集刊 (Сборник статей по археологии Китая). Пекин. 2004. № 15. С. 296–358.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй 中国社会科学院考古研究所安阳工作队 (Аньянский рабочий отряд Института археологии Академии общественных наук КНР). Хэнань

- Аньянши Хуаньбэй Шан чэн дэ каньча юй шицзюэ 河南安阳市洹北商城的勘察与试掘 (Исследование и пробные раскопки городища Шанского времени на северном берегу р. Хуань близ г. Аньян пров. Хэнань) // Каогу 考古 (Археология). 2003. № 5. С. 3–16.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). 1976 нянь Аньян Сяотунь сибэйдэ фацзюэ цзяньбао 1976 年安阳小屯西北地发掘简报 (Бюллетень раскопок 1976 г. на северо-западе дер. Сяотунь под Аньяном) // Каогу 考古 (Археология). 1987. № 4. С. 295–302.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). 1987 нянь ся Аньян Гоцзячжуан дуннань Инь му дэ фацзюэ Инь му 1987 年夏安阳郭家庄东南殷墓的发掘 殷墓 (Раскопки иньской могилы к юго-востоку от дер. Гоцзячжуан близ Аньяна летом 1987 г.) // Каогу 考古 (Археология). 1988. № 10. С. 875–881.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Аньян Дасыкунцунь дундэ и цзо Инь му 安阳大司空村东南的一座殷墓 (Могилы Иньского периода юго-восточнее дер. Дасыкун под Аньяном) // Каогу 考古 (Археология). 1988. № 10. С. 865–874.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Аньян Гоцзячжуан си-наньдэ Иньдай чэмакэн 安阳郭家庄西南的殷代车马坑 (Захоронения колесниц и лошадей иньского периода юго-западнее дер. Гоцзячжуан близ Аньяна) // Каогу 考古 (Археология). 1988. № 10. С. 882–893.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Аньян Сяотунь 安阳小屯 (дер. Сяотунь под Аньяном). Пекин, 2004.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Аньян Угуаньцунь бэйдэ Шандай цзисыкэн дэ фацзюэ 安阳武官村北的商代祭祀坑的发掘 (Раскопки жертвенных ям шанского времени севернее дер. Угуаньцунь близ Аньяна) // Каогу 考古 (Археология). 1987. № 12. С. 1062–1070.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Аньян Иньсюй Хуаюаньчжуан дундэ Шандай муцзан 安阳殷墟花园庄东地商代墓葬 (Кладбище шанского времени к востоку от дер. Хуаюаньчжуан на Иньсюе близ Аньяна). Пекин, 2007.

- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Аньян Сяотуньцунь бэйдэ лян цзо Иньдай му 安阳小屯村北的两座殷代墓 (Две иньских могилы севернее дер. Сяотунь близ Аньяна) // Каогу сюэбао 考古学报 (Вестник археологии). 1981. № 4. С. 491–518.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Аньян Иньсуй Саньцзячжуан дундэ фацзюэ 安阳殷墟三家庄东的发掘 (Раскопки восточнее дер. Саньцзячжуан Иньсюя близ Аньяна) // Каогу 考古 (Археология). 1983. № 2. С. 126–132.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Иньсуй дэ фасянь юй яньцзюэ 殷墟的发现与研究 (Обнаружение и исследование Иньсюя). Пекин, 1994.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Иньсуй фацзюэ баогао 1958–1961 殷墟发掘报告 1958–1961 (Отчет о находках на Иньсюе в 1958–1961 гг.). Пекин, 1987.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Сяотунь наньди цзягу 小屯南地甲骨 (Гадательные кости к югу от дер. Сяотунь). Т. 1–3. Пекин, 1980–1984.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй 中国社会科学院考古研究所安阳工作队 (Аньянский рабочий отряд Института археологии Академии общественных наук КНР) Иньсуй 259, 260 хао му фацзюэ баогао 殷墟 259, 260 号墓发掘报告 (Отчет о раскопках могил № 259 и 260 Иньсюя). // Каогу сюэбао 考古学报 (Вестник археологии). 1987. № 1. С. 99–117.
- Чжунго шэхуэй кэсюэюань лиши яньцзюсо 中国社会科学院历史研究所 (Институт истории Академии общественных наук КНР). Цзягу-вэнь хэцзи 甲骨文合集 (Собрание надписей на гадательных костях). Т. 1–13. Пекин, 1978–1982.
- Чжунго шэхуэй кэсюэюань лиши яньцзюсо 中国社会科学院历史研究所 (Институт истории Академии общественных наук КНР). Цзягу-вэнь хэцзи бубянь 甲骨文合集補編 (Дополнение к собранию написей на гадательных костях). Т. 1–4. Пекин. 1999.
- Ши Чжанжу* 石璋如. Сяотунь, ди и бэнь. Ичжи дэ фасянь юй фацзюэ Ибянь 小屯, 第一本. 遺址的發現与發掘. 乙編 (Сяотунь. Т. 1. Вып. 2. Остатки сооружений). Тайбэй, 1959.
- Ши Чжанжу* 石璋如. Сяотунь, ди и бэнь. Иньсуй муцзан. Саньбянь, бэйцзу муцзан 小屯, 第一本. 殷墟墓葬. 三編, 北組墓葬 (Сяотунь.

- Т. 1. Вып. 3. Погребения Иньсюя. Могильники Северного сектора). Тайбэй, 1970.
- Ши Чжанжу* 石璋如. Сяотунь, ди и бэнь. Иньсюй муцзан. Саньбянь, чжунцзу муцзан 小屯, 第一本. 殷墟墓葬. 三編, 中組墓葬 (Сяотунь. Т. 1. Вып. 3. Погребения Иньсюя. Могильники Центрального сектора). Тайбэй, 1972.
- Ши Чжанжу* 石璋如. Сяотунь, ди и бэнь. Иньсюй муцзан. Саньбянь, наньцзу муцзан 小屯, 第一本. 殷墟墓葬. 三編, 南組墓葬 (Сяотунь. Т. 1. Вып. 3. Погребения Иньсюя. Могильники Южного и Северного секторов). Тайбэй, 1973.

Литература

На русском языке

- Алексеев В.П.* Историческая антропология. М., 1979.
- Большой китайско-русский словарь в 4 томах / Под ред. И.М. Ошанина. М., 1984.
- Богачихин М.М.* Ранняя керамика Китая. Развитие технологии // III науч. конф. «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1972. С. 105–110.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 2008.
- Буканов В.В.* Цветные камни. Геммологический словарь. СПб., 2001.
- Бунаков Ю.* Гадательные кости из Хэнани (Китай). Очерк истории и проблематики в связи с коллекцией ИКДП. М.–Л., 1935
- Варенов А.В.* Бронзовые шлемы на границе Чжоуского Китая и их «кубанские» аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-восточного Китая. Новосибирск, 1994. С. 86–94. (История и культура Востока Азии.)
- Варенов А.В.* Некоторые проблемы археологических исследований эпохи Инь в Китае (по материалам находок в могиле Фу Хао) // XII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1981. С. 21–27.
- Варенов А.В.* О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984. С. 42–51.
- Варенов А.В.* Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 56–75.
- Васильев Л.С.* Аграрные отношения в Древнем Китае (XI–VII вв. до н.э.). М., 1961.
- Васильев Л.С.* Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь. М., 1964.

- Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. 1. М., 1995.
- Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
- Горелик М.В.* Оружие древнего Востока. М., 1993.
- Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 томах. Т. 1. М., 1972.
- Евсюков В.В.* Реконструкция духовной культуры на примере доисторического Китая // Народы Азии и Африки. 1986. № 6.
- Земпер Г.* Практическая эстетика. М., 1970.
- Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / Под ред. В.И. Кузищина. СПб., 2002.
- История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998.
- Карпатьянц А.М.* Древнейшая китайская культура по свидетельству «Великих правил» // V науч. конф. «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1974. С. 24–34.
- Карпатьянц А.М.* Формирование системы канонов в Китай // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981. С. 224–278.
- Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Пер. с кит. Э.М. Яншиной. М., 1977.
- Кожин П.М.* Значение орнаментации керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследований этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981. С. 131–161.
- Кожин П.М.* Об иньских и чжоуских бронзовых ритуальных котлах // IX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1978. Ч. 1. С. 40–49.
- Кожин П.М.* Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
- Кожин П.М.* Типология древней материальной культуры Евразии (неолит – железный век) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 201–220.
- Кожин П.М.* Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи энеолита – раннего железного века (Палеокультурология и колесный транспорт). Автореф. докт. дисс. М., 1990.
- Комиссаров С.А.* Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
- Кравцова М.Е.* История культуры Китая. СПб., 1999.
- Крил Х.Г.* Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб., 2001.
- Крюков В.М.* Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь–Чжоу. М., 2000.

- Крюков М.В.* Язык иньских надписей. М., 1993.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблема этногенеза. М., 1978.
- Крюков М.В., Хуан Шу-ин.* Древнекитайский язык. М., 1978.
- Кузнецова-Фетисова М.Е.* Влияние металлообработки на производство керамических, каменных и костяных изделий в эпоху Шан-Инь (XVI–XI вв. до н.э.) // XXXV науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2005. С. 16–24.
- Кузнецова-Фетисова М.Е.* Реконструкция отдельных сторон функционирования столицы Инь (дин. Шан, XVI–XI вв. до н.э.) // XLII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2012. С. 89–107. (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 6, т. 1.)
- Куликов Д.Е.* К вопросу об истории древних цянгов // XXXI науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2001.
- Куликов Д.Е.* Орнитологические мотивы в культуре Шан-Инь и их связь с древнекитайской мифологией // XXXII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2002.
- Кучера С.* Историография древней истории Китая // Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / Под ред. проф. В.И. Кузищина. СПб., 2002. С. 163–303.
- Кучера С.* К проблеме генезиса древнекитайского города // XVII науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1986. С. 11–17.
- Кучера С.* Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. М., 1977.
- Кучера С.* Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь // X науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1979. С. 207–218.
- Кучера С.* Поиски Ся: возможный ключ к решению проблемы // XXII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1991.
- Кучера С.* Проблема генезиса шан-иньских гадательных костей // XXXIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2003. С. 6–34.
- Ольховский В.С.* К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие. Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
- Погодовые записи на бамбуковых планках / Пер. и коммент. Кузнецовой-Фетисовой М.Е. // Древний Восток и античный мир: Труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 6. М., 2004. С. 183–200.
- Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. статей. М., 1999.
- Погребенные царства Китая / Пер. с англ. А. Чекмарева. М., 1998.

- Серкина А.А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма (надписи на гадательных костях). М., 1973.
- Стратанович Г.Г.* О ранних верованиях древних китайцев (тотемизм) // Краткие сообщения института народов Азии. М., 1963.
- Сьма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 2001.
- Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая. М., 1958.
- Чжун Сук-Бэ.* О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 110–137.
- Шицзин* (Книга песен и гимнов) / Пер. А.А. Штукина. М., 1987.
- Яншина Э.М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984.

На английском языке

- Ackerman Ph.* Ritual Bronzes of Ancient China. N.Y., 1945.
- Allan S.* The Shape of the Turtle: Myth, Art, and Cosmos in Early China. N.Y., 1991.
- Barnard N.* Bronze casting and bronze alloys in Ancient China. Tokyo, 1961.
- Chang Kwang-chi.* Art, Myth, and Ritual. The Path to Political Authority in Ancient China. Cambridge; London, 1983.
- Chang Kwang-chi.* Early Chinese Civilization: Anthropological Perspectives. Cambridge; London, 1976.
- Chang Kwang-chi.* Shang Civilization. New Haven, 1980.
- Chang Kwang-chi.* The Archaeology of Ancient China. New Haven; London, 1977.
- Cheng Te-kun.* Archaeology in China. Vol. 2, Shang China. Cambridge, 1960.
- Dubs H.H.* A canon of lunar eclipses for Anyang and China // Harvard Journal of Asiatic Studies, 10 (1948). P. 162–178.
- The Early China Forum // Early China. 1989. № 14.
- Institute of Archaeology, CASS. Chinese Archaeology. Vol. 1, 2001. Beijing, 2001.
- Karlgren B.* Some Fecundity Symbols in Ancient China. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities, Bull. 2: 1–66, 1930.
- Keightley D.* Kingship and Kinship: the Royal Lineages of Late Shang. Hawaii, 1982.
- Keightley D.* Royal Shamanism in the Shang: Archaic Vestige or Central Reality? Berkeley, 1983.

- Keightley D.* Sources of Shang History. The Oracle-Bone Inscriptions of Bronze Age China. Berkeley; Los Angeles; London, 1985.
- Keightley D.* The Ancestral Landscape. Time, Space, and Community in Late Shang China (ca. 1200 – 1045 B.C.). Berkeley, 2002.
- Latourette K.S.* The Chinese: their history and culture. N.Y., 1934.
- Li Chi.* Book of Rites / Transl. by J. Legge. Vol. 1–2. N.Y., 1967.
- Li Chi.* Anyang. Seattle, 1972.
- Li Chi.* The beginnings of Chinese civilization. Seattle, 1957.
- Li Xueqin.* The Wonder of Chinese Bronzes. Beijing, 1980.
- Lienert U.* Typology of the Ting in the Shang dynasty. A tentative chronology of the Yin-hsu period. Wiesbaden, 1979.
- Rawson J.* Chinese bronzes. Art and ritual. London, 1987.
- Shaughnessy E.L.* The “Current” Bamboo Annals and the Date of the Zhou Conquest of Shang // Early China. No 11–12, 1985–1987. P. 33–60.
- Thorp R.* Erlitou and the Search for the Xia // Early China. 1991. № 16.
- Thorp R.* Shang Ritual Assemblages: Archaeological and Cultic Definitions. Berkeley, 1983.
- Treistman J.M.* The prehistory of China. An archaeological exploration. N.Y., 1972.
- White W.C.* Bone culture of Ancient China. Toronto, 1945.
- Yang Bao-cheng.* On periodization of the Yinxu culture // Chinese Archaeology. Vol. 1. Beijing, 2001.

На китайском языке

- Го Можо* 郭沫若. Нуличжи шидай 奴隶制世代 (Эпоха рабовладения). Пекин, 1954.
- Го Можо* 郭沫若. Цзягу вэньцзы яньцзю 甲骨文字研究 (Исследования надписей на гадательных костях). Пекин, 1952.
- Го Можо* 郭沫若. Чжунго гудай шэжуй яньцзю 中国古代社会研究 (Исследование древнекитайского общества). Шанхай, 1930.
- Гоши цзювэнь 国史旧文 (Древние сведения по истории государства (в Китае)). Пекин, 1958.
- Иньсюй 殷墟 (Развалины Иньского городища). Пекин, 1976.
- Иньсюй таоци 殷墟陶器 (Иньская керамика) // Каогу 考古 (Археология). 1988. № 10. С. 942–954.
- Иньсюй юйци 殷墟玉器 (Яшмы из Иньсюя). Пекин, 1981.
- Лю Имань* 刘一曼. Аньян Иньсюй цзягу чу ту ди цзи ци сянгунань вэньти 安阳殷墟甲骨出土地及其相关问题 (Места обнаружения гадательных костей на территории Иньсюя под Аньяном и другие вопросы) // Каогу 《考古》 (Археология). 1997. № 5. С. 51–60.

- Лю Имань* 刘一曼, *Хэ Юйлин* 何毓灵. Иньсюй каогу цанькао вэньсянь 殷墟考古参考文献 (Библиография археологии Иньсюя) // Каогу-сюэ цзикань 考古学集刊 (Сборник статей по археологии Китая). Пекин. 2004. № 15. С. 395–398.
- Лю Цзяньго* 刘建国. Хуаньхэ лююй цююй каогу синьси ситун дэ цзяньшэ юй таньсо 洹河流域区域考古信息系统的建设与探索 (Построение системы данных археологического изучения течения реки Хуаньхэ) // Каогу 考古 (Археология). 2001. № 9. С. 78–81.
- Мэн Сяньу* 孟宪武. Аньян Иньсюй каогу яньцзю 安阳殷墟考古研究 (Исследование археологии Иньсюя под Аньяном). Чжэнчжоу, 2003.
- Сюй Чжуншю* 徐中舒. Цзягу вэньцзы дянъ 甲骨文字典 (Словарь знаков на гадательных костях). Чэнду, 1988.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР) Чжунго каогусюэ. Ся Шан цзюань 中国考古学. 夏商卷 (Китайская археология. Династии Ся и Шан). Пекин, 2003.
- Чэнь Сюй* 陈旭. Гуаньюй «Пань Гэн цянь Инь» вэньти дэ идянь сяньфа 关于“盘庚迁殷”问题的一点想法 (Некоторые идеи по поводу перенесения Пань Гэном столицы в Инь) / Чжунъюань вэньу 中原文物 2011. № 3. С. 24–27.
- Ху Хоусюань* 胡厚宣, *Ху Чжэньюй* 胡振宇. Инь Шан ши 殷商史 (История Инь-Шан). Шанхай, 2003.
- Хуан Цисюй* 黄其煦. Аньян Иньсюй чжунсяому чжун жэньгудэ дуйин фэньси 安阳殷墟中小墓中人骨的对应分析 (Анализ человеческих костей из могил небольшого размера в Иньсюе близ Аньяна) // Каогу 考古 (Археология). 1988. № 4. С. 366–370.
- Хуан Чжаньюэ* 黄展岳. Чжунгожэньшэн жэньсюнь вэньти 中国的人牲人殉问题 (Вопрос о человеческих жертвоприношениях и сопогребениях в Китае) // Каогу 考古 (Археология). 1987. № 2. С. 159–168.
- Хуан Чжаньюэ* 黄展岳. Инь-Шан муцзанчжун жэньсюнь жэньшэн цзай каоча 殷商墓葬中人殉人牲再考察 (Новое исследование человеческих жертвоприношений и сопогребений в инь-шаньских погребениях) // Каогу 考古 (Археология). 1983. № 10. С. 935–949.
- Хэнань чуту Шан Чжоу цинтунци 河南出土商周青铜器 (Бронзовые предметы династий Шан и Чжоу, обнаруженные в пров. Хэнань). Пекин, 1981. Т. 1.
- Хэнань шэн вэньхуа цзюй вэньу гунцзо дуй 河南省文化局文物工作队 (Рабочий отряд по охране и изучению памятников материальной культуры Хэнаньского провинциального управления по делам культуры). Чжэнчжоу Эрлиган 郑州二里岗 (Эрлиган близ Чжэнчжоу). Пекин, 1959.

- Чан Юйчжи* 常玉芝. Шандай чжоу цзи чжиду 商代周祭制度 (Система жертвоприношений в Шанскую эпоху). Пекин, 1987.
- Чжоу Юнчжэнь* 周永珍. Иньдай муцзан синчжи 殷代墓葬形制 (Формы погребения при Шан) // Каогу тунсюнь 考古通讯 (Новости археологии). 1955. № 6. С. 42–48.
- Чжунго гудай хуоби ши 中国古代货币史 (История денег в Древнем Китае). Пекин, 1984.
- Чжунго дабайкэ цюаньшу. Каогусюэ 中国大百科全书: 考古学 (Серия: Большая китайская энциклопедия. Археология). Пекин, 1986–1988.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中国社会科学院考古研究所 (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Цзягувэнь бянь 甲骨文编 (Собрание изображений знаков на гадательных костях). Пекин, 2005.
- Чжунго каогу 中国考古 (Китайская археология). Шанхай, 1992.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Эрлитоу дуй 中国社会科学院考古研究所二里头队 (Эрлитоуский отряд Института археологии Академии общественных наук КНР). 1980 нянь цю Хэнань Яньши Эрлитоу ичжи фацзюэ цзянь бао 1980 年秋河南偃师二里头遗址发掘简报 (Краткий отчет о раскопках памятника в Эрлитоу уезда Яньши пров. Хэнань осенью 1980 г.) // Каогу 考古 (Археология). 1983. №3.
- Чжэнь Жокуй* 郑若葵. Шилунь Шандай дэ чэма цзан 试论商代的车马葬 (Рассуждения по поводу захоронений колесниц и лошадей Шанского периода) // Каогу 考古 (Археология). 1987. № 5. С. 462–469.
- Чжэнь Чжэньсянь* 郑振香. Фу хао му чу ту Сымумяо му минвэнь тунци таньтао 妇好墓出土司母铭文铜器探讨 (Исследование бронзовых изделий с надписью Сымяньму из могилы Фу-хао) // Каогу 考古 (Археология). 1983. № 8. С. 716–725.
- Чжэнь Чжэньсянь* 郑振香. Иньсюйфацзюэ люши гайшу 殷墟发掘六十概述 (Краткое изложение результатов раскопок Иньсюя за 60 лет) // Каогу 考古 (Археология). 1988. № 1. С. 929–941.
- Чэнь Мэн-цзя* 陈梦家. Иньсюй буцы цзуншу 殷墟卜辞综述 (Общий свод сведений о гадательных надписях из Иньсюя). Пекин, 1956.
- Чэнь Чжидэ* 陈志达. Иньсюй 殷墟 (Иньсюй). Пекин, 2007.
- Ян Баочэн* 杨宝成. Иньсюй вэньхуа яньцзю 殷墟文化研究 (Исследование культуры Иньсюя). Ухань, 2003.
- Ян Сичжан* 杨锡璋. Шандай дэ муди чжиду 商代的墓地制度 (Система кладбищ Шанского периода) // Каогу 考古 (Археология). 1983. № 10.
- Ян Сичжан* 杨锡璋, *Лю Имань* 刘一曼. Иньсюй циши нянь дэ чжюяо шоухуо 殷墟考古七十年的主要收获 (Важные достижения ар-

хеологии Иньсюя за 70 лет) // Каогусюэ цзикань 考古学集刊 (Сборник статей по археологии Китая). Пекин. 2004. С. 18–31.

Яо Сяосуй 姚孝遂. Жэньшэн хэ жэньсюнь 人牲和人殉 (Человеческие жертвоприношения и человеческие сопогребения) // Шисюэ юэ кань 史学月刊 (Ежемесячник исторической науки). 1960. № 9. С. 31–35.

Юй Шэнью 于省吾. Цзягу вэньцзы шилинь 甲骨文字释林 (Сборник разъяснений к знакам на гадательных костях). Тайбэй. 1981.

Указатель имен

Аллан С. 27–28	Крюков М.В. 29
Варенов А.В. 30	Кучера С. 6, 29
Васильев Л.С. 29	Ли Цзи 15, 23, 29
Гао Цюсюнь 23	Лян Сыюн 16–19
Го Можо 37, 39, 88	Сыма Цянь 9, 10, 35, 123,
Дун Цзобинь 14, 15, 23	У-дин 21, 23, 30, 73–76, 86
Китли Д. 28	Фу-хао 21, 61
Кожин П.М. 6, 30	Ху Хоусюань 25–27, 88
Крюков В.М. 30	Чэнь Мэнцзя 23

**Указатель
географических
и этнических названий**

Аньян 7, 14, 15, 17, 19, 24, 26,
27, 32, 44, 45, 66, 77, 86,
89, 121, 139, 142	Хоуган 16, 98
Гоцзячжуан 20, 21	Хуаньхэ 44, 47–50, 53, 68–69,
72–75, 77, 86, 103, 141, 142
Дасыкунцунь 20, 98	Хуаюаньчжуан 21, 47, 64, 92,
94, 96
Иньсуй 8, 36	Хэнань 9, 14, 44, 121
Сяоминьтунь 20, 22, 97	Чжэнчжоу 49, 112
Сяотунь 14–16, 20–22, 32, 44,
47, 49, 51, 61, 68, 72–74,
76, 91–99, 101, 102, 141	Шан-Инь, династия 6, 9–11,
13, 14, 19, 23–27, 30, 31,
34, 35, 42, 99, 112, 118, 121,
128, 132, 136, 138, 140
Тайхэншань 121	

Список черно-белых иллюстраций

- Илл. 1.* Формы иероглифа Инь 殷 в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах [Сюй Чжуншу, 1988, с. 931–932].
- Илл. 2.* Формы иероглифов «тело» 身 и «беременная женщина» 孕 в надписях на гадательных костях [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 557].
- Илл. 3.* Формы иероглифа «отец» 父 в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах [Сюй Чжуншу, 1988, с. 282–340; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 116–138].
- Илл. 4.* Формы иероглифов с элементом «рука с палкой» в надписях на гадательных костях [Сюй Чжуншу, 1988, с. 337].
- Илл. 5.* Форма иероглифа «сыновняя почтительность» 孝 с элементом «рука с палкой» в надписях на гадательных костях [Сюй Чжуншу, 1988, с. 347; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 146].
- Илл. 6.* Формы иероглифа Шан 商 в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах [Сюй Чжуншу, 1988, с. 214–215].
- Илл. 7.* Форма иероглифа «внутренний» 内 в надписях на гадательных костях [Сюй Чжуншу, 1988, с. 578–579; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 240].
- Илл. 8.* Форма иероглифа, обозначающего 8-й знак 10-ричного цикла 辛 в надписях на гадательных костях [Сюй Чжуншу, 1988, с. 1561; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 553–554].
- Илл. 9.* Форма иероглифа «ветер, божество ветра» 風 в надписях на гадательных костях [Сюй Чжуншу, 1988, с. 1429–1430; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 187–188].
- Илл. 10.* Форма иероглифа «дракон» 龍 в надписях на гадательных костях [Сюй Чжуншу, 1988, с. 240–241, 1659–60; Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 101–102].
- Илл. 11.* Рельеф местности близ Аньяна, пров. Хэнань, КНР, карта с сайта www.google.ru/maps.
- Илл. 12.* Карта «Великого города Шан» (подготовлена на основе публикации археологического отчета «Сяотунь близ Аньяна» [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 3]).
- Илл. 13.* Район дворцов и храмов предков у дер. Сяотунь [Li Chi, 1972, с. 152].
- Илл. 14.* Расположение погребений рядом с Б7-Б21 [Ши Чжанжу, 1959, с. 230].

- Илл. 15.* Стратиграфия погребения М238 [Ши Чжанжу, 1970, с. 378, илл. 116].
- Илл. 16.* Стратиграфия погребения М242 [Ши Чжанжу, 1970, с. 403, илл. 118].
- Илл. 17.* Стратиграфия погребения М5 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 5].
- Илл. 18.* Предположительное расположение крупнейших бронзовых артефактов в М5 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 14].
- Илл. 19.* Археологические раскопки городища к северу от реки Хуаньхэ [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2003, с. 4].
- Илл. 20.* Общий вид «царского» некрополя [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 114].
- Илл. 21.* Погребение М1001 и близлежащие мелкие погребения [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 105].
- Илл. 22.* Структура погребения М1002 [Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1965, илл. 1].
- Илл. 23.* Обезглавленные костяки в погребении М1001 [Лян Сыюн, Гао Цюсюнь, 1962, илл. 4].
- Илл. 24.* Расположение ямы Н17 и разрушающего ее погребения М13 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1995, с. 56].
- Илл. 25.* Расположение ямы Н24 и разрушающего ее погребения М9 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзо дуй, 1995, с. 77].
- Илл. 26.* Расположение ям с гадательными костями с надписями на территории городища близ дер. Сяотунь, раскопки 1928–1937 гг. [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1994, с. 12].
- Илл. 27.* Керамические сосуды, подражающие бронзовым, из раскопок кладбища Западного сектора Иньсюя [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1979, с. 79].
- Илл. 28.* Керамика и бронза из Эрлитоу: 1, 2, 3, 5, 7, 8, 10 – керамика; 4, 6 – бронза; 9 – фрагмент лакированного изделия [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Эрлитоу дуй, 1983, с. 203].
- Илл. 29.* Бронзовый сосуд с поясной орнаментацией [Хэнань чуту Шан Чжоу цинтунци, 1981, ч/б. илл. 274].
- Илл. 30.* Бронзовый сосуд с поясной орнаментацией и крестообразными отверстиями в поддоне [Хэнань чуту Шан Чжоу цинтунци, 1981, ч/б. илл. 24].
- Илл. 31.* Бронзовый сосуд с поясной орнаментацией [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, ч/б. илл. XXXII, № 1].

- Илл. 32.* Бронзовый сосуд с поясной орнаментацией и литейными швами [Хэнань чуту Шан Чжоу цинтунци, 1981, ч/б. илл. 335].
- Илл. 33.* Бронзовый сосуд с маской «тао-тэ» и литейными швами [Хэнань чуту Шан Чжоу цинтунци, 1981, ч/б. илл. 240].
- Илл. 34.* Орнамент на бронзовом сосуде [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 22, рис. 11, № 1].
- Илл. 35.* Ручка бронзового сосуда [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, ч/б. илл. XXXVI, № 1].
- Илл. 36.* Бронзовый сосуд с ручкой в виде дракона [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 74, рис. 49, № 2].
- Илл. 37.* Керамический сосуд [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Эрлитоу дуй, 1983, с. 215, илл. 6, № 11].
- Илл. 38.* Орнамент на керамических сосудах [Хэнань шэн вэньхуа цзюй вэньу гунцзо дуй, 1959, рис. 31 (верхний фрагмент)].
- Илл. 39.* Керамический сосуд [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1979, илл. 8, № 2].
- Илл. 40.* Каменная крышка [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, ч/б. илл. CLXIX, № 6].
- Илл. 41.* Бронзовый сосуд с литейными швами [Хэнань чуту Шан Чжоу цинтунци, 1981, ч/б. илл. 36].
- Илл. 42.* Бронзовый нож [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, ч/б. илл. LXV, № 1].
- Илл. 43.* Бронзовый нож [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, ч/б. илл. LXV, № 2].
- Илл. 44.* Керамические сосуды с имитацией литейных швов [Хэнань шэн вэньхуа цзюй вэньу гунцзо дуй, 1959, рис. 2, № 1, 2, 5, 7].
- Илл. 45.* Керамический сосуд с имитацией литейных швов [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1979, илл. 8, № 3].
- Илл. 46.* Сосуд из поделочного камня с имитацией литейных швов [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, цв. илл. XIV, № 1].
- Илл. 47.* Ножи из поделочного камня с имитацией литейных швов [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, цв. илл. XX', № 3].
- Илл. 48.* Подвески из поделочного камня с декоративными закраинами [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, ч/б. илл. CIV, № 2].
- Илл. 49.* Шпильки из кости с декоративными закраинами [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, ч/б. илл. CLXXX, № 1].
- Илл. 50.* Керамические сосуды с крестообразными и круглыми отверстиями в поддоне [Хэнань шэн вэньхуа цзюй вэньу гунцзо дуй, 1959, рис. 6, № 5, 11].

Илл. 51. Сосуд из камня с крестообразными отверстиями в поддоне [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, ч/б. илл. LXXXIII, № 4].

Илл. 52. 1 – бронзовый сосуд № 808 и его поясной орнамент [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 41, рис. 28]; 2 – бронзовая секира № 699 [там же, с. 106, рис. 66]; 3 – бронзовый сосуд № 791 [там же, с. 51, рис. 33].

Илл. 53. 1 – бронзовый сосуд № 785 [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 1985, с. 55, рис. 36]; 2 – каменная статуэтка № 372 [там же, с. 153, рис. 80]; 3 – каменная резная пластинка № 358 [там же, с. 161, рис. 84, № 12]; 4 – каменная резная пластинка № 430 [там же, с. 161, рис. 84, № 8]; 5 – каменная резная пластинка № 354 [там же, с. 158, рис. 83, № 13].

Список цветных иллюстраций

Первая сторона переплета. Деталь бронзового сосуда, найденного в 1976 г. в погребении М5 («Могила Фу Хао») близ дер. Сяотунь. Фото автора (Аньян, 2013 г.).

Четвертая сторона переплета. Бронзовый артефакт с инкрустацией бирюзой. Фото с сайта museum.sinica.edu.tw (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань).

Илл. 1. Расположение Аньяна на рельефной карте Китая (вид с восточного побережья). «Великий город Шан» обозначен фиолетовым символом. Печатается по изд.: *Harrison R.E. Look at the World: the Fortune Atlas for World Strategy.* New York, 1944. P. 38–39.

Илл. 2. Обмелевшая река Хуаньхэ, современное состояние. Фото автора (Аньян, 2013 г.).

Илл. 3. Вид на «царский» некрополь с высоты птичьего полета. По контурам крупнейших погребений высажен кустарник. Фото с сайта www.auux.com (Музей Иньсюя).

Илл. 4. Колесницы, раскопанные на территории Аньянского центра. Фото автора (Аньян, 2013 г.).

Илл. 5. Квадрипод с изображением морды быка; обнаружен в «царском» погребении М1004. Один из крупнейших сосудов, найденных при археологических раскопках под Аньяном; вес 110 кг, высота 73,3 см. фото с сайта museum.sinica.edu.tw (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань).

Илл. 6. Архивное фото с расположением «бычьего» и «оленьего» квадриподов при раскопках. Фото с сайта digiarch.sinica.edu.tw (Академия Синика, Тайбэй, Тайвань).

Илл. 7. Маленький квадрипод; найден в 1987 г. при раскопках близ дер. Гоцзячжуан. Фото автора (Аньян, 2013 г.).

Илл. 8. Бронзовый сосуд; найден в 1976 г. в погребении М5 («Могила Фу Хао») близ дер. Сяотунь. Фото автора (Аньян, 2013 г.).

Илл. 9. Бронзовый сосуд. Фото автора (Аньян, 2013 г.).

Илл. 10. Изображение человеческого лица. Бронзовый артефакт; обнаружен в погребении М1400 «царского» некрополя. Высота 25,3 см, ширина 23,4 см. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).

Илл. 11. Скульптура монстра (деталь интерьера, резной камень); обнаружена в «царском» погребении М1001. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).

- Илл. 12.* Голова птицеподобного монстра (деталь интерьера, резной камень); обнаружена в «царском» погребении М1001. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 13.* Резное изображение птицы из поделочного камня; найдена в 1976 году в погребении М5 («Могила Фу Хао») близ дер. Сяотунь. Фото автора, Аньян, 2013 г.
- Илл. 14.* Скульптура человека из поделочного камня; найдена в 1976 г. в погребении М5 («Могила Фу Хао») близ дер. Сяотунь. Фото автора (Аньян, 2013 г.).
- Илл. 15.* Сосуд из поделочного камня. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 16.* Череп оленя с надписью; обнаружен в яме Н127 с крупнейшей находкой гадательных костей с надписями. Фото с сайта museum.sinica.edu.tw (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань).
- Илл. 17.* Раскопки ямы Н127 с крупнейшей находкой гадательных костей с надписями. Фото с сайта digiarch.sinica.edu.tw (Академия Синика, Тайбэй, Тайвань).
- Илл. 18–19.* Пластроны с надписью. Фото с сайта ogaclememory.ihp.sinica.edu.tw (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань).
- Илл. 20.* Надпись чернилами на кости. Фото с сайта ogaclememory.ihp.sinica.edu.tw (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань).
- Илл. 21.* Раскопки ямы с гадательными костями с надписями и захороненным человеческим черепом. Фото с сайта ogaclememory.ihp.sinica.edu.tw (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань).
- Илл. 22.* Человеческие черепа из заполнения «царского» погребения М1001. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 23.* Церемониальный клевец с лезвием из поделочного камня и бронзовой рукояткой с инкрустацией бирюзой. Фото с сайта www.asia.si.edu (Freer and Sackler Galleries).
- Илл. 24.* Церемониальные «яркообразные» предметы из бронзы с инкрустацией бирюзой. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 25.* Церемониальное копье с лезвием из поделочного камня и бронзовой рукояткой с инкрустацией бирюзой; найдено в 1986 г. в погребении М25 близ дер. Дасыкунцунь. Фото с сайта www.aux.com (Музей Иньсюя).

- Илл. 26.* Церемониальные клевец и копье с лезвиями из поделочного камня и бронзовыми рукоятками с инкрустацией бирюзой. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 27.* Бронзовая секира из погребения М54 близ дер. Хуаюань-чжуан. Фото автора (Аньян, 2013 г.).
- Илл. 28.* Бронзовое копье. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 29–30.* Белая керамика – начальный этап производства фарфора. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 31.* Белая керамика – начальный этап производства фарфора. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 32.* Шпильки из кости. Аньян. Фото с сайта www.cultural-china.com
- Илл. 33.* Резьба по кости; артефакт обнаружен в «царском» погребении М1001. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 34.* Скульптура птицы из поделочного камня. Фото автора (Музей института истории и филологии Академии Синика, Тайбэй, Тайвань, 2013 г.).
- Илл. 35.* Изображение по мотивам древнего искусства — скульптура близ Аньянского городского музея. Фото автора (Аньян, 2013 г.).

Содержание

Введение	5
История раскопок и изучения древней столицы под Аньяном	7
Династия Шан-Инь: что обозначают термины Шан и Инь	34
«Великий город Шан»: два городища	44
«Царский» некрополь под Аньяном	77
«Архивы» гадательных костей	88
Тесные связи различных ремесел	105
Источники сырья и вопрос взаимоотношений с соседями	121
Искусство «Великого города Шан»	126
Заключение	139
Приложение. Погодовые записи на бамбуковых планках [Глава 3].....	144
Библиография	169
Указатель имен	181
Указатель географических и этнических названий	182
Список черно-белых иллюстраций	183
Список цветных иллюстраций	187

Научное издание

Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна

**«Великий город Шан»
(XIV–XI вв. до н.э.)
и его значение
в древней истории Китая**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *В.И. Мартынюк*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.И. Чернышева*
Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова*

Подписано к печати 25.12.15
Усл. п.л. 11,0. Усл. кр.-отт. 13,8
Тираж 400 экз. Изд. № 8597. Зак. № 2045

Академиздатцентр «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Издательская фирма
«Восточная литература»
119049, Москва, Мароновский пер., 26
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039953-2

9 785020 399532